
3 1761 06973701 3

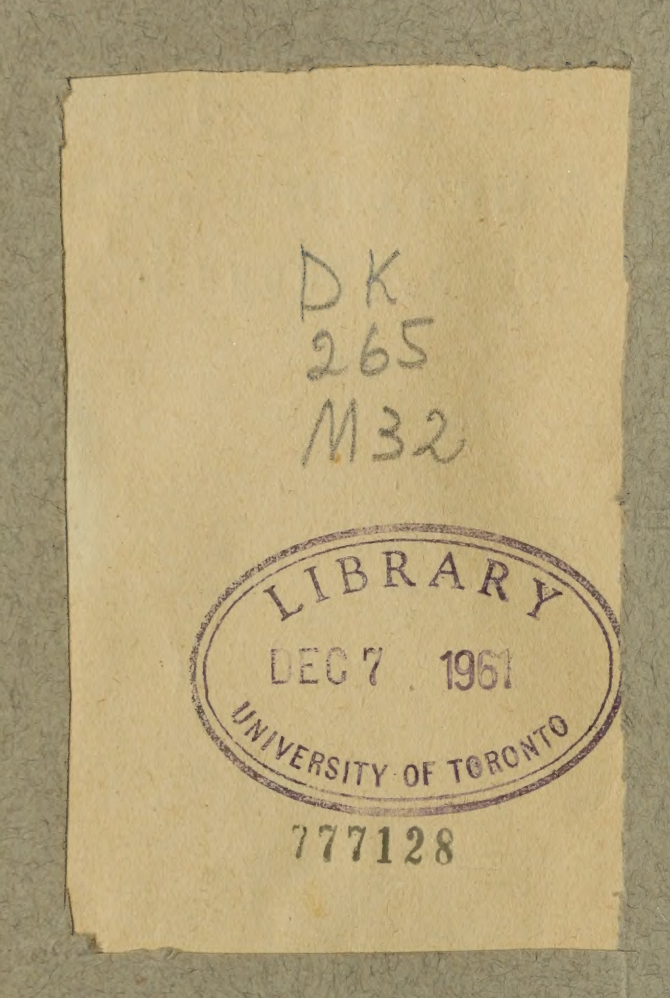
С. С. МАСЛОВЪ

РОССІЯ
ПОСЛѢ ЧЕТЫРЕХЪ ЛѢТЪ РЕВОЛЮЦІИ

Населеніе. — Промышленность. Транспортъ. — Сельское хозяйство. — Государственная власть. — Образованіе. — Духовные запросы. Печать.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
РУССКАЯ ПЕЧАТЬ
ПАРИЖЪ
1922

DK
265
M32
LIBRARY
DEC 7 1961
UNIVERSITY OF TORONTO
777128

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга С. С. Маслова является плодомъ не кабинетной работы, а непосредственнаго наблюденія жизни на мѣстахъ и, въ значительной мѣрѣ, — переживанія вмѣстѣ съ народомъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ его жизни за послѣдніе критическіе годы революціи.

По своей профессіи агрономъ и кооператоръ, авторъ работалъ среди сельскаго населенія въ теченіи ряда лѣтъ еще до войны и до революціи 1917 г. — вначалѣ въ Юго-западной, а потомъ въ Сѣверной Россіи. Война 1914 г. застала его на посту инструктора по кооперацiи и культурно-просвѣтительной работѣ при Вологодскомъ Кооперативномъ Союзѣ Маслодѣловъ. На его обязанности лежало періодически объѣзжать то одну, то другую часть волостей, охваченныхъ союзной организаціей, устраивать чтенія, курсы, выставки и анкеты, выступать съ докладами и отчетами на крестьянскихъ кооперативныхъ съѣздахъ, открывать новые маслодѣльные заводы и лавки, помогать возникновенію и оборудованію новыхъ народныхъ домовъ — словомъ руководить культурной самодѣятельностью большой демократической организаціи. Въ результатѣ чего получилась широкая популярность и довѣріе къ даровитому руководителю со стороны населенія и близкое знаніе народной жизни и его психологіи со стороны послѣдняго.

Естественно, поэтому, что когда въ 1917 г. подошли выборы въ Учредительное Собраніе, С. С. Масловъ былъ по праву избранъ крестьянами членомъ отъ Вологодской губ. Благодаря его-же огромной энергіи и обширнымъ связямъ среди крестьянъ въ томъ-же 1917 г. въ Петроградѣ рядомъ съ «большевитствующимъ Созѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ» возникъ «Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ», сыгравшій большую сдерживающую роль въ этотъ періодъ революціи. —

Въ 1918 г. онъ же явился руководителемъ движенія въ Сѣверной Области, окончившагося эвакуаціей Архангельска большевиками и образованіемъ тамъ Правительства Сѣверной Области при дѣятельномъ участіи самого Маслова. Вмѣшательство Союзнаго Командованія (ген. Пуля) въ управленіе Областью было причиной ухода Маслова изъ Правительства и отъѣзда его изъ Архангельска въ Сибирь черезъ Ледовитый Океанъ. Здѣсь онъ присутствовалъ въ Омскѣ при паденіи Директоріи и при началѣ правленія адм. Колчака. Но затѣмъ возвратился въ Европейскую Россію для того, чтобы занимать тамъ въ теченіи всѣхъ послѣднихъ лѣтъ позицію объективнаго наболюдателя въ роли то агронома, то техника, то статистика, постоянно передвигающагося по всей Россіи. Такимъ образомъ, имъ и былъ собранъ тотъ обширный фактическій матеріалъ, который и положенъ имъ теперь въ основаніе этой книги.

Основная мысль ея: центръ тяжести русской революціи не въ большевистскихъ верхахъ, а въ народѣ и его въ массовыхъ переживаніяхъ. За послѣдніе четыре года въ его душѣ и въ его навыкахъ произошелъ колоссальный сдвигъ, безъ правильнаго учета котораго невозможно ни понять, ни оцѣнить того, что происходитъ въ Россіи въ настоящемъ, ни того, что ожидаетъ ее въ будущемъ.

Н. Чайковскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Задачей настоящей книги является обобщенно-сжатая и объективная передача результатовъ общественныхъ процессовъ, протекавшихъ въ Россіи на протяженіи четырехъ послѣднихъ лѣтъ. Это — попытка подсчитать наслѣдство, которое недавнее прошлое передаетъ неизвѣстному грядущему.

Двоякаго рода процессы совершались въ истекшіе годы второго русскаго лихолѣтья: объективно-соціологическіе и соціально-психическіе. Первые деформировали строеніе и жизнь общества, вторые мѣняли коллективную душу населенія.

Результаты первыхъ процессовъ наглядны и четки. Какъ правило они поддаются количественному выраженію. И можно дать самое точное описаніе цыфрами.

Результаты вторыхъ процессовъ менѣе опредѣленны. Описанію при помощи цыфръ они не поддаются. Возможна только цыфровая иллюстрація ихъ, да и то лишь изрѣдка. Соціально-психическія перемѣны будутъ передаваться въ книгѣ почти исключительно при помощи *словесной* обрисовки ихъ. Чтобы усилить *четкость* обрисовки, современное состояніе коллективной души будетъ сравниваться съ ея дореволюціоннымъ прошлымъ; чтобы усилить ея *убѣдительность*, я буду всюду называть причины, вызвавшія эти перемѣны.

Соціально-психическіе сдвиги въ Россіи огромны, широки и безконечно разнообразны. Они огромны по числу и ихъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ. Они широки, ибо захватили всѣ общественные слои и всѣ взрослыя поколѣнія. Сдвиги — безконечно разнообразны, такъ какъ трудно назвать область души, которой бы не коснулись крылья великой бури, взволновавшей человѣческій океанъ Россіи до самаго дна.

Самой характерной чертой въ жизни коллективной души населенія въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ было ея постоянное *возбужденіе*. Бурная и мѣняющаяся жизнь не переставая несла населенію все новыя ощущенія, мысли, новыя настроенія, вызывая мѣняющіяся состоянія воли.

Душа населенія перерождалась. Волны революціонныхъ событій безъ устали размывали и уносили старыя психическія напластованія, отложившіяся за предыдущій періодъ относительно спокойнаго и устойчиваго общественнаго бытія.

Такъ дѣйствуетъ разыгравшаяся въ весеннее половодье русская рѣка: она размываетъ берега, сноситъ прежнія отмели и роетъ новое русло. Когда рѣка стихнетъ, приходится наново изучать ея фарватеръ. Рѣка, однако, не только смываетъ и уноситъ, она и наноситъ. Одновременно съ размывами идутъ и намывы. Изъ миріадовъ песчинокъ и илистыхъ частицъ, замутившихъ быстрыя вольныя воды, образуются новые острова и отмели.

Намывы создались и въ русской душѣ. Новыя черты появились у нея. Ослабѣли одни переживанія, усилились другія, вовсе исчезли третьи, родились четвертыя.

Пока длится полное половодье, намывы не стойки. Капризная рѣка ихъ такъ же легко уноситъ, какъ и создаетъ. За періодъ половодья фарватеръ мѣняется не разъ.

Современная русская жизнь не вошла въ берега и до сихъ поръ. Одновременные процессы размывовъ и намывовъ еще продолжаются въ ней. Это не позволяетъ говорить о новомъ духовномъ «лицѣ» Россіи, какъ окончательномъ и прочно сложившемся.

Революціонное половодье, однако, уже на убыли: вода быстро спадаетъ и населеніе все ближе къ спокойнымъ и прочнымъ берегамъ. Часть новыхъ намывовъ уже выступила на дневную поверхность. Они останутся надолго. О нихъ можно говорить увѣренно. Другая часть намывовъ еще подъ водой. Самый фактъ ихъ существованія легко открывается водомѣрнымъ шестомъ, но ихъ размѣры установить еще трудно, а ихъ устойчивость невозможно. Вѣроятны и намывы новые, пока отсутствующіе. Ихъ не предугадать. Сказать о нихъ ничего нельзя. Новое духовное «лицо» Россіи наблюдателемъ воспринимается поэтому неполнымъ.

Намывы, открытые спадающей водой многочисленны. Они — самые важные по значенію и устойчивости — оправдываютъ дѣлаемую въ этой книгѣ попытку характеризовать новый духовный обликъ, съ которымъ Россія послѣ четырехъ лѣтъ революціи вошла въ пятый и съ которымъ она войдетъ и въ свою будущую нормальную жизнь.

Въ книгѣ будетъ говориться только о психическихъ намывахъ, уже выступившихъ изъ воды, уже четкихъ и твердыхъ. Въ одномъ-двухъ случаяхъ я, однако, не удержусь отъ соблазна указать на новыя черты, которыя еще смутны, еще подъ водой. Не удержусь, ибо они волнующе важны.

Объектами вниманія при передачѣ процессовъ объективно-соціологическихъ въ этой книгѣ являются слѣдующіе: 1)*населеніе* — его численность, географическія перемѣщенія, его размѣщеніе между деревней и городомъ, его соціальная структура; 2)народное хозяйство въ его цѣломъ и въ основныхъ слагающихъ частяхъ — промышленности, транспортѣ и сельскомъ хозяйствѣ; 3) государство въ его укладѣ и хозяйствѣ, 4) культура, 5) внутренняя политическая жизнь.

Процессы соціально-психическіе слагаются изъ *общихъ* для всѣхъ слоевъ населенія и *специфическихъ* для каждаго изъ соціальныхъ пластовъ. Среди послѣднихъ я выдѣляю коммунистическую партію, интеллигенцію, крестьянство, рабочихъ, учащуюся молодежь и армію.

Граница, которая раздѣляетъ оба типа процессовъ, логически и принципіально четка, но въ дѣйствительной жизни, въ конкретныхъ событіяхъ, изъ которыхъ жизнь слагается, она такъ же невидима, какъ слѣдъ воздушнаго корабля. Иногда и логически она отыскивается лишь съ трудомъ и невѣрно. Такой случай даетъ внутренняя политическая жизнь: она такъ зависитъ отъ соціально-психическихъ процессовъ, отъ настроенія и взглядовъ населенія, такъ слита съ ними, что, нарушая логическую стройность изложенія, я предпочитаю характеризовать ее при передачѣ соціально-психическихъ перемѣнъ.

Лица, интересующіяся современной Россіей, знаютъ ея *внѣшній* обликъ. Во всякомъ случаѣ, они *могутъ* знать его. О народномъ и финансовомъ хозяйствѣ Россіи, о движеніи ея населенія, о политическомъ строѣ, о школьномъ и внѣшкольномъ образованіи имѣется много газетныхъ статей и книгъ. До сихъ поръ, однако, не было попытки характеризовать новую коллективную душу населенія Россіи. Никто не попытался наряду съ

революціонными итогами въ области матеріальной культуры подсчитать и соціально-психическія слѣдствія прожитыхъ бурныхъ лѣтъ. А между тѣмъ, съ точки зрѣнія познанія Россіи, съ точки зрѣнія прогноза ея близкаго будущаго, вторые итоги важнѣе первыхъ. Разрушенія и потери въ своей матеріальной культурѣ Россія легко наверстаетъ въ десятокъ лѣтъ при живой и бурями не сломленной душѣ населенія. Не безъ труда, но возсоздастся и прежнее государственное единство Россіи и ея прежняя государственная мощь, если въ душѣ населенія имѣются соотвѣтствующія предпосылки. И наоборотъ: Россія обречена на безнадежный упадокъ, на государственный распадъ и небытіе, если подъ тяжестью страшныхъ ударовъ минувшихъ лѣтъ сломленъ духъ народа, если потухъ его взглядъ и безсильно опустились руки. Психическія цѣнности въ жизни народовъ и государствъ вѣсятъ тяжелѣе, и значатъ больше, чѣмъ цѣнности матеріальныя.

Характеристикѣ духовныхъ потерь и пріобрѣтеній русскаго народа будетъ посвящена вторая половина этой книги.

Въ первой половинѣ книги будетъ говориться о результатахъ революціи въ области, такъ сказать, матеріально-общественной жизни. Я надѣюсь дать тутъ не мало новыхъ, читателю еще неизвѣстныхъ фактовъ, а главное, наблюденіе и изученіе современной Россіи заставляютъ меня сдѣлать новый, большой важности выводъ, — подытоживающій всю сумму пережитыхъ Россіей объективно-соціологическихъ перемѣнъ. Этотъ выводъ по иному заставляетъ, долженъ заставлять взглянуть на грядущую Россію. Выводъ относится къ крестьянству, къ его новому значенію въ судьбахъ страны. Этотъ выводъ въ сколько нибудь обоснованномъ видѣ еще не былъ данъ.

Таковы задачи и содержаніе книги, таково оправданіе ея появленія въ свѣтъ.

Матеріалы, легшіе въ основу книги, собирались въ Россіи. Съ конца 1920 г. они записывались и въ писанномъ видѣ вывезены заграницу. Изъ заграничныхъ матеріаловъ о Россіи, дополняя свои записки, я не разъ пользовался цѣнными «Трудами общаго съѣзда дѣятелей русской промышленности и торговли въ Парижѣ» и кое-какими свѣдѣніями изъ газеты «Воля Россіи», поскольку послѣдніе не расходились съ русской дѣйствительностью въ моемъ воспріятіи.

———

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Результаты объективно-соціологическихъ перемѣнъ въ Россіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НАСЕЛЕНІЕ.

Состояніе населенія любой страны, разсматриваемое динамически, одновременно даетъ основаніе и для суммарной характеристики изслѣдуемаго прошлаго, и для прогноза важнѣйшихъ сторонъ близкаго будущаго. Перемѣны въ численности населенія, въ его географическомъ размѣщеніи, въ разселеніи между деревней и городомъ и въ его основныхъ соціальныхъ группировкахъ являются общимъ и конечнымъ итогомъ измѣненій, переживаемыхъ страной въ области ея народнаго и государственнаго хозяйства, ея политическаго и правового уклада, ея духовной культуры и быта; разсматриваемыя съ тѣхъ-же сторонъ перемѣны въ населеніи позволяютъ съ значительной долей увѣренности опредѣлить и общій обликъ будущей общественной жизни страны. Я считаю, поэтому, правильнымъ начать характеристику современной Россіи съ очерка перемѣнъ, происшедшихъ въ ея населеніи.

Численность населенія. Численное движеніе населенія устанавливаетъ, во-первыхъ, растущую или падающую мощь государства, во-вторыхъ, безошибочно точно показываетъ общее направленіе въ эволюціи народнаго хозяйства. Прогрессивная эволюція послѣдняго, связанная съ увеличеніемъ матеріальныхъ цѣнностей, а, слѣдовательно, и средствъ существованія, если далеко не всегда сопровождается ростомъ рожденій, то всегда своимъ неизмѣннымъ спутникомъ имѣетъ уменьшеніе смертности. Эволюція регрессивная, связанная съ уменьшеніемъ средствъ пропитанія,

наоборотъ, неизбѣжно влечетъ паденіе рожденій и увеличеніе смертности.

По лучшей изъ всѣхъ общероссійскихъ переписей населенія, проведенной въ 1897 году, населеніе Россіи того времени равнялось 125.640.012 человѣкъ (безъ Финляндіи). Въ предѣлахъ современной (совѣтской) Россіи населенія тогда было 100-102 милліона человѣкъ. Къ концу 1920 года численность населенія поднялась до 130,7 милліоновъ человѣкъ. Такимъ образомъ, несмотря на огромныя потери въ міровой и гражданской войнѣ, несмотря на вымираніе населенія отъ голода и болѣзней, несмотря, наконецъ, на потерю значительныхъ территорій, отошедшихъ со своимъ населеніемъ къ Румыніи, Эстоніи, Литвѣ, Латвіи и Польшѣ, государство не только сохранило въ прошлемъ объемѣ свою основную цѣнность — населеніе, но и приумножило ее. Въ минувшіе двадцать три года населеніе современной Россіи увеличилось на 28-30 о/о.

Получается иная картина, если взять движеніе населенія за послѣдніе четыре года: въ этотъ періодъ населеніе быстро убываетъ. По даннымъ комиссаріата здравоохраненія, въ 1919 г. на 1000 человѣкъ умирало 74,9 (вмѣсто 25,4 въ 1917 г.), а рождалось только 13 человѣкъ (вмѣсто 39,4 — въ 1917 г.). По подсчетамъ Экономическаго Отдѣла Россійскаго Финансово-Промышленно-Торговаго Союза (въ Парижѣ), основаннымъ на опубликованныхъ оффиціальныхъ совѣтскихъ данныхъ, за три года совѣтской власти 90 городовъ и деревни 22 губерній Европейской Россіи, обладавшіе въ 1917 г. населеніемъ въ 30 милліоновъ человѣкъ, потеряли къ концу 1920 г. 2.250.000 человѣкъ, т.е. 7,5 о/о

Процессъ вымиранія, хотя и съ различнымъ темпомъ, идетъ какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. Обслѣдованіе 13 волостей Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи показало, что въ теченіе 3 мѣсяцевъ (декабрь 1919 г. — февраль 1920 г.) въ нихъ родилось 528 человѣкъ, а умерло 728. Смертность въ среднемъ равняется 138 о/о рожденій, колеблясь по отдѣльнымъ волостямъ отъ 113 до 180 о/о. Только въ одной волости число рожденій было выше числа смертей. Районъ, о которомъ идетъ рѣчь, хотя и принадлежитъ къ числу неспособныхъ прокормиться своимъ хлѣбомъ и потому ввозящихъ его, но зато въ немъ развито молочное хо-

зяйство и промышленное маслодѣліе. Масло же въ современной Россіи ходкій товарообмѣнный продуктъ, дающій возможность пріобрѣсти любые пищевые припасы.

Въ городахъ смертность выше. По подсчетамъ Орловскаго губ. статистическаго Бюро въ Орлѣ въ 1919 г. родилось 2061 чел., а умерло 4042, въ 1920 г. родилось 1375, умерло 3912. Вымираніе идетъ ускоренно: въ 1919 г. смертность равнялась 196 о/о рожденій, а въ 1920 — 285 о/о.

Еще ужаснѣе картина вымиранія Петрограда. Рождаемость и смертность на 1000 чел. населенія въ немъ равнялась:

	Родилось	Умерло	% смертности по отношен. къ рождаем.	Естествен. приростъ (+) или убыль (—)
1912	27,6	22,6	82%	+ 5
1913	26,4	21,4	81%	+ 5
1914	25,0	21,5	86%	+ 3
1915	22,5	22,8	101%	— 0,3
1916	19,1	23,2	121%	— 4,1
1917	16,0	25,2	157%	— 9,2
1918	15,5	43,7	282%	—28,2
1919	15,5	81,7	527%	—66,2

До войны смертность въ Петроградѣ меньше рождаемости. Съ войной она начинаетъ расти. Къ году революціи смертность уже превышаетъ рождаемость, но немного (на 21 о/о или 4,1 челов. на 1000 населенія). Съ началомъ революціи темпъ въ ростѣ смертности усиливается, достигая къ ея третьему году чудовищныхъ, неизвѣстныхъ демографической статистикѣ, размѣровъ: въ 1919 г. смертность равняется 527 о/о рождаемости; на каждую тысячу населенія умираетъ на 66,2 человѣка больше, чѣмъ рождается. Въ одинъ 1919 г. городъ потерялъ 1/15 своего населенія. Въ первой трети 1920 г. смертность поднялась еще выше: на каждую тысячу населенія умирало уже 90 человѣкъ.

Я имѣю возможность установить движеніе населенія для четырехъ послѣднихъ лѣтъ въ 12 прежнихъ *) губерніяхъ — Вологодской, Калужской, Курской, Московской, Новгородской,

*) Теперь въ составѣ этихъ губерній отпочковались 3 новыхъ: Сѣверо-Двинская, Череповецкая и Брянская.

Орловской, Пензенской, Петроградской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской. Въ нихъ населеніе равнялось:

Годы	Все населеніе	Сельское населеніе	Городское населеніе
1916	25.195.978	18.416.496	6.779.482
1920	22.226.518	18.375.031	3.854.487
Убыль	2.969.460	41.465	2.924.995

Какъ видимъ, населеніе за четыре года уменьшилось почти на три милліона человѣкъ или на 11,8 о/о. *

Для всей Россіи, темпъ въ убыли населенія меньшій, такъ какъ взятый районъ характеризуется развитой промышленностью и, слѣдовательно, развитіемъ поселеній городского типа, *) а затѣмъ 8 губерній среди взятыхъ принадлежатъ къ числу потребляющихъ. По обѣимъ этимъ причинамъ убыль населенія здѣсь должна идти быстрѣе, чѣмъ для всей Россіи, ибо городъ вымираетъ быстрѣе деревни, а изъ потребляющихъ губерній населеніе эмигрируетъ въ производящія.

Самый фактъ вымиранія, однако, безспоренъ. Сельское населеніе приведенныхъ губерній послѣ 1916 г. увеличилось на нѣсколько милліоновъ человѣкъ благодаря возвратившимся съ фронта солдатамъ, военноплѣннымъ и городскимъ жителямъ спасавшимся отъ голода въ деревню. Эмиграція населенія въ другія, болѣе сытыя губерніи ни въ какой мѣрѣ не уравновѣшивала такой притокъ населенія въ деревню: приливъ былъ безконечно больше отлива. И, однако, какъ видимъ изъ таблицы, уменьшалось и сельское населеніе... По подсчетамъ уже упомянутаго Торгово-Промышленнаго Союза «слѣдуетъ полагать, что естественная — *убыль* населенія отъ превышенія смертности надъ рождаемостью равняется 2,0-2,5 о/о въ средній годъ». Въ довоенное время движеніе населенія шло въ противоположномъ направленіи: оно ежегодно увеличивалось отъ естественнаго прироста на 1,7 о/о.

Вымираніе деревень Россіи обычно объясняется огромнымъ распространеніемъ заразныхъ болѣзней при крайнемъ недостаткѣ медицинскаго персонала и медикаментовъ. Эта причина, дѣйствительно, существуетъ. По даннымъ комиссаріата здравоохра-

*) Въ 1897 г. городскіе жители во всей Россіи составляли 12,9% всего населенія, а во взятомъ районѣ — 19,2%.

ненія заболѣваемость только сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ выразилась для 43 губ. Европейской Россіи (безъ Украйны, Дона, Кубани и Кавказа) въ слѣдующихъ цыфрахъ:

	Сыпной тифъ	Возвратный тифъ
Съ 1-го іюля 1918 г. по 1/VII 1919 г.	1.365.000 сл.	48.000 сл.
Съ 1-го іюля 1919 г. по 1/VII 1920 г.	2.516.000 сл.	585.000 сл.
Итогъ за два года............	3.881.000 сл.	633.000 сл.

За два года случаевъ заболѣванія сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ, такимъ образомъ, было 4.414.000, причемъ заболѣванія шли усиливаясь: за первый годъ 1. 413.000 случаевъ, за второй вдвое больше — 3. 101.000. Смертность среди заболѣвшихъ была чудовищна: въ страшную зиму 1919-1920 года, на которую приходится самый разгаръ эпидеміи, на Рогожское кладбище въ Москвѣ трупы отправлялись цѣлыми поѣздами, причемъ въ вагонахъ они складывались штабелями, какъ кладутся дрова. Если къ тифу прибавить еще тяжелой формы дизентерію,особенно свирѣпствовавшую лѣтомъ и осенью 1919 года, оспу, испанку, холеру, то въ видѣ заразныхъ болѣзней мы получимъ факторъ, играющій дѣйствительно большую роль въ вымираніи сельскаго населенія.

Роль заразныхъ болѣзней дѣлается еще больше, если принять во вниманіе отвратительное состояніе медицинской помощи. Прежняя, сравнительно густая и налаженная сѣть земскихъ медицинскихъ участковъ, съ ихъ амбулаторными пунктами и больницами, теперь разгромлена. Нѣтъ врачей, фельдшеровъ, медикаментовъ. Въ существующихъ больницахъ не хватаетъ даже мыла для стирки бѣлья больныхъ. Въ больницахъ даже Москвы острый недостатокъ термометровъ. Въ большой палатѣ одной изъ Московскихъ больницъ, въ которой въ 1919 г. пришлось лежать мнѣ, не было ни одного термометра. Вотъ оффиціальное свидѣтельство комиссара здравоохраненія о положеніи общественной медицины въ русской деревнѣ: «въ деревняхъ оперируютъ, главнымъ образомъ, знахари. Тамъ, гдѣ еще остались прежніе земскіе врачи, ихъ участки безмѣрно велики. Они охватываютъ два, а то и три уѣзда. Въ Чембарскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи на 210.000 жителей имѣются два врача, изъ которыхъ одинъ боленъ. На 300.000 населенія Балашевскаго уѣзда Саратовской

губерніи имѣется 3 врача, а на два уѣзда Черниговской губ. — Борзненскій и Сосницкій — имѣется одинъ врачъ. Заразныя болѣзни, въ особенности тифъ, оспа и испанка, косятъ народъ, а средствъ борьбы съ ними нѣтъ совершенно... Чесотка и цынга не обращаютъ на себя вниманія — такъ онѣ обычны». На разбросанныхъ Астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ, насчитывающихъ 211.000 населенія, весной 1921 г. передъ надвигающейся холерной эпидеміей было 2 врача.

Какъ ни велико губительное дѣйствіе заразныхъ болѣзней въ вымираніи сельскаго населенія Россіи,печальное первенство принадлежитъ не имъ, оно — за царемъ-голодомъ. Дорогу для его царствованія прокладывала совѣтская власть своей безпощадно жестокой и безумной продовольственной политикой. Вооруженные продовольственные отряды часто выметали крестьянскіе закрома подъ метлу, не оставляя ни зерна. Эти дѣйствія оправдывались соображеніемъ, что у крестьянъ имѣется хлѣбъ, скрытый въ поляхъ въ землѣ. Такая продовольственная разверстка была продѣлана въ кампанію 1920-1921 г. въ цѣломъ рядѣ губерній— Тульской, Рязанской, Курской, Царицынской, въ незахваченныхъ крестьянскимъ возстаніемъ уѣздахъ Тамбовской губ., въ Оренбургской, Саратовской. По нѣкоторымъ уѣздамъ послѣдніе продовольственные отряды проходили по три-четыре раза и крестьянское хозяйство было разорено непоправимо. Крестьяне всѣхъ названныхъ губерній въ зиму 1920-1921 г. ѣли желуди, древесныя опилки, кору березъ и липъ, глину, лебеду, жмыхи, отруби и мякину, листья; весной жили молодыми вѣточками деревъ, конскимъ щавелемъ и т. д. Вотъ данныя оффиціальной статистики питанія, оглашенныя въ 1921 г. на Всероссійскомъ съѣздѣ статистиковъ въ Москвѣ:

Сельское населеніе въ суточномъ пищевомъ раціонѣ имѣло:

	Тульская губернія	Саратовская губернія
Ноябрь 1920 г.	2300 калорій	2540 калор.*)
Февраль 1921 г.	1500 калорій	1700 калор.*)

*) Для того, чтобы лучше оцѣнить значеніе этихъ цифръ, надо принять во вниманіе, что по даннымъ той-же оффиціальной статистики, петроградскій рабочій, несмотря на то, что голодалъ и онъ, въ 1920 г. ежесуточно давалъ организму 3300 калорій, а подольскій крестьянинъ — 4400 калорій.

При нормальномъ питаніи физически работающій человѣкъ долженъ давать организму въ сутки 4-4,5 тысячъ колорій, а сельское населеніе двухъ приведенныхъ районовъ получало въ 2 ½-3 раза меньше. Голодъ былъ страшный. Отъ него не могла отмахнуться даже совѣтская власть и весной 1921 г. открыла въ указанныхъ губерніяхъ безплатныя столовыя для сельскаго населенія. Эта помощь была каплей въ морѣ нужды. А, между тѣмъ, по выполненію продовольственной разверстки, всѣ эти губерніи шли въ первомъ ряду. Тульская и Саратовская по оффиціальной характеристикѣ были даже «образцовыми», такъ какъ первая выполнила разверстку въ размѣрѣ 108 о/о, а вторая въ размѣрѣ 105 о/о. Дорого обошлась эта «образцовость» несчастному населенію.

«Пріѣдешь въ село, — и охватитъ жуть, «разсказывалъ мнѣ другъ, которому по служебнымъ дѣламъ пришлось бывать въ Тульской губерніи — «улица большого и когда-то зажиточнаго селенія пуста и нѣма. Село точно вымерло: ни живого существа, ни звуковъ, ни дыма надъ избами. Печать смерти лежитъ даже на надворныхъ постройкахъ: сняты соломенныя крыши, обнажены стропила и верхъ строенія точно скелетъ, повѣшенный въ воздухѣ. Войдешь въ избу. Тишина. Крикнешь, чтобы отозвались. Молчаніе. Гдѣ нибудь въ полатяхъ или на печи кто-то заворочается. И снова тишина. Крикнешь второй разъ. Опять молчаніе. А, если и отзовется, то жуть беретъ еще больше. Голоса еле слышны, дрожатъ. Въ одной избѣ на мой второй окрикъ, я точно изъ подъ земли,услышалъ только одно слово:«Помираемъ». Его сказалъ старикъ. Сынъ и невѣстка у него уже умерли и лежали рядомъ... Населеніе не въ силахъ ходить и сидѣть. И оно лежитъ, завернувшись во всѣ свои одежды и лохмотья. Тощаютъ до того, что не могутъ встать, умираютъ и мертвые лежатъ среди живыхъ, пока не зайдетъ кто нибудь изъ сосѣдей, еще не потерявшихъ способности двигаться. Иногда одинъ за другимъ вымираетъ вся семья и днями лежитъ въ избѣ, раскиданная на полатяхъ, печи, порой на полу».

Если къ голоду, заразнымъ болѣзнямъ, отсутствію медицинской помощи, прибавить еще острый недостатокъ обуви и одежды, недостатокъ топлива и потому холодныя и суровыя въ русскія зимы жилища, возникающія отсюда простудныя болѣзни, затѣмъ гражданскую войну, крестьянскія возстанія и, какъ финалъ, мас-

совые разстрѣлы, то мы получимъ болѣе, чѣмъ достаточную сумму силъ, которая въ качествѣ своего обязательного слѣдствія, должна вызывать уменьшеніе сельскаго населенія Россіи.

Убыль населенія неизбѣжна и въ будущемъ, поскольку Россію будетъ давить и душить ея кошмаръ въ видѣ современной коммунистической власти. Убыль будетъ идти crescendo, ибо въ пропасть безъ дна катится промышленность, ослабѣваетъ устойчивость сельскихъ хозяйствъ, проживающихъ свой основной капиталъ въ видѣ построекъ, мертваго инвентаря, рабочаго и продуктивнаго скота; скудѣютъ и почти исчезли матеріальные рессурсы, остававшіеся отъ прошлаго; ухудшаются жилища, замираетъ работа транспорта; идутъ и будутъ идти съ огромной затратой крови и жизней безпрерывныя возстанія крестьянства противъ совѣтской власти... А тутъ еще Брюкнеровскій періодъ засухъ, въ который вошла Россія и который грозитъ усиленными неурожаями.

Географическія перемѣщенія населенія. Онѣ характерны для всей русской исторіи. «Исторія Россіи — это исторія страны, которая колонизуется». Нашъ лучшій историкъ В. О. Ключевскій —въ колонизаціонныхъ процессахъ видѣлъ основные процессы нашего историческаго прошлаго. Теперь эти передвижки населенія усилились. Основная причина — голодъ. *) Онъ, все усиливаясь, тянется уже три года и въ 1921 г. принялъ грандіозные размѣры: не менѣе 30 милліоновъ подпали подъ его страшную, пощады не знающую власть. Нѣсколько не меньше пяти милліоновъ человѣкъ осуждены на безусловную голодную смерть.

---

*) Силой меньшаго значенія является политика власти. Ощутительна, однако, и она. Подъ вліяніемъ страха расправы, на Дону, по словамъ корреспондента «Революціонной Россіи» (№ 9) «почти безъ мужского населенія остались станицы и хутора южной части Черкасскаго и всего Сальскаго округовъ. Изъ 30.000 калмыковъ-казаковъ, обитателей Сальскихъ степей, теперь уцѣлѣло не болѣе 3-4 тысячъ. А богатѣйшія коннозаводства обращены въ пустыню. По радіусу 150-200 верстъ здѣсь можно не встрѣтить жилья»... Изъ Тамбовской губ. въ принудительномъ порядкѣ властью по подозрѣнію въ причастности къ Антоновскому движенію выселены десятки тысячъ крестьянскихъ семей на сѣверъ — въ Архангельскую и Вологодскую губерніи... Добиваясь популярности у сартовъ въ Туркестанѣ, власти ликвидировали тысячи хозяйствъ русскихъ переселенцевъ. То же было продѣлано въ Терской и Кубанской областяхъ, гдѣ съ насиженныхъ мѣстъ были подняты цѣлыя станицы подъ тѣмъ предлогомъ, что они расположились на земляхъ горцевъ.

Спасаясь отъ голода, населеніе бросаетъ насиженныя мѣста, бросаетъ жилища, хозяйство и бѣжитъ въ районы, гдѣ, по его свѣдѣніямъ, есть хлѣбъ и можно спастись отъ голодной смерти. Обезлюдѣли крупныя села. Въ пустыню обращаются цѣлые районы, когда-то цвѣтущіе. Передвинулись милліоны. Мнѣ извѣстны цыфры только *легальныхъ* переселенцевъ по Новосильскому уѣзду Тульской губерніи, разоренной въ 1920 г. лихой продовольственной атакой. По подсчетамъ уѣзднаго «совдепа» тамъ въ теченіи 1920 г. были выданы разрѣшенія на переселеніе въ «сытыя мѣста» 35.000 чел. А сколько людей ушло «самовольно». Изъ 156.000 населенія уѣзда переселилось по крайней мѣрѣ 50.000 человѣкъ, т. е., одна треть. Экономическій органъ совѣтской власти («Экономическая Жизнь») въ ноябрѣ 1920 года писалъ: «Минувшее лѣто мы встрѣчали въ границахъ прежней до-революціонной Россіи. Освобождены Украйна, Донъ, Сибирь. Какъ и прежде, изъ Центральной Россіи снова началась массовая тяга... на окраины, на вольную землю, поближе къ хлѣбу. Впервые это явленіе стало замѣтнымъ въ связи съ неурожаемъ. Съ апрѣля текущаго года изъ центральныхъ производящихъ губерній началось стихійное движеніе на Украйну. Переселенцы ѣдутъ семьями, не только по желѣзной дорогѣ, но и гужомъ. Ѣдутъ цѣлыя деревни Орловской, Тульской и Курской губерній. За 4 дня черезъ Харьковскій вокзалъ прошло 6.000 человѣкъ... Развиваясь стихійно, начавшееся переселеніе грозило стать настоящимъ народнымъ бѣдствіемъ. Пріѣзжавшій въ Москву въ маѣ текущаго года представитель Украинскаго Комиссаріата Земледѣлія не могъ дать никакихъ, хотя-бы самыхъ приблизительныхъ цыфръ о размѣрахъ движенія: по его словамъ, однако, количество переселенцевъ выражается шестизначными цыфрами».

Неурожай 1921 года усилилъ это движеніе. Совѣтская пресса сообщала, что изъ Саратовской губерніи уѣхало «до 15 о/о уѣзднаго населенія т. е., около 350 тысячъ человѣкъ. Въ Казанской губ., по тѣмъ же свѣдѣніямъ, съ насиженныхъ мѣстъ поднялось свыше 400.000 человѣкъ. Цвѣтущая область нѣмцевъ Поволжья (въ Саратовской губерніи) почти опустѣла. Мои друзья агрономы, работающіе въ Саратовской и Самарской губ., говорили, что цѣлые районы, въ которые легко вмѣстится Бельгія, обречены на превращеніе въ края оазиснаго хозяйства. Поля смѣнятся дикими степями и поростутъ вольными травами.И только маленьки-

ми вкрапинами въ нихъ сохранятся поселенія и вокругъ нихъ будетъ вестись сельское хозяйство.

«Русь на колесахъ», выходившая прежде изъ губерній потребляющихъ, въ 1921 году широкой волной пошла изъ губерній производящихъ. Цѣлые края Россіи, давно колонизованные, превращаются въ пустыню и подлежатъ новой колонизаціи.

А въ результатѣ увеличивается смертность среди переселенцевъ, двигающихся въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ, пустуетъ земля, еще сильнѣе разрушается транспортъ, гибнетъ брошеное на произволъ судьбы имущество, между переселенцами и старожилами идутъ кровавыя столкновенія.

Чтобы читателю была яснѣе величина современнаго человѣческаго потока, идущаго въ разныхъ направлніяхъ Россіи, его надо сравнить съ передвиженіями прежнихъ лѣтъ: за 6 лѣтъ (1895-1900 г.,) изъ 50 губерній Европейской Россіи выселилось, переселившись въ новыя мѣста, только 1.208.000 человѣкъ. А теперь лишь за одинъ пріемъ и лишь изъ двухъ губерній (Казанской и Саратовской) поднялось около 750.000 человѣкъ.

Когда Россія встанетъ со своего страшнаго одра, на которомъ больною лежитъ она теперь, ея населеніе будетъ распредѣлено по новому на великихъ восточно-европейской и западно-азіатской равнинахъ. Отсюда не могутъ не возникнуть важныя общественныя послѣдствія. Въ связи съ новой плотностью населенія измѣнится прежній характеръ нашихъ сельско-хозяйственныхъ районовъ. Новыя проблемы встанутъ въ области аграрной и переселенческой политики. По иному сложится численное соотношеніе различныхъ національныхъ группъ въ разныхъ областяхъ Россіи. Измѣнится промышленная географія. Экономически разовьются одни — новые — районы и надолго, быть-можетъ навсегда, заглохнетъ прежде развитая экономическая жизнь въ другихъ. Россія грядущаго будетъ строиться въ новыхъ условіяхъ, создаваемыхъ прежде всего новымъ распредѣленіемъ ея населенія.

Перемѣны въ распредѣленіи населенія будутъ еще больше оттого, что они порождаются не только географическими передвижками людей, но и различной для различныхъ районовъ степенью ихъ вымиранія. Обычно складываясь, тутъ дѣйствуютъ два фактора.

Будущая Россія не можетъ быть стереотипнымъ повтореніемъ прежней. Она будетъ новой, ибо измѣненнымъ будетъ основной

факторъ общественной жизни — количество населенія и характеръ его населенія.

Размѣщеніе между городомъ и деревней. Между 1897 и 1916 г. г. города Россіи росли. И не только по абсолютной численности населенія: они росли и относительно. Городскіе жители Европейской Россіи въ 1897 г. составляли 12 о/о всего населенія, а въ 1916 г. количество ихъ поднялось до 17,5 о/о. Въ 12 названныхъ выше губерніяхъ городское населеніе равнялось: въ 1897 г. — 3.993.998 члк., въ 1916. — 6,779.482 члк., въ 1920. — 3.851.487 члк. За четыре послѣднихъ года городское населеніе уменьшилось на 2.927.925 члк. или на 43,2 о/о. Оно меньше, чѣмъ было въ 1897 г. Россія дала откатъ назадъ больше, чѣмъ на четверть столѣтія.

Изъ городовъ Россіи особенно обезлюдѣлъ Петроградъ.По переписи 1917 г.,въ немъ было 2.420.000 члк.,по переписи 1920 г. осталось лишь 705.000 члк. Убыль равняется 1.715.000 человѣкамъ или 70.9 о/о... Населеніе Петрограда въ 1869 г.(668.000 чел.) почти равно населенію 1920 г. Революція за четыре года уничтожила развитіе города въ теченіе предыдущихъ 47 лѣтъ.

Свѣдѣнія, опубликованныя въ совѣтской прессѣ и относящіяся къ движенію населенія въ 40 губернскихъ городахъ и въ 50 иныхъ городскихъ поселеніяхъ съ числомъ жителей выше 15.000 человѣкъ, показываютъ меньшую убыль населенія, но и она не мала. По оффиціальнымъ подсчетамъ,населеніе 40 губернскихъ городовъ съ 6.312.000 чел. въ 1917 г. упало до 4.295.000 въ 1920 г., т. е., уменьшилось на 32,7 о/о. Въ 50 иныхъ поселеніяхъ городского типа населеніе сократилось съ 1.517.000 чел. (въ 1917 г.) до 1.271.000 чел. (въ 1920 г.), т. е., на 16,2 о/о. Наибольшее сокращеніе констатировано въ крупныхъ центрахъ текстильной и металлургической промышленности: Орѣхово-Зуево потеряло 52,4 проц. населенія, Коломна — 51,5 проц., Богородскъ — 50,8 проц., Шуя — 45,7 проц., Бѣжица — 42,7 проц., Ижевскъ — 37,4 проц. и т. д.

Городское населеніе вымираетъ и бѣжитъ въ деревню. Вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ пониженіе его состава въ качественномъ отношеніи. Какъ всегда, эмигрируетъ отъ ухудшающихся условій жизни прежде всего наиболѣе сильная, смѣлая и ловкая часть. Остаются наиболѣе пассивные, терпѣливые и боящіеся разру-

шить худо-ли, хорошо-ли, но налаженный и привычный строй жизни. Отраженіемъ этого качественнаго пониженія городского населенія является относительно возросшее среди него количество женщинъ и убыль мужчинъ. Если въ 1897 г. на 100 женщинъ въ городѣ было 134,5 мужчинъ,то по переписи 1920 г. (въ 12 губерніяхъ) ихъ осталось всего 83,5. *)

Отвлеченіе мужчинъ на фронтъ не покрываетъ разницы: въ Москвѣ, которая въ продовольственномъ отношеніи обезпечена лучше всѣхъ другихъ городовъ современной Россіи, въ 1920 г. на 100 мужчинъ приходилось 104,7 женщинъ, *) а въ Петроградѣ, который голодаетъ гораздо сильнѣе Москвы, откуда бѣгство населенія было тоже гораздо сильнѣе, въ томъ же году на 100 мужчинъ было 139,5 женщинъ. **)

Убыль городского населенія будетъ долгой. Для его быстраго возстановленія до прежнихъ размѣровъ непреодолимымъ препятствіемъ явится уничтоженіе и порча домовъ, происходящія въ городахъ въ огромныхъ размѣрахъ. Дома разбираются на топливо, они обваливаются отъ «водянки» современныхъ городовъ, они разрушаются за отсутствіемъ ремонта и отъ небрежнаго отношенія къ нимъ жильцовъ. Исключительная популярность въ послѣднемъ отношеніи принадлежитъ рабочимъ: домъ, изъ котораго выселена «буржуазія» въ цѣляхъ вселенія рабочихъ —обреченный. Черезъ годъ-два онъ будетъ неузнаваемъ и жить въ немъ будетъ уже нельзя.

Дома уничтожаются на топливо въ огромномъ количествѣ. Въ Москвѣ жилыхъ квартиръ въ 1918 г. было 231.485, а въ 1920 г. только 189.907. За два года уничтожено, слѣдовательно, 41.548 квартиръ или почти 18 проц. Среди квартиръ, еще не совсѣмъ разобранныхъ на топливо и на кладку примитивныхъ комнатныхъ печей, пустующихъ т. е. уже не пригодныхъ для жилья, въ 1918 г. было 6975, а въ 1920 г. 15.703. Здѣсь увеличеніе равно 8.128 квартирамъ. Въ общемъ за два года совѣтской власти въ одной Москвѣ убыло 50.303 квартиры, т. е. 22 проц. Похозяйничай большевики еще 9 лѣтъ и отъ Москвы останутся только кучи

---

*) Въ абсолютныхъ числахъ женщинъ въ городахъ 12 губерній было 2.090.458 чел., а мужчинъ 1.748.444.

**) По переписи 1920 г. въ Москвѣ женщинъ было 526.078 человѣкъ противъ 502.140 чел. мужчинъ; въ Петроградѣ женщинъ 409.970 человѣкъ, а мужчинъ — 295.938.

мусора. Жилыхъ домовъ, квартиръ не будетъ. Въ Москвѣ уже теперь столько сломанныхъ домовъ, заборовъ и оградъ, что, по остроумному выраженiю москвичей, въ ней можно ходить по компасу, какъ въ лѣсу или на морѣ.

Въ тяжеломъ состоянiи находятся дома и квартиры, еще не провалившiеся, не разобранные, еще жилые. «Извѣстiя» въ ноябрѣ 1920 г. сообщали о жилыхъ квартирахъ Москвы слѣдующiя свѣдѣнiя: «Изъ 3462 зданiй, съ центральнымъ паровымъ и водянымъ отопленiемъ выбыли изъ строя 2.370. Совершеено испорчены котлы въ 2.142 зданiяхъ...Въ «недѣлю уплотненiя» *)выяснилось, что изъ 9.000 комнатъ негодны для жилья 75 проц. Изъ 800 квартиръ 80 проц. требуютъ большого ремонта». Другой оффицiозъ («Правда») рисовалъ положенiе вещей еще въ болѣе мрачныхъ тонахъ. «Та часть жилищъ, которая сохранилась. находится въ полуразрушенномъ состоянiи: испорчены водопроводы и канализацiя, протекаютъ крыши, испорчены полы, провалились потолки, отсырѣли стѣны. Не будетъ преувеличенiемъ сказать, что врядъ ли найдется квартира въ Москвѣ, которая не нуждалась бы въ основательномъ ремонтѣ. надъ которой бы не висѣла угроза разрушенiя». Дальше оффицiозъ указываетъ, что существующее состоянiе домовъ является необходимымъ слѣдствiемъ жилищной политики власти. «Психологической основой безотвѣтственной и хищнической эксплоатацiи жилищъ... является всеобщее чувство неувѣренности въ правѣ длительнаго, прочнаго пользованiя жилищемъ. Убиты стимулы для сохраненiя жилища и бережнаго къ нему отношенiя. Психологiя обывателя осталась прежней. Чтобы о чемъ нибудь хлопотать, ему надо быть увѣреннымъ, что онъ этимъ въ той или иной формѣ воспользуется. Между тѣмъ, жилищная практика до сихъ поръ вколачивала въ сознанiе обывателя совсѣмъ другое: чѣмъ лучше онъ сохранитъ жилище, чѣмъ въ большемъ порядкѣ оно, тѣмъ больше шансовъ за то, что его жилище будетъ реквизировано, а онъ будетъ выселенъ». Отсюда соотвѣтственное обращенiе съ жилищемъ: «Если нѣтъ дровъ вырубаются балки. снимаются перекрытiя,перегородки. двери и полы... Во время исправленное малое поврежденiе водопровода, крыши, рамы, предупреждаетъ тяжелыя, часто

---

*) Т. е. въ недѣлю, которая была объявлена временемъ ревизiи квартиръ въ цѣляхъ вселенiя въ нихъ новыхъ жильцовъ.

гибельныя для дома, послѣдствія, но этого ухода наши жилища лишены... Къ этому можно было бы еще прибавить пилку и въ особенности рубку дровъ въ комнатахъ и на лѣстницахъ, отчего портятся полы, ломаются каменныя плиты на лѣстницахъ,иногда обваливается штукатурка въ нижележащихъ этажахъ, желѣзныя трубы отъ современныхъ желѣзныхъ печей «совдепокъ» вслѣдствіе небрежной проводки сквозь деревянныя стѣны, даютъ пожары, которые въ большинствѣ тушатся домашними средствами, но портятъ стѣны.

Не лучше положеніе дѣлъ и въ Петроградѣ: изъ 600 обслѣдованныхъ весной 1921 г. жилыхъ домовъ, 133, т. е. 22 проц.,были признаны по ихъ состоянію угрожающими жизни жильцовъ. Подвальные этажи, вслѣдствіе порчи водопроводныхъ и канализаціонныхъ трубъ, залиты водой и человѣческими испражненіями. Ежесуточно въ Петроградѣ подается 18.000.000 ведеръ воды при 700.000 населенія,т.е. по 26 ведеръ на одного человѣка.Теперь подается больше,чѣмъ въ 1916 г.,когда населенія въ городѣ было въ три раза больше. Вода,вслѣдствіе течи водопроводной сѣти, уходитъ въ землю и послѣдняя,ежесуточно насыщаемая больше чѣмъ 12-14 милліонами ведеръ, разжижается и перестаетъ выдерживать тяжесть зданій. Въ Петроградѣ уже было нѣсколько случаевъ обваловъ домовъ, погребавшихъ подъ собой все имущество и всѣхъ жильцовъ.

«Водянкой» больна и Москва. Въ ней въ сутки подается теперь 12.800.000 ведеръ воды, т. е. столько-же ,сколько подавалось до 1.020.000 чл., замерла промышленность, а въ водѣ ощуло около2.000.000 человѣкъ, усиленнымъ темпомъ работала промышленность и воды хватало. Теперь населеніе Москвы сократилось до 1.020.000 чл., замерла промышленность, а въ водѣ ощущается сильный недостатокъ. Въ возвышенныхъ частяхъ города ея нѣтъ, какъ и въ Петроградѣ, вода уходитъ въ землю.

Населеніе городовъ вымираетъ и разбѣгается. Въ городахъ остается наиболѣе пассивная часть, активная уходитъ въ деревни. Городскія зданія разламываются на топливо и печи, они разрушаются отъ небрежнаго обращенія съ ними и отъ отсутствія ремонта. Упадокъ городовъ Россіи будетъ длительнымъ. Но если въ своемъ значеніи, уменьшаются города, то тѣмъ самымъ усиливается деревня. Ея роль въ общественной жизни растетъ.

Деревня болѣе устойчива по количеству населенія: въ приве-

денныхъ губерніяхъ сельское населеніе уменьшилось только на 41.465 члк. или на 0,2 проц. Вымираетъ населеніе и въ ней, вымираетъ сильно, но слабѣе, чѣмъ въ городахъ. Убыль деревенскаго населенія въ сильной мѣрѣ компенсировалась затѣмъ притокомъ изъ городовъ,который деревня впитала въ себя,какъ гигантская губка. Въ 12 губерніяхъ сельское населеніе въ августѣ 1920 г. составляло 82,7 проц. всего населенія. По всей Россіи оно дало еще болѣе высокій процентъ — 83,7.

Въ противоположность городу процентъ мужского населенія деревни относительно выросъ: на 100 женщинъ (по 12 губерніямъ)въ 1916 г.было 73,6 мужчинъ, въ 1920—77.По оффиціальнымъ подсчетамъ, охватывающимъ сельское населеніе 22 губерній, увеличеніе въ деревнѣ мужчинъ еще больше: въ 1917 г. на 100 женщинъ въ нихъ было 72,8 мужчинъ, а въ 1920 — 78,4. Качественный составъ сельскаго населенія, такимъ образомъ,поднялся. Онъ выросъ не только потому, что мужчины, сравнительно съ женщинами, являются болѣе развитыми и активными. Качественный подъемъ деревни сильнѣе, ибо вернувшееся мужское населеніе пришло въ деревню изъ городовъ, съ фронтовъ, съ походовъ по Польшѣ, Галиціи, Восточной Пруссіи и изъ плѣна. Все это лица, умственный горизонтъ которыхъ значительно шире, чѣмъ у постояннаго, безвыѣздно-осѣдлаго жителя деревни. Новыя наблюденія, сдѣланныя въ походахъ, въ городахъ, по чужимъ землямъ и въ австрійскомъ и германскомъ плѣну, новыя впечатлѣнія, полученныя тамъ — все это выбило мысль изъ ея устойчиво-покойной лѣни, изъ ея консервативно-привычныхъ позицій. Мысль начала работать. Старыя представленія и понятія перерабатываются. Мужчины вернулись въ родныя деревни гораздо болѣе думающими и понимающими, чѣмъ они были при отъѣздѣ изъ нихъ. Наконецъ, въ деревню вернулась, какъ правило, наиболѣе цѣнная часть по возрасту — вернулись люди въ возрастѣ около 30 лѣтъ, когда крестьянинъ складывается въ личность...

Новое размѣщеніе населенія между городомъ и деревней переноситъ гегемонію въ общественной жизни изъ перваго во вторую. Обязательность такого перехода станетъ еще нагляднѣе и убѣдительнѣй, если учесть перемѣны, происшедшія въ соціальной структурѣ русскаго населенія.

Соціальная структура населенія. Основными соціальными пластами, изъ которыхъ складывалось населеніе Россіи до революціи, были — классъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ,буржуазія, интеллигенція (въ смыслѣ категоріи умственнаго труда), пролетаріатъ и крестьянство. Всѣ они съ ихъ специфическими интересами и свойствами, съ ихъ антагонизмомъ, борьбой и сотрудничествомъ, опредѣляли въ основныхъ линіяхъ формы и содержаніе общественной жизни Россіи. Событія послѣднихъ четырехъ лѣтъ внесли рѣзкія перемѣны въ состояніе этихъ пластовъ.Ихъ удѣльный вѣсъ измѣнился.

Исчезъ и больше не вернется классъ помѣстнаго землевладѣнія. Онъ не можетъ вернуться, ибо та черная реакція, которая на своихъ знаменахъ несетъ лозунгъ возврата земли помѣщикамъ, въ Россіи побѣдить не можетъ. Земля изъ крестьянскихъ рукъ механически, въ результатѣ государственнаго принужденія, не уйдетъ. Это ясно для всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь разбирается въ общественной жизни... Помѣщики же безъ земли не могутъ обладать прежнимъ вліяеіемъ. Изъ русской жизни исчезъ, слѣдовательно, самый вліятельный классъ недавняго прошлаго —классъ, который стоялъ у руля государственнаго корабля.

Ослабѣлъ классъ буржуазіи, ибо значительная часть его матеріальныхъ цѣнностей, въ результатѣ пожаровъ, гражданскихъ войнъ, разрушеній отъ времени и отъ экономической политики совѣтской власти — потеряна; уменьшилась его соціальная связанность, порѣдѣли ряды. Буржуазія, въ противоположность помѣстно — землевладѣльческому классу, имѣетъ будущее. Ея положительная творческая роль еще не сыграна, она только начата. Будущее у нея есть, но день сегодняшній не ея. Она изъ него выбпта.Народившаяся новая буржуазія хищная, ловкая и смѣлая, но общественно неразвитая — распылена, скрывается и обладаетъ ничтожнымъ, ни въ какой мѣрѣ не уравновѣшивающимъ дореволюціонное вліяніе буржуазіи, вѣсомъ.

Въ настоящее время буржуазія Россіи слаба. Конечно, съ возстановленіемъ нормальной жизни страны, ея роль будетъ быстро расти. Въ этомъ ей невольно и неизбѣжно поможетъ ея заграничный собратъ. Безъ заграничныхъ капиталовъ хозяйственное возстановленіе Россіи невозможно. Государство, слѣдовательно, должно будетъ строить свою политику такимъ образомъ,чтобы вызвать, какъ можно болѣе сильный притокъ иностраннаго про-

мышленнаго и финансоваго капитала. И капиталъ явится. Явившись, онъ ляжетъ тяжелой гирей на чашу вѣсовъ, взвѣшивающихъ общественную значимость различныхъ соціальныхъ пластовъ Россіи. Прежняя роль русской буржуазіи быстро возстановится. Можетъ быть, въ силу исчезновенія дворянства, она даже увеличится. Больше того, и въ періодъ соціальной слабости буржуазіи, здоровая государственная власть, откуда бы она ни вышла, будетъ вынуждена чутко считаться съ ея интересами. Понятно почему: безъ широкаго простора для *всѣхъ* видовъ инипіативно-организаціонной энергіи, въ томъ числѣ и прежде всего для частно-предпринимательской, Россіи изъ ея хозяйственнаго тупика не вывести... Незамѣтно я перешелъ къ будущему. Моя же задача — характеризовать настоящее. А въ настоящее время —буржуазія въ Россіи — quantité négligeable.

Понизилась въ своемъ общественномъ значеніи и интеллигенція. Она выбита, вымерла, и ея ряды порѣдѣли. Часть, оставшаяся въ живыхъ, задавлена безумно-тяжелыми условіями жизни, терроромъ. Она оглушена своими потерями, разбитыми надеждами, внутреннимъ кризисомъ. Конечно, она не умерла въ своей общественной роли, у нея не только день будущій, но и день настоящій. Среди нея не одни политически-мертвыя души. Однако, ослабѣвшая количественно и психически, лишенная печатнаго станка, партій, собраній и т. д., она теперь въ Россіи обладаетъ, безспорно, меньшимъ соціологическимъ вѣсомъ. чѣмъ раньше.

Измѣнился пролетаріатъ. Во славу Маркса и его ученія, онъ разгромленъ. Вмѣсто 9,2 милліоновъ человѣкъ, которые пролетаріатъ насчитывалъ въ 1897 году, въ его рядахъ теперь только 4.775.000 человѣкъ. Сокращеніе произошло почти вдвое. Понизился и его качественный уровень. Прежній квалифицированный рабочій, бывшій носителемъ гордости и чести, особенностей и интересовъ своего класса, исчезаетъ, какъ полая вода. Онъ безпрерывно выбивался на безчисленныхъ гражданскихъ фронтахъ, *) вымиралъ отъ голода и эпидемій, уходилъ въ деревни и тамъ, принимаясь за земледѣліе, «окрестьянивался». Жалоба

*) По словамъ Ленина въ брошюрѣ «О Продналогѣ», выпущенной для коммунистовъ, «гражданская война 1918-1920 г. г. обезкровила больше всего пролетаріатъ».

на недостатокъ квалифицированныхъ рабочихъ — главная, наиболѣе распространенная сейчасъ въ Россіи среди практическихъ дѣятелей промышленности. Часть убитыхъ, умершихъ и ушедшихъ на землю рабочихъ смѣнилась новыми. Но эти новые — совсѣмъ иные: они менѣе развиты, менѣе активны, менѣе способны дѣйствовать организованно.

Вотъ одна изъ многочисленныхъ иллюстрацій перемѣнъ, происшедшихъ въ качественномъ составѣ пролетаріата. Она относится къ рабочимъ металообрабатывающей промышленности Центральной Россіи. Количество и составъ рабочихъ съ 1913 по 1920 годъ измѣнились слѣдующимъ образомъ:

	1913	1916	1920
Всего рабочихъ	100%	148%	70%
взрослыхъ мужчинъ	93%	83%	70%
» женщинъ	1,5%	8%	17%
Подростковъ до 18 лѣтъ	5,5%	9%	13%

Таблица показываетъ, что измѣнилось какъ число рабочихъ, такъ и ихъ составъ. Количественно кадры сократились на 30 проц. Качественная перемѣна выразилась въ уменьшеніи взрослыхъ мужчинъ съ 93 проц. въ 1913 г. до 70 проц. — въ 1920. Изъ стараго (1913 г.) состава мужчинъ рабочихъ къ 1920 г. могло остаться, слѣдовательно, лишь 45,5 проц. Въ дѣйствительности осталось еще меньше: послѣдняя цыфра выведена въ предположеніи, что всѣ мужчины рабочіе 1920 года были рабочими и въ 1913 году. Этого, конечео, не было: персональный составъ рабочихъ мѣнялся. Врядъ ли поэтому рабочіе-металлисты «буржуазной» эпохи на современныхъ заводахъ превышаютъ 25 проц. прежняго кадра. Вѣроятно, ихъ меньше. Союзъ рабочихъ металлообрабатывающей промышленности всей совѣтской Россіи сообщалъ даже слѣдующія цыфры: «общее число ушедшихъ изъ союза достигаетъ 97,2 проц. Вступили новички, а ушли обученные рабочіе. Среди ушедшихъ было: конторщиковъ, техниковъ, инженеровъ — 14,6 проц.; квалифицированныхъ рабочихъ 47,2 проц.; учениковъ 4,2 проц., неквалифицированныхъ рабочихъ 33,9 проц. Грамотныхъ среди ушедшихъ — 82,6 проц., а неграмотныхъ — 17,4 проц.» Дальше сообщалось, что изъ 18 металлообрабатывающихъ заводовъ Петрограда, находившихся въ вѣденіи мѣстнаго управленія, 6 стояло именно отъ отсутствія квалифицированныхъ рабочихъ.

У меня мало вѣры въ приведенную выше цыфру рабочихъ, ушедшихъ изъ союза, слишкомъ она высока. Быть можетъ, я и ошибаюсь въ своемъ недовѣріи къ совѣтской статистикѣ, зачастую руководимой малограмотными людьми. Безспорно одно: пролетаріатъ, какъ классъ, подвергся глубокому вырожденію. Его общественная роль рѣзко упала.

Безконечно болѣе, чѣмъ всѣ названные слои, сохранился крестьянскій пластъ. Онъ, какъ мы уже видѣли, на прежнемъ уровнѣ удержалъ свою абсолютную численность; сохранилось его хозяйство, правда, разрушеннымъ, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ остальные виды хозяйства; онъ сохранилъ свою прежнюю организованность въ видѣ сельскаго и волостного сходовъ и земельной общины, онъ усилился по качественному составу, благодаря приливу горожанъ, военноплѣнныхъ и солдатъ съ фронта; онъ менѣе, чѣмъ другіе слои терроризованъ, ибо даже современнаго, чудовищно-развитого террористическаго аппарата совѣтской власти, не хватаетъ, чтобы схватить своими щупальцами и поразить своими ударами разсѣянное сельское населеніе въ той же мѣрѣ, въ какой онъ охватилъ и оглушилъ городъ; наконецъ, за время войны и революціи, крестьянство во всей своей массѣ расширило свой кругозоръ, свою активность. *)

Революціонныя событія четырехъ послѣднихъ лѣтъ, которыя угнетающе дѣйствовали на воспріимчивую и сильно реагирующую душу интеллигенціи, часто сломывая ее, для варварски-свѣжей психики крестьянина были больше живою, чѣмъ мертвой водой, они больше возбуждали, чѣмъ угнетали.

Крестьянство — единственный пластъ, который, не мало потерявъ за послѣдніе годы, не мало и пріобрѣлъ. И если еще можно спорить о конечномъ итогѣ его прямыхъ и *абсолютныхъ* потерь и пріобрѣтеній, то безспорна и высока величина его *относительныхъ* пріобрѣтеній, полученныхъ въ силу исчезновенія, распада и ослабленія другихъ соціальныхъ классовъ. Фигура крестьянина сейчасъ на авансценѣ общественной жизни Россіи. Она единственная по своему удѣльному вѣсу. Уравновѣсить ее некѣмъ и некому.

*) Обоснованіе послѣдняго утвержденія см. во второй части книги.

Неясное близкое будущее Россіи лежитъ въ загадочной крестьянской душѣ.

Художественный талантъ и политическая блудница, гордость нашей художественной литературы и наше нравственное униженіе — Максимъ Горькій — былъ правъ, когда въ недавнемъ интервью англійскому корреспонденту истерически говорилъ о крестьянскомъ морѣ, которое заливаетъ и скоро вовсе зальетъ Россію вмѣстѣ съ ея коммунистической властью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Народное хозяйство въ цѣломъ. Весь періодъ отъ начала XX столѣтія до міровой войны 1914-18 г.г. характеризуется быстрымъ подъемомъ народнаго хозяйства Россіи. Народный доходъ 50 губ. Европейской Россіи, равнявшійся въ 1900 г. 6.579.633 тысячамъ рублей поднялся въ 1913 г. до 11.805.545 тысяч. рублей. Увеличеніе равно 5.225.912 тысячамъ рублей или 79,4 о/о. *)

Доходъ складывался изъ слѣдующихъ слагаемыхъ (въ тысячахъ рублей):

	1900 г.	1913 г.	Приростъ въ %%
Сельское хозяйство	2.985.067	5.660.227	88,5
Лѣсоводство и рыболов..	626.167	729.978	16,6
Промышленность	1.402.191	2.566.594	83,0
Транспортъ	531.222	1.055.103	98,9
Строительное дѣло	473.100	842.668	78,1
Торговля	561.886	980.975	74,6
Итогъ	6.479.633	11.805.545	79,4

Этотъ стремительный ростъ объясняется, какъ увеличеніемъ производительности народнаго труда, такъ и общимъ возрастаніемъ товарныхъ цѣнъ, столь характернымъ для XX вѣка, который чуть-ли не съ самаго начала сталъ вѣкомъ дороговизны. «Если, пытаясь учесть чистый ростъ производительныхъ силъ, выключить вліяніе возросшихъ цѣнъ; если, другими словами, подсчитать величину народнаго дохода 1913 г. по цѣнамъ товаровъ 1900 года, то онъ опредѣлится цифрой въ 9.170.298 тысячъ рублей. Результатъ одного подъема производительныхъ

---

*) Предыдущія и всѣ послѣдующія цифры, относящіяся къ народному доходу Россіи за 1900 и 1913 годы взяты изъ книжки «Опытъ исчисленія народнаго дохода 50 губ. Европ. Россіи въ 1900-1913 г. г.», вышедшей въ 1918 г. подъ редакціей С. Н. Прокоповича.

силъ равняется, такимъ образомъ. 2.590.665 тысячъ рублей или 39,4 o/o прежняго производства. Ростъ продукціи совершался во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства — въ земледѣліи, промышленности, транспортѣ, строительномъ дѣлѣ, торговлѣ. Исключеніе даетъ только лѣсоводство и рыболовство; здѣсь, при увеличеніи *стоимости* продуктовъ на 16,6 o/o количественная производительность понизилась на 4,3 o/o.

Различный темпъ роста въ продукціи отдѣльныхъ отраслей, также удѣльный народо-хозяйственный вѣсъ каждой изъ отраслей показываетъ слѣдующая таблица (абсолютный размѣръ дохода, исчисленный по цѣнамъ 1900 г., показанъ въ милліонахъ рублей):

	1900 годъ		1913 годъ		Увелич. (+) или уменьш. (—) продукціи
	Абсолютный размѣр. дохода	Доля во всемъ народн. доходѣ	Абсолютный размѣр. дохода	Доля во всемъ народн. доходѣ	
Сельское хозяйство	2.985	45,4%	3.995	43,5%	+33,8
Лѣсовод. и рыбол.	626	9,5%	598	6,2%	— 4,3
Промышленность	1.402	21,3%	2.282	24,9%	+62,2
Транспортъ	531	8,1%	804	8,8%	+51,4
Строительное дѣло	473	7,2%	704	7,7%	+48,8
Торговля	562	8,5%	787	8,6%	+40,7

На первомъ мѣстѣ по народно-хозяйственному значенію, какъ видимъ, стоитъ сельское хозяйство вмѣстѣ съ лѣсоводствомъ и рыболовствомъ, которыя, какъ правило, соединялись съ сельско-хозяйственнымъ промысломъ; оно даетъ 54,9 o/o всего народнаго дохода въ 1900 г. и 49,7 o/o въ 1913 г. Страна въ основѣ своей была аграрной. Она однако эволюціонировала: ея промышленность, транспортъ, строительное дѣло и торговля развивались быстрѣе сельскаго хозяйства. За 13-лѣтній періодъ роль послѣдняго вмѣстѣ съ лѣсоводствомъ и рыболовствомъ въ народномъ трудѣ и доходѣ уменьшилась больше, чѣмъ на 5 o/o. Потерянное сельскимъ хозяйствомъ въ основной долѣ было пріобрѣтено промышленностью: ея продукція увеличилась почти на двѣ трети, а продукція сельскаго хозяйства только на одну треть. Народо-хозяйственное значеніе промышленности, если мѣрить его продукціей, а не стоимостью продуктовъ, съ 21,3 o/o въ 1900 г. поднялось до 23,9 o/o въ 1913 г. Россія медленно, но вѣрно шла по здравому пути индустріализаціи.

Война нарушила этотъ быстрый поступательный ходъ народ-

наго хозяйства Россіи. Большинство изъ его отраслей деградировало. Далеко, однако, не всѣ. Рядъ важнѣйшихъ изъ нихъ далъ въ 1916 году рекордную продукцію. Вотъ иллюстрирующіе примѣры: средняя ежемѣсячная добыча угля въ важнѣйшемъ каменноугольномъ районѣ Россіи — въ Донецкомъ бассейнѣ — съ 128 милліоновъ пудовъ въ 1913 г. поднялась до 146 милліоновъ пудовъ въ 1916 г. *) въ льняной промышленности выработка 1913 года въ 3.133 тысячи пудовъ льняной пряжи выросла до 4.260 тысячъ пудовъ въ 1916 г. За время войны усилилась добыча цинка, свинца, развернулась химическая промышленность, большую (по сравненію съ 1913 г.) продукцію дала и шерстяная промышленность. Нефтяное дѣло въ 1916 г. дало самую высшую за послѣднее десятилѣтіе годовую добычу. Больше, чѣмъ вдвое усилилась производительность электрической промышленности

Сельское хозяйство съ началомъ войны начало разрушаться — уменьшалось количество скота, сокращались посѣвы, началъ чувствоваться недостатокъ въ мертвомъ инвентарѣ, въ ремонтномъ матеріалѣ для построекъ и т. д.. Силы роста, однако, не изсякли и здѣсь: сельско-хозяйственная перепись 1916 года обнаружила поразительно высокій процентъ молодняка въ составѣ крестьянскихъ стадъ рогатаго скота. Въ 47 губерніяхъ Европейской Россіи на 19.051 тысячу взрослыхъ коровъ, воловъ и быковъ приходилось 17.535 тысячъ молодняка различныхъ возрастовъ. Послѣдній составлялъ почти 92,4 о/о взрослыхъ животныхъ. Сельское хозяйство, неся отъ войны несомнѣнные и сильные уроны, энергично создавало резервы и они были болѣе, чѣмъ достаточны, чтобы быстро и вѣрно возмѣстить военныя потери въ важнѣйшей сторонѣ, въ скотоводствѣ.

Деградація народнаго хозяйства, начавшаяся съ войной, не была ни всеобщей, ни трудно ликвидируемой. Налетѣвшія революціонныя бури, и въ особенности отвратительно-безумная экономическая политика совѣтской власти, все измѣнили: кривая развитія народнаго хозяйства во всѣхъ сторонахъ его бурно и безостановочно пошла внизъ. Такъ движется она и до сихъ поръ.

Въ началѣ 1921 г. коммунисты пытались увѣрить, что продукція промышленности Россіи равняется 30-35 о/о довоенной.

---

*) Во второй половинѣ этого года мѣсячная выработка поднялась даже до 151 милліона пудовъ.

Ложь была быстро разоблачена: по весьма оптимистическимъ подсчетамъ Центральнаго Статистическаго Управленія совѣтской республики продукція русской промышленности сократилась въ 8 разъ противъ довоеннаго времени, а продукція сельскаго хозяйства въ 2 раза. Если повѣрить этимъ оффиціальнымъ подсчетамъ, если принять затѣмъ, что работа современнаго транспорта въ 5 разъ меньше противъ 1913 года, *) что строительной промышленности въ современной Россіи нѣтъ, что торговля даетъ одну четвертую часть прежняго народно-хозяйственнаго эффекта, что лѣсоводство и рыболовство сократилось вдвое, **) то современный народный доходъ 50 губ. Европ. Россіи по сравненію съ доходомъ 1913 года будетъ имѣть слѣдующій видъ въ милліонахъ рублей по цѣнамъ 1900 года):

	Продукція 1913 г.	Сокращен. для 1921 г.	Продукція 1921 г.
Сельское хозяйство..........	3.995	въ 2 раза	1.997,5
Лѣсоводство и рыболовство...	598	въ 2 раза	299
Промышленность	2.282	въ 8 раза	235,25
Строительное дѣло..........	704	до 0	0
Транспортъ	804	въ 2 разъ	160,8
Торговля	787	въ 4 раза	196,25
Итогъ	9.170		2.888,8

При допущенныхъ предположеніяхъ, которыя если и грѣшатъ, то только прикрашиваніемъ дѣйствительности, вѣроятный современный доходъ населенія равняется 31,5 о/о отъ дохода 1913 года.

---

*) Въ 1913 г. въ сутки по жел. дорогомъ перевозилось въ среднемъ 164.000 пудоверстъ груза, а въ 1920 г. только 35.000 т. е. 21%. Тоже соотношеніе и для водно-рѣчного транспорта: въ 1912 г. грузовъ было перевезено 2.882 милліона пудовъ, а въ 1920 — 583 мил. пуд. т. е. 20%.

**) Въ важнѣйшемъ рыболовномъ районѣ Россіи — Волжско-Каспійскомъ до войны было зарегистрировано 40.000 морскихъ ловцовъ и около 60.000 рѣчныхъ. Кромѣ того, незарегистрированныхъ (безбилетныхъ) было около 50.000. Всего около 150.000 ловцовъ. За время совѣтской власти, вслѣдствіе порчи сѣтей, отсутствія нитокъ для починки, уничтоженія частно-предпринимательскихъ промысловъ и политики правительственной «Главрыбы» съ ея твердыми цѣнами, прикрѣпленіемъ ловцовъ къ промысламъ, а также недостаточному подвозу хлѣба къ рыболовному району, началось массовое бѣгство ловцовъ съ промысловъ и ихъ переходъ къ земледѣлію. Въ началѣ 1921 г. ловцовъ осталось только 24.000. Морской ловъ рыбы совершенно прекратился, а до войны онъ давалъ половину улова.

Но это оптимистическіе подсчеты, главная народо-хозяйственная отрасль современной Россіи—хозяйство сельское, какъ будетъ видно дальше, деградировало сильнѣе: его продукція понизилась minimum въ 2,5 раза и составляетъ не больше 40 о/о довоенной; продукція промышленности сократилась не меньше, чѣмъ въ 10 разъ, больше, чѣмъ вчетверо сократилась и торговля. Современный народный доходъ при такихъ условіяхъ врядъ-ли превышаетъ 26 о/о дохода довоеннаго. Бѣдная и прежде, страна стала бѣднѣе вчетверо.

Если къ этому прибавить разрушенныя зданія, (фабрично заводскія, торговыя, складочныя, станціонныя, жилыя), изношенный и поломанный инвентарь, огромную убыль скота, испорченную (плохой обработкой, уменьшеннымъ удобреніемъ, сорными травами) почву, ухудшившіяся сѣмена, тяжелое состояніе ж. д. путей и водныхъ артерій, полное обезлѣсеніе малолѣсныхъ и прежде южныхъ и центральныхъ губерній, вырубленные на топливо фруктовые сады, рѣзко понизившуюся интенсивность человѣческаго труда, огромную убыль квалифицированныхъ рабочихъ и т. д. безъ конца, то передъ нами встанетъ потрясающая картина разрушенія народнаго хозяйства не только въ его функціяхъ, но и въ его *возможностяхъ* нормально функціонировать въ ближайшіе годы.

Изъ этого бѣглаго и неполнаго перечня потерь и разрушеній для читателя должна сдѣлаться ясной экономически-порочная природа и того ничтожнаго народнаго дохода, который указанъ выше. Этотъ доходъ создается въ результатѣ «проѣданія» матеріальныхъ цѣнностей, накопленныхъ страной въ періодъ ея предшествующей экономической жизни и составляющихъ ея *основной* капиталъ. Во имя сегодняшней жизни тутъ уничтожается возможность жить *завтра*. Большевики въ своемъ искусствѣ разрушенія дошли до высшихъ предѣловъ: по мѣткому замѣчанію З. Гиппіусъ, сказанному въ примѣненіи къ дѣтямъ совѣтской Россіи, они разрушаютъ не только жизнь имъ современную, но и жизнь *будущаго*.

И еще одно замѣчаніе: основная часть дохода, доставлявшагося промышленностью, не была созданіемъ труда, современнаго совѣтской власти: она базировалась на остаткахъ отъ предшествующаго, «буржуазнаго» періода жизни Россіи. По компетентному свидѣтельству бывшаго предсѣдателя Высшаго Совѣ-

та Народнаго Хозяйства Рыкова 1918 и часть 1919 г. мы жили на фабрикаты, оставшіеся отъ буржуазіи, часть 1919 и 1920 г. на оставшіеся отъ нея же полуфабрикаты и сырье; съ конца 1920 года мы должны были перейти на заготовку сырья собственными силами. И тутъ добавлю, въ этотъ третій годъ совѣтской власти, съ непререкаемой убѣдительностью выяснился экономическій крахъ. Особенно ярко онъ обнаружился въ самомъ началѣ 1921 года. Тогда рекламно и шумно родился «новый курсъ» экономической политики большевиковъ. Акушеромъ, облегчившимъ роды, были сильныя возстанія крестьянства начала 1921 г. и Кронштадтская артиллерія, загремѣвшая въ мартѣ того-же года.

«Проѣданіе» коммунистической властью «буржуазныхъ» остатковъ отчетливо выступаетъ изъ прогрессивнаго сокращенія металлическихъ запасовъ совѣтской республики.

Запасы металла по оффиціальнымъ даннымъ равнялись:

На 1-ое января 1918 г.	44.000.000	пуд.	100 %
На 1 » 1919 »	41.000.000	»	95,8%
На 1 » 1920 »	27.168.000	»	61,3%
На 1 » 1921 »	8.399.000	»	18,1%

Къ 1922 году прежніе запасы были израсходованы полностью. Результаты въ видѣ бездѣйствія металло-обрабатывающихъ заводовъ въ Петроградѣ, Брянскѣ, Москвѣ и подъ Москвой сказались уже въ 1921 году. Въ 1922 они скажутся еще рѣзче.

Послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній о народномъ хозяйствѣ въ цѣломъ, остановимся нѣсколько внимательнѣе на состояніи его трехъ важнѣйшихъ сторонъ: на промышленности, транспортѣ и сельскомъ хозяйствѣ.

Промышленность. Въ моемъ распоряженіи имѣются цифровыя данныя о производительности 22 отраслей промышленности Россіи, продукты которыхъ получаются по преимуществу на крупныхъ предпріятіяхъ. Среди нихъ нѣтъ ни одной, которая-бы давала, не говорю уже, картину роста, но хотя-бы картину *прочно* остановившагося распада. Всѣ, за исключеніемъ *одной* отрасли, съ каждымъ годомъ оказываются все глубже въ пропасти, не имѣющей дна. Промышленность Россіи на смертномъ одрѣ и агонизируетъ. Добыча основного продукта современной промышленности—чугуна—съ 257.398.000 пудовъ въ 1913 году, докатилась до 6.133.000 пудовъ въ 1920 г., т.е. до 2,4 о/о прежней выплавки. Въ 1913 году на одну душу населенія выплавлялось чугуна въ среднемъ 60 фунтовъ въ годъ, а въ 1920 — только 2 фунта...

Коммунистическая Россія поставила тутъ своеобразный міровой рекордъ. Увы, онъ не единственный! Такими рекордами изобилуетъ современная русская дѣйствительность.

Вотъ таблица, составленная по оффиціальнымъ совѣтскимъ источникамъ и подводящая итогъ четырехлѣтней дѣятельности русскихъ, по выраженію Карлейля, «капитановъ промышленности», вышедшихъ изъ нашей коммунистической партіи. *)

Названіе предметовъ выработки:	Добыто и выработано				Продукція 1920 г. сравнительн. съ	
	1913 г.	1916 г.	1919 г.	1920 г.	1913 г.	1916 г.
	(въ тысяч. единицъ — обычно пуд.)					
Желѣзная руда	581.357	?	?	9.420	2,25	?
Мѣдная руда	68.199	?	?	229	0,6%	?
Марганцев. руда [1])	17.377	?	?	395	2,6%	?
Каменный уголь [2])	1.640.300	1.894.000	?	381.800	23,3%	20,4%
Нефть [3])	554.900	602.100	?	230.100	41,4%	38,2%
Золото	3,71	3,76	?	0,097	2,6%	2,6%
Платина	0,30	0,29	0,075	0,023	7,6%	7,9%
Соль [4])	118.843	?	?	20.962	17,6%	?
Чугунъ	257.398	231.866	?	6.133	2,4%	2,6%
Льняной пряжи	3.133	4.260	942	806	25,7%	19%
Хлопч. бумажной пряжи и суровья [5])	37.000	?	2.210	1.555	4,2%	?
Кислотъ: сѣрной, азотной и соляной [6])	17.451	?	1.729	1.893	10,8%	?
Анилиновая промышленность	500	?	?	24	4,8%	?
Спички (въ ящик.)	3.650	3.060	1.008	632	17,3%	20,7%
Табачная промышленность:						
курит. единицъ на табачн. фабрикахъ	21.000	?	7.900	9.500	45,2%	?
гильзъ (въ ящик.)	1.000	?	224	74	7,4%	?
махорки (въ пуд.)	3.600	?	1.033	731	20,3%	?
Мыло	20.183	?	?	790	3,9%	?
Бумага	9.975	?	?	2.650	22%	?
Полиграфич. пром. (оттисковъ)	?	16.240	3.827	2.488	?	15,3%
Сахаръ	83.531	?	4.737	5.038	6%	?
Крахмало-паточн. промышленность: перераб. картоф	60.000	?	5.000	3.500	5,8%	?
Электрич. промыш.	100%	213%	?	15%	15%	7%
Резинов. промыш	100%	?	?	5%	5%	?

*) Почти всѣ цифры таблицы относятся къ одному и тому же району для всѣхъ показанныхъ въ таблицѣ годовъ.

1) Продукція показана безъ Чіатурскихъ, самыхъ богатыхъ копей на Кавказѣ.

2) Продукція указана безъ Черемховскихъ и Кузнецкихъ копей.

Только три отрасли промышленности въ этой таблицѣ даютъ продукцію, превышающую 25 о/о довоеннаго производства: нефтяная, льняная и табачная. Производительность остальныхъ, обычно, гораздо ниже. Десять отраслей даютъ выработку меньше 5 проц. довоенной. Четыре отрасли отъ 5 до 10 проц; четыре отъ 10 до 20 проц. и двѣ отъ 20 до 25 проц. Наивысшую производительность среди важныхъ отраслей промышленности даетъ нефтяная. Объясняется это тѣмъ, что значительное время она находилась внѣ управленія большевиковъ: нефтяная область была занята совѣтскими войсками лишь въ первую треть 1920 года, причемъ самый важный районъ — Бакинскій, былъ оккупированъ лишь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Паденіе добычи началось немедленно послѣ появленія большевиковъ; до нихъ ежемѣсячная добыча въ Бакинскомъ районѣ держалась на 19 милліонахъ пудовъ, при нихъ она понизилась въ теченіе перваго-же (1920 года) до 13 милліоновъ. То-же было и во второмъ по важности районѣ — Грозненскомъ: ежемѣсячная добыча съ 5,7 милліоновъ пудовъ упала до 2-хъ милліоновъ. Положеніе дѣлъ не улучшилось и въ 1921 году въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ въ Бакинскомъ районѣ добывалось 11,7-11,8 милліоновъ пудовъ въ мѣсяцъ. Относительно нефтеперегонныхъ заводовъ послѣднія оффиціальныя свѣдѣнія (отъ сентября, октября 1921 г.) увѣренно ставятъ слѣдующій бодрящій прогнозъ: «въ будущемъ (1922) году заводы работать не смогутъ»...

Въ таблицѣ обращаетъ вниманіе сильный упадокъ горнаго дѣла. Изъ шести, указанныхъ первыми, предметовъ пять добывается только въ размѣрахъ отъ 0,6 проц. до 7,6 проц. довоенной добычи. Между тѣмъ, среди нихъ находится желѣзная руда, составляющая основу металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Ея добыто въ 44 раза меньше, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ. А до войны горнодѣліе было самой развивающейся областью народнаго хозяйства Россіи, за періодъ 1900-1913 г.г. оно дало наивысшій ростъ производства — 84 о/о.

Сравнительно высока выработка въ каменноугольной про-

3) Бакинскій районъ былъ занятъ большевиками въ апрѣлѣ 1920 г. Добыча показана за весь годъ.

4) Средняя добыча за 10-лѣтіе (1904-1913 г г.)

5) Продукція за 1910 годъ.

6) Продукція безъ Украйны, Кубани, Кавказа и Сибири.

мышленности — 23,3 проц. довоенной. Паденіе производительныхъ силъ, вызванное экономической политикой большевиковъ тутъ, однако сильнѣе: во время войны выработка угля повысилась и въ 1920 году добывалось только 20,4 проц. «буржуазной» продукціи. Органъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства («Экономическая Жизнь») въ отчетѣ за 1920 г. писалъ, что этотъ годъ для Донецкаго бассейна былъ годомъ наибольшаго, небывалаго паденія добычи, годомъ развала рудничнаго хозяйства и перестройки послѣдняго на новыхъ началахъ». Отчетъ выражалъ надежду, что эта перестройка дастъ «побѣду на народо-хозяйственномъ фронтѣ». Вмѣсто побѣды пришло пораженіе: въ 1921 году добыча еще болѣе упала. Въ три послѣдніе мѣсяца 1920 г. ежемѣсячная добыча равнялась 28,8 миллюновъ пудовъ. Если-бы она осталась на этомъ уровнѣ и въ 1921 г., то за 8 первыхъ мѣсяцевъ этого года было-бы добыто 230,4 милліоновъ пудовъ, въ дѣйствительности-же угля было выработано только 170 милліоновъ пудовъ.

Три отрасли въ вышеприведенной таблицѣ показываютъ, какъ будто, остановку распада, въ нихъ, какъ будто, выработка растетъ. Въ 1920 г. по сравненію съ 1919 г. усилилась выработка табачныхъ фабрикъ, основной химической промышленности и свеклосахарныхъ заводовъ. Такое впечатлѣніе ошибочно. Работа табачныхъ фабрикъ кажется производительнѣе потому, что въ 1920 году увеличилась выработка табака за счетъ папиросъ: послѣдніе въ 1919 г. давали 62, 2 проц. всѣхъ выпущенныхъ курительныхъ единицъ, а въ 1920 г. — 46,8 проц. въ первомъ полугодіи и 21,9 проц. во второмъ. Еще очевиднѣе ошибка по отношенію къ свеклосахарному производству: тутъ въ 1919 г. было переработано свеклы 7.721 тысяча берковцевъ (по 10 пудовъ), а въ 1920 г. только 4.579 тысячъ. Увеличенный выпускъ сахара въ 1920 г. объясняется тѣмъ, что въ счетъ пошелъ и желтый сахаръ предшествующей кампаніи. Дѣйствительное увеличеніе выработки можетъ быть признано только за основной химической промышленностью: здѣсь въ 1920 г. кислотъ выработано на 164.000 пудовъ больше, чѣмъ въ 1919 г.. Вотъ единственная «побѣда» 1920 года. Какъ она велика по сравненію съ деградаціей всѣхъ остальныхъ отраслей!

Въ таблицѣ нѣтъ данныхъ о металлообрабатывающей промышленности. Они не помѣщены вслѣдствіе ихъ громоздкости.

Положеніе тутъ лейбъ-органомъ совѣтской власти («Правда») характеризуется такъ: «больше всего уменьшилось производство перваго продукта — чугуна (2,5 проц. отъ 1913 года), на второмъ мѣстѣ стоитъ мартенованіе, прокатка и простѣйшія издѣлія — гвозди, проволока, болты и т. п.; *) на третьемъ мѣстѣ сельско-хозяйственныя машины (9 проц. отъ 1913 года); на четвертомъ вагоностроеніе; на пятомъ паровозостроеніе (30-35 проц. отъ 1913 года); **) на шестомъ производство косъ и серповъ (60 проц. отъ 1913 года»). Такое странное явленіе повышающейся выработки по мѣрѣ усложненія фабрикатовъ объясняется по словамъ той-же «Правды», очень просто: «по мѣрѣ перехода отъ перваго продукта къ слѣдующему, мы имѣемъ все большее количество заготовленныхъ, но необработанныхъ издѣлій отъ прошлаго».

Таковы итоги большевистскаго «регулированія» русской промышленности.

Надо далеко, часто *весьма* далеко отойти въ прошлое русскаго народнаго хозяйства, чтобы найти продукцію, соотвѣтствующую современной. Вотъ льняная вѣтвь текстильной промышленности, которой прежняя Россія имѣла полное право гордиться: ея продукты по дешевизнѣ и качеству выдерживали сравненіе съ мануфактурой любой страны. Льняной пряжи вырабатывалось (въ тысячахъ пудовъ): 1914 г. — 3133, въ 1915 г. — 3420, въ 1916 г. — 4260, въ 1917 г. — 3120, въ 1918 г. — 1570, въ 1919 г. — 942, въ 1920 г. — 806. Въ 1865 г. — на зарѣ русскаго промышленнаго развитія — пряжи вырабатывалось 840.000 пудовъ. По перемѣнамъ въ составѣ населенія (размѣщеніе между городомъ и деревней) Россія за четыре минувшихъ года сумѣла откатиться назадъ, какъ указывалось въ предыдущей главѣ, на 25 лѣтъ; здѣсь откатъ еще больше — почти на 50 лѣтъ.

---

*) Проволочно-гвоздильныя предпріятія выработали въ 1920 г 450-500 тысячъ пудовъ продуктовъ. Въ 1910-12 г. г. выработка равнялась примѣрно 18 милліонамъ пудовъ, современная продукція равняется, слѣдовательно, 2,8% прежней.

**) Современная успѣшность паровозостроенія преувеличена въ 1916 г. было выпущено 599 паровозовъ (въ 1915 — 915), а за 11 мѣсяцевъ 1920 года только 85 паровозовъ. «Коммунистическая продукція даетъ лишь 15,5% «буржуазной». Производительность 8 паровозостроительныхъ заводовъ Россіи равнялась до войны 1500 паровозамъ.

Нѣкоторыя отрасли промышленности въ различныхъ областяхъ Россіи временами становились объектами напряженнѣйшаго вниманія и величайшихъ усилій центрально-хозяйственныхъ органовъ совѣтской власти. Дѣлалось все, чтобы поднять продукцію. И это какъ будто начинало удаваться. Медленно, съ остановками, порой съ попятнымъ ходомъ, но продукція поднималась. Въ лагерѣ «творцовъ новой жизни» наступало ликованіе. Увы, не надолго. Обнаруживался какой-нибудь, неучтенный «капитанами промышленности» «маленькій недостатокъ механизма» и... все срывалось и неслось внизъ, какъ снѣжная лавина. Яркій примѣръ даетъ Донецкій каменноугольный бассейнъ. Ежемѣсячная добыча въ немъ съ 148 милліоновъ пудовъ въ 1916 г., въ 1920 г. пала до 23 милліоновъ пудовъ. Въ мартѣ 1921 г. выработка, съ величайшимъ трудомъ, продолжавшимся 7-9 мѣсяцевъ, при посредствѣ добраго десятка комиссій, безчисленныхъ совѣщаній, усиленнаго снабженія и т. д. была поднята до 33,1 милліоновъ пудовъ. А потомъ она покатилась внизъ — въ апрѣлѣ 30,3 милліоновъ пудовъ, въ маѣ — 24,3, въ іюнѣ— 18,2, въ іюлѣ — 9,6, въ августѣ — 11,3 милл. пудовъ «Просчитались» — заявляетъ Ленинъ. «Просчитались» — констатируетъ въ результатѣ «анализа» «Экономическая Жизнь». И такъ вездѣ, всегда, во всемъ. Просчитываются безъ «передышки».

Донецкій бассейнъ даетъ и добавочную иллюстрацію къ свойствамъ экономической политики большевиковъ. «Большевистскій переворотъ докатился до Донецкаго бассейна въ ноябрѣ и съ декабря 1917 года... рѣзкій скачекъ внизъ до 78 милліоновъ пудовъ (въ мѣсяцъ), причемъ за время большевистскаго владычества добыча все падаетъ, пока въ маѣ 1918 г. не доходитъ до цифры въ 27 милліоновъ пудовъ въ мѣсяцъ. Съ іюня бассейнъ занимается нѣмцами и... горнопромышленники снова поднимаютъ добычу, доводя ее до 48 милліоновъ въ октябрѣ. Со вторымъ вступленіемъ большевиковъ въ бассейнъ добыча начинаетъ быстро падать, дойдя въ апрѣлѣ и маѣ 1919 г. до 16-17 милліоновъ пудовъ. Занятіе бассейна войсками генерала Деникина въ іюлѣ 1919 г. позволяетъ горнопромышленникамъ снова вернуться къ предпріятіямъ и снова начать усиленіе добычи..., которая въ ноябрѣ поднимается до 42 милліоновъ пудовъ. Съ занятіемъ бассейна большевиками въ декабрѣ 1919 г. добыча снова па-

даетъ». *) Передъ нами настоящая сказка про бѣлаго бычка — нудная и безконечная: приходятъ большевики — добыча падаетъ; большевики уходятъ, являются промышленники — выработка растетъ, уходятъ промышленники, являются большевики и шахты снова замираютъ...

Паденіе при большевикахъ добычи угля (какъ и сокращеніе производства въ другихъ отрасляхъ промышленности) не можетъ быть объяснено уменьшеніемъ кадра рабочихъ: число послѣднихъ въ Донецкомъ бассейнѣ съ 168,4 тысячъ человѣкъ въ 1913 году, сократилось до 115,2 тысячъ человѣкъ въ 1920 г., т.е. уменьшилось лишь на 31,6 проц.; между тѣмъ выработка сократилась на 558 проц. (1540 милліоновъ пудовъ въ 1913 г. и 275,9 милліоновъ пудовъ въ 1920 году). Продукція угольныхъ копей понизилась вслѣдствіе паденія интенсивности труда: въ 1913 году средняя годовая выработка на 1 рабочаго равнялась 9.145 пудамъ, а въ 1920 году только 2.395 пудамъ или 26,2 проц, прежней.

Въ другихъ отрасляхъ промышленности, работающихъ съ сырьемъ и выпускающихъ фабрикаты, къ паденію интенсивности труда присоединяется еще поразительная небрежность и безхозяйственность въ обращеніи съ сырьемъ. Приведу только одинъ иллюстрирующій примѣръ. С. Клепиковъ попытался въ 1919 году на основаніи данныхъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства «учесть характеръ работъ» въ совѣтской промышленности. Для изученія онъ взялъ четыре предпріятія (быв. Феррейна, Донторовскаго, Лепешкина и акціон. общества Жильцевскихъ заводовъ) «Химосновы», т. е. главка основной химической промышленности. Получились слѣдующіе поразительные результаты:

	1914 г.		май 1919 г.		іюнь 1919 г.	
Производительность ¹) ..	3,37	100%	0,15	4,4%	0,47	14 %
Использов. матеріал.²) .	1,30	100%	1,20	92,3%	0,58	44,6%
Выработка ³)	14,57	100%	0,90	6,1%	0,65	4,5%
Стоимость выпущенныхъ продуктовъ (въ рубляхъ) на 1 рубль заработной платы............	12,55		0,78		0,56	

*) «Труды общаго съѣзда дѣятелей русской промышленности и торговли въ Парижѣ».

1) Подъ производительностью С. Клепиковъ понимаетъ приростъ въ цѣнности матеріаловъ, получающійся вслѣдствіе ихъ

Такимъ образомъ, въ 1914 году человѣческій трудъ, приложенный къ сырью, увеличивалъ стоимость послѣдняго въ 3,37 раза, а въ іюнѣ 1919 года тотъ-же трудъ обезцѣнивалъ на 14 проц. потраченное сырье. Этотъ невѣроятный результатъ объясняется безхозяйственной тратой сырья: изъ единицы послѣдняго въ 1914 году получалось 1,30 единицъ конечнаго продукта, а въ іюнѣ 1919 года только 0,58 единицы. Ужасающая небрежность въ обращеніи съ сырьемъ соединилась съ паденіемъ интенсивности труда; послѣдняя уменьшилась на 95,5 проц., т. е. сократилась въ 22 раза. Въ результатѣ стоимость выпущенныхъ продуктовъ оказывается ниже расходовъ и на заработную плату: на 1 рубль послѣдней рабочій, используя сырье, упаковочный матеріалъ и техническое оборудованіе, давалъ продукта только на 56 копѣекъ... Недурная организація промышленности!

Жажда славы, однако, не оставляетъ нашихъ «организаторовъ народно-хозяйственной побѣды». Въ февралѣ мѣсяцѣ 1921 г. въ Москвѣ происходилъ съѣздъ 15 представителей союзовъ лѣсопромышленныхъ трудовыхъ артелей — единственный видъ коопераціи, который еще не былъ «націонализованъ». Докладчики съ мѣстъ рисовали однообразно-повторяющуюся картину: достаточно было какому-нибудь союзу наладить и пустить въ ходъ заводъ по механической или химической обработкѣ дерева, какъ заводъ немедленно брался властью «на мушку націонализаціи». Дальше слѣдовало соотвѣтствующее постановленіе правительственныхъ органовъ и заводъ «увеличивалъ сумму общенароднаго достоянія». Результатъ былъ неизмѣнно одинаковъ, заводъ точно кропился «мертвой водой» русскихъ сказокъ: начинался недостатокъ сырья, бѣгство рабочихъ, воровство, паденіе производительности труда и т. д. Нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ фарватерѣ «государственно-урегулированнаго хозяйства» и заводъ останавливался. Кругъ былъ завершенъ. Дальше начинались ходатайства кооперативныхъ союзовъ о возвращеніи имъ завода. Если заводъ возвращался, онъ снова начиналъ работать.

переработки при отнесеніи прироста къ единицѣ труда — человѣкодню.

2) Использованіе матеріаловъ мѣряется количествомъ единицъ готоваго продукта, выходящаго изъ 1 единицы затраченнаго матеріала.

3) Подъ выработкой разумѣется число единицъ выпущенныхъ издѣлій на 1 единицу труда — человѣкодень.

Транспортъ. Желѣзныя дороги. Въ довоенное время Россія имѣла свыше 20.000 паровозовъ (товарныхъ и пассажирскихъ) и свыше 400.000 дѣйствующихъ товарныхъ вагоновъ. Въ ремонтѣ находилось отъ 12 до 15 проц. паровозовъ, 4 проц. товарныхъ и 6 проц. пассажирскихъ вагоновъ. На первое января 1917 г. число больныхъ паровозовъ составляло 16,5 проц. Въ періодъ совѣтской власти порча ихъ катастрофически росла. Больныхъ паровозовъ было: къ 1-му января 1918 г. — 30,1 проц., къ 1-му января 1919 г. — 47,7 проц., къ 1-му января 1920 г.—58 проц.. Увеличивалось и число неподвижныхъ товарныхъ вагоновъ. Ихъ было: къ 1-му января 1919 г. — 16,6 проц., къ 1-му января 1920 г. — 19 проц. и къ 1-му апрѣля того-же года — 23 проц. Въ результатѣ растущаго паралича жел. дорожн. транспорта, послѣдній былъ объявленъ совѣтской властью «ударнымъ хозяйственнымъ фронтомъ». Въ началѣ 1920 г. для командованія имъ былъ поставленъ Россійскій «Карно» — Троцкій. Онъ былъ назначенъ комиссаромъ путей сообщенія.

Дѣятельность новаго комиссара ознаменовалась выработкой знаменитыхъ приказовъ № 1042 и № 1157, объявленныхъ «боевыми». Оба они устанавливали твердую разсчитанную на нѣсколько лѣтъ программу ремонта подвижного состава — паровозовъ (первый приказъ) и вагоновъ (второй приказъ). Послѣ 3-5 лѣтъ желѣзныя дороги Россіи должны были заработать по-прежнему.

Работа закипѣла. Въ совѣтскихъ оффиціозахъ безпрерывно появлялись корреспонденціи и сводки, сообщавшія о полномъ и даже превышенномъ выполненіи программы ремонта. Продажныя перья казенныхъ публицистовъ неустанно курили фиміамъ «геніальнымъ» приказамъ и ихъ «геніальному» вдохновителю. Ежемѣсячныя сводки, дѣйствительно, показывали пониженіе процента больныхъ паровозовъ и вагоновъ. Это привлекло вниманіе интеллигентной Россіи. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, налаживаютъ и наладятъ? И никто не хотѣлъ, не могъ вѣрить: экономическіе успѣхи совѣтской власти слишкомъ расходились съ установившейся оцѣнкой ея русскимъ обществомъ.

Начались развѣдки за кулисы оффиціально-показной дѣйствительности. Скоро было установлено, что идетъ очередное «замыливаніе глазъ». Запасныхъ частей, необходимыхъ для ремонта, не хватало и выработка «ударными заводами», обслуживающими потребности жел. дор. транспорта, сильно отставала отъ

нужды. Тогда начали раззорять паровозныя и вагонныя кладбища. Для ремонта одного дѣйствующаго паровоза непоправимо разрушали отъ 2 до 8 бездѣйствующихъ. Разсказывали случаи, когда для ремонта 4 паровозовъ въ депо разобрали 40 паровозовъ, приведенныхъ съ жел.-дор. кладбища. Показное благополучіе и показной успѣхъ покупались цѣной невозмѣщаемыхъ потерь. «Кладбища кончатъ и опять все пойдетъ подъ гору» — предсказывали скептики.

Такъ и случилось. Въ февралѣ 1921 г. совершенно неожиданно разразился топливный кризисъ. Остановилась промышленность Петрограда. Остановилось движеніе на 10-12 тысячеверстной линіи желѣзныхъ дорогъ. Былъ «открытъ» новый очередной кризисъ — шпальный: оказалось, что на жел. дорогахъ требуется смѣнить 24 милліона шпалъ, ибо онѣ пришли въ состояніе такой гнилости, что поѣзда не могутъ ходить и, напр., на Алтайской жел. дорогѣ крестьяне *пальцами* вытаскиваютъ костыли (на зубья для боронъ), которыми рельсы прикрѣпляются къ шпаламъ. Вскорѣ былъ оконченъ разгромъ жел. дор. кладбищъ и «Экономическая Жизнь» констатировала снова «просчетъ»: выработка запасныхъ частей, на лучшихъ заводахъ, объявленныхъ архи-«ударными» — и выдѣленныхъ для обслуживанія нуждъ транспорта, не поспѣваетъ за потребностью. И снова провалъ блестящихъ программъ и крушеніе свѣтлыхъ надеждъ. Процентъ больныхъ паровозовъ и вагоновъ зловѣще пошелъ вверхъ.

Вотъ цифры о состояніи паровознаго парка. *)

	Всего	Больныхъ	% больныхъ
Іюнь 1920 г.	15.333	8.969	58,5%
Декабрь 1920 г.	18.888	10.714	56,7%
Іюнь 1921 г.	18.933	11.046	58,4%

Въ августѣ минувшаго года процентъ больныхъ паровозовъ поднялся до еще небывалой цифры — 60,1 проц. «Работа ударныхъ заводовъ» меланхолически констатируетъ совѣтскій экономическій органъ «чрезвычайно мала».

Еще ярче цифры, относящіяся къ парку вагонному. Вагоновъ было: *)

	Всего	Больныхъ	% больныхъ
Іюнь 1920 г.	442.985	90.093	20,3%
Декабрь 1920 г.	447.394	87.565	19,5%
Іюнь 1921 г.	444.043	122.083	27,5%

*) Цифры, публикуемыя совѣтской властью, о состояніи ж.-д. транспорта — различны. Я беру наиболѣе авторитетныя изъ

Въ дополненіе къ таблицѣ надо прибавить, что подъ «больными» вагонами въ современной Россіи понимаются совершенно неспособные двигаться, т. е. съ испорченными ходовыми частями или съ совершенно разрушенными кузовами. Отсутствующія оконныя дверки, вытащенныя доски изъ стѣнокъ, крыша, съ которой содранъ желѣзный листъ — все это въ счетъ не идетъ. Это не дѣлаетъ вагона больнымъ. А такіе вагоны составляютъ большинство парка. При перевозкѣ продовольственныхъ и иныхъ грузовъ, портящихся отъ дождя и снѣга, всегда начинаются долгіе поиски «приспособленныхъ» вагоновъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ отъ сентября 1921 г. вагоновъ «первой категоріи», т.е.пригодныхъ для перевозки продовольственныхъ грузовъ розсыпью, имѣлось только 20.000, между тѣмъ, потребность для осенней перевозки картофеля выражалась въ 60.000 вагоновъ. Въ текущую зиму 1921-22 года картофель, отобранный вооруженной рукой у крестьянъ, слѣдовательно, такъ-же мерзнетъ и гніетъ, какъ онъ мерзъ и гнилъ въ предшествующіе годы.

Тяжело состояніе и верхняго жел. дор. пути. Сгнили и требуютъ замѣны шпалы. А шпалъ нѣтъ, несмотря на величайшія лѣсныя площади Россіи. Износились рельсы. Ихъ замѣняютъ, разбирая запасные пути, вторыя колеи и т. д. Но этихъ запасовъ не хватаетъ и поѣзда, терпя безчисленныя крушенія, ходятъ по износившимся рельсамъ. Въ результатѣ священной «гражданской войны», объявленной большевиками «буржуазіи» разрушено 3.011 искусственныхъ сооруженій (мосты, віадуки, туннели) общей длиной въ 16.000 погонныхъ саженъ и 1.360 верстъ рельсового пути.

Въ службѣ желѣзно-дорожной связи къ концу 1920 г. изъ 38.000 телефонныхъ и 10.250 телеграфныхъ аппаратовъ 32.000 штукъ первыхъ и 8.500 вторыхъ требовали капитальнаго ремонта. Отпускъ электрическихъ матеріаловъ въ 1920 г. равнялся: для телеграфныхъ аппаратовъ 12 проц. потребности, для телефонныхъ — 8 проц.; телефонныхъ коммутаторовъ было отпущено только 3 проц. потребности, электрическихъ лампочекъ только 8 проц.; элементовъ для батарей 52 проц., громоотводовъ — 63 проц.; проводовъ — 60 проц..

нихъ: онѣ приведены въ докладѣ основной транспортной комиссіи высшему экономическому органу совѣтской республики — Совѣту Труда и Обороны.

Не хватаетъ стрѣлокъ, фонарей, крестовинъ для стрѣлокъ, разрушена и бездѣйствуетъ центральная сигнализація. Не хватаетъ даже деревянныхъ лопатъ для расчистки путей отъ снѣжныхъ заносовъ. Нѣтъ снѣжныхъ щитовъ. Снѣжные заносы, поэтому увеличились, а быстрота ихъ расчистки упала. Движеніе поѣздовъ по этой причинѣ зимами то и дѣло прекращается, продолжаясь 7-10-14 дней.

Другой причиной перерывовъ является недостатокъ топлива. Въ зиму 1920-1921 г.г. поѣзда даже по лучшей изъ русскихъ жел. дорогъ — Николаевской (между Москвой и Петербургомъ) ходили съ долгими остановками, поджидая пока крестьянскіе дровни подвезутъ дровъ изъ лѣсу. И дрова съ саней грузились прямо на паровозъ. Врядъ-ли гдѣ-нибудь и когда-либо въ мірѣ существовала такая непосредственная зависимость движенія паровоза отъ движенія крестьянской клячи.

Общій недостатокъ топлива въ теченіе 1920 г. виденъ изъ слѣдующихъ цифръ:

	Требовалось	Доставлено	Недоставлено (—) или излишки (+)	
Дровъ	3.032.815 к.с.	3.094.135 к.с.	+62.700 к.с.	2,1%
Каменнаго угля	184.215 т.п.	90.710 т.п.	—93.495 т.п.	51,9%
Нефти	34.058 т.п.	16.255 т.п.	—17.103 т.п.	50,2%

Если перевести всѣ виды топлива на дрова, (приравнивая 1 куб. саж. 110 пудамъ угля и 70 пудамъ нефти), то потребность дорогъ выразится въ 5.194.040 куб. саж., а доставлено было 4.161.176 куб саж., т. е. 80,1проц. Въ дѣйствительности размѣръ недополученія топлива болѣе высокъ, такъ какъ расчетъ потребности дѣлался примѣнительно къ средне-нормальному топливу; доставленное-же отличалось весьма низкимъ качествомъ. *Дрова* были свѣжей рубки (сырыя) и не всегда швырокъ, а часто долготье, не помѣщавшееся въ паровозныхъ топкахъ; вмѣсто нормальнаго *угля* доставлялся по преимуществу *штыбъ*, засорявшій колосники и не горѣвшій въ топкѣ (машинисты иронически прозвали его *огнеупорнымъ*), нефть содержала большое количество воды. Ея наливъ и сливъ въ зимнее время происходилъ съ большой медленностью, такъ какъ мазутъ превращался въ студенистую массу.

Но и доставленное желѣзнымъ дорогамъ топливо было получено ими далеко не полностью: оно въ огромныхъ размѣрахъ раз-

воровывалось служащими, которымъ нечѣмъ было топить ихъ служебныя и жилыя помѣщенія.

Перерасходъ топлива по обѣимъ этимъ причинамъ превысилъ норму въ октябрѣ 1920 г. на 52.524 куб. саж. или (на 12 проц.); въ ноябрѣ на 154.059 куб. саж. (на 35 проц.); въ декабрѣ на 162.687 куб. саж. (37 проц.).

Низкое качество топлива уменьшало скорость движенія и поѣзда, какъ правило, идутъ въ полтора-два раза медленнѣе, чѣмъ ходили въ 1917 году.

Въ результатѣ испытаній пережитыхъ и переживаемыхъ жел. дор. транспортомъ, количество паровозовъ съ 20.047 въ началѣ 1914 г. уменьшилось до 7.450 (въ сентябрѣ 1921 г.) отъ 400.000 тысячъ вполнѣ исправныхъ вагоновъ осталось только 20.000 вагоновъ первой категоріи и около 240.000 вагоновъ могущихъ двигаться, но очень далекихъ отъ исправнаго состоянія. «Желѣзно-дорожныя мастерскія», по отчету комиссара путей сообщенія Емшанова, «въ большинствѣ разрушены, стекла выбиты, важныя части станковъ потеряны».

Количество перевезенныхъ грузовъ, какъ указывалось выше, составляло въ среднемъ лишь 35.000 пудо-верстъ въ сутки, т. е. 21 проц. довоеннаго количества. Несмотря на такое паденіе работы, количество лицъ, обслуживающихъ транспортъ, увеличилось съ 905.289 человѣкъ (въ 1915 г.) до 1338.000 (1 мая 1921 г.). Рабочій аппаратъ выросъ почти на 50 проц., а работа уменьшилась почти на 80 проц. Если мѣрить производительность труда жел.-дор. рабочихъ и служащихъ современной Россіи количествомъ перевезенныхъ грузовъ, (а я не знаю — чѣмъ другимъ можно мѣрить ее), то она равняется только 14 проц. прежней. Сокращеніе больше, чѣмъ въ семь разъ.

Въ качествѣ послѣдней черты, дорисовывающей состояніе жел. дор. транспорта послѣ нѣсколькихъ лѣтъ «регулированія» его совѣтской властью, сообщу такой фактъ: зимой 1920-21 гг. люди имѣвшіе возможность пользоваться для своихъ передвиженій лошадьми, предпочитали ѣздить на нихъ въ Москву не только изъ Тулы и Рязани (180 верстъ), но даже изъ Уфы (разстояніе около 1300 верстъ). Ѣзда лошадьми была и скорѣй, и безопаснѣй, и позволяла точнѣе разсчитать время въ дорогѣ.

Водно-рѣчной транспортъ. По подсчету Министерства Финансовъ въ 1906 г. въ Россіи было 4.317 пароходовъ и 23.975 единицъ непаровыхъ судовъ. За послѣдующее десятилѣтіе численное увеличеніе судовъ въ точности неизвѣстно, но оно должно быть значительнымъ: ежегодно выстраивались сотни пароходовъ, и тысячи непаровыхъ единицъ. Къ сентябрю 1920 г. отъ этого рѣчного транспорта по совѣтской статистикѣ осталось:

	Всего	Бездѣйствующихъ
Паровыхъ судовъ	4.083	2.650
Непаровыхъ »	11.898	4.050

Если за исходную величину принять преуменьшенныя данныя о судахъ въ 1906 г., то за время совѣтской власти изъ строя оказываются выведенными 1.667 паровыхъ (39 проц.) и 19.925 непаровыхъ судовъ (83 проц.). Неполно былъ использованъ и этотъ уменьшенный флотъ: изъ 2.129 паро-теплоходовъ Волжской и Маріинской областей въ 1920 г. работало только 1412, а въ навигацію 1921 г. по всей Россіи вышло только 1.288 паровыхъ судовъ.

По оффиціальнымъ объясненіямъ неполное использованіе судовъ объясняется тремя причинами: 1) недостаточнымъ притокомъ заявленныхъ грузовъ, 2) невозможностью вывода судовъ изъ-за недостатка командъ и 3) общимъ упадкомъ производительности труда.

Простой въ ожиданіи нагрузокъ, заявленныхъ различными вѣдомствами, тянулся днями, доходя до 10-15 сутокъ, а были случая простоя въ теченіи мѣсяца. Не лучше обстоитъ дѣло и съ выгрузкой. По даннымъ Маріинской области въ одномъ лишь Петрозаводскѣ суда въ ожиданіи выгрузки въ среднемъ стояли по 28.5 дней. За навигацію 1920 г. въ Петроградъ прибыло 1883 груженыхъ судовъ, которые въ общей сложности простяли 53.913 дней. Въ августѣ по Волгѣ отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани стояло безъ выгрузки 407 судовъ; 15 съ тонажемъ въ 90.300 пудовъ, изъ нихъ въ одной Астрахани было 195 баржъ, въ томъ числѣ 88 стояло неразгруженными съ 1919 г. Насколько слаба въ настоящее время производительность труда показываютъ такія цифры: для разгрузки Нижегородскаго порта была установлена норма, по которой полагалось выгрузить баржу въ 80.000 пудовъ артели въ 40 человѣкъ

въ 10 дней, т. е., по 200 пудовъ въ день на человѣка (раньше такая баржа разгружалась въ 2-3 дня). Но даже и эта норма не выполнялась: выгрузка въ апрѣлѣ и маѣ равнялась 92 пудамъ на человѣка, а въ іюнѣ 83 пудамъ. Для усиленія разгрузки власть прибѣгала и къ трудмобилизаціямъ, выгоняя на работу служащихъ совѣтскихъ учрежденій, красноармейцевъ, монаховъ и арестованныхъ, находящихся въ концентраціонныхъ лагеряхъ. На Волгѣ (въ Ярославлѣ) мнѣ довелось видѣть работу грузчиковъ двухъ послѣднихъ категорій. Истощенные, оборванные и блѣдные люди въ остаткахъ рясъ, офицерскихъ и студенческихъ тужурокъ, часто сѣдые, нерѣдко съ интеллигентными лицами, понукаемые криками и угрозами надсмотрщиковъ въ кожаныхъ курткахъ (коммунисты), съ трудомъ взваливали на плечи пятипудовые мѣшки съ пшеницей, шатаясь дѣлали нѣсколько шаговъ и падали подъ тяжестью груза. Слѣдомъ раздавалась отвратительная «матерная» брань «кожановъ». *) Кошмарныя, незабываемыя сцены!..

Работа парового флота тормозилась и топливомъ: то его не хватало, то оно было неподходящаго качества. Постоянно ощущался недостатокъ въ жидкомъ топливѣ. Масса судовъ, поэтому, была передѣлана на дровяное отопленіе. А тутъ возникали новыя затрудненія. Въ началѣ 1920 г. для Волги были отпущены совершенно сырыя дрова. Это понизило мощность машинъ на 40 проц., а въ нижнемъ плесѣ Волги (Самара-Астрахань) движеніе пришлось остановить совершенно.

Мѣшаетъ работѣ и мелководье. Послѣднее объясняется не только климатическими условіями, но и почти прекратившейся работой землечерпательныхъ каравановъ. Суда этой категоріи не работаютъ по разнымъ причинамъ: то изъ-за отсутствія ремонта, то изъ-за отсутствія жидкаго топлива (передѣлка на дровяное отопленіе трудна), то изъ-за недостатка командъ. Въ 1920 г. изъ-за недостаточной работы землечерпательныхъ каравановъ въ Сибири недоступными для эксплоатаціи оказались 15.000 верстъ прежде судоходныхъ рѣкъ. Такъ дѣло обстоитъ не только въ Сибири. «Когда проѣзжаешь по Маріинской системѣ», пишетъ корреспондентъ Петроградскаго оффиціоза («Петроград-

---

*) Такъ крестьяне многихъ мѣстностей Россіи называютъ коммунистовъ за ихъ кожанную одежду.

ская Правда»), то сразу бросается въ глаза запущенные берета, обвалы, обмелѣніе каналовъ. Небольшой пароходъ, сидящій на 8-9 четвертей проходитъ съ трудомъ. Прибрежная дорога, которая нѣкогда служила для конской тяги, приведена въ такое состояніе, что даже человѣку трудно пройти... Шлюзы въ ветхомъ состояніи: стѣны прогнили, мѣстами обвалились сваи, а шлюзовыя ворота имѣютъ такія щели, что вода пробивается безостановочно. Общее впечатлѣніе отъ Маріинской системы, отъ Петрограда до Череповца такое, что нѣтъ хозяина; махнули на все рукой и оставили на произволъ судьбы».

Тяжелое наслѣдство получитъ будущая Россія и въ водно-рѣчномъ транспортѣ.

Сельское хозяйство. Скотоводство. Русскіе экономисты, слѣдящіе за сельскимъ хозяйствомъ, констатируютъ, что современный кризисъ сельскаго хозяйства Россіи «не столько въ полѣ, сколько въ стойлѣ». Наиболѣе тяжелымъ ударамъ подверглось крестьянское скотоводство рабочее и продуктивное. Подсчитанные по 13 губерніямъ итоги переписи 1920 г., по сравненію съ данными переписи 1917 г., показываютъ убыль коровъ на 5,6 проц., а лошадей на 19 проц.. Потери въ области овцеводства и свиноводства выше: овцы количественно сократились на 42 проц., а свиньи на 45 проц.. Въ мѣстностяхъ развитого овцеводства, гдѣ оно являлось денежной отраслью хозяйства, давая на рынокъ значительныя количества мяса, овчинъ и шерсти, сокращеніе овецъ еще сильнѣе. Вотъ для иллюстраціи данныя по Оренбургско-Тургайской области: здѣсь въ 1917 г. было 2.661.942 головы взрослыхъ овецъ; въ 1920 г. осталось 1.057.435. Убыль равна — 1.604.507 штукамъ или 60 проц..

Та-же картина и со свиноводствомъ. Районы, гдѣ оно имѣло рѣзко выраженный промышленный характеръ, потеряли больше, чѣмъ районы со свиноводствомъ для личныхъ потребностей. Въ нѣкоторыхъ изъ районовъ перваго типа, число свиней по оффиціальной характеристикѣ «свелось къ нулю».

По общему закону, управляющему народно-хозяйственной жизнью совѣтской Россіи и по которому отрасли и стороны хозяйства подвергаются тѣмъ сильнѣйшему и скорѣйшему вырожденію, чѣмъ онѣ выше на лѣстницѣ хозяйственныхъ завоеваній человѣчества, тонкорунное овцеводство пострадало гораздо силь-

нѣе грубошерстаго. Мериносовое овцеводство, заложенное въ Россіи Петромъ Великимъ, и насчитывавшее въ 1913 году 4.447.000 головъ, уменьшилось къ концу 1920 года до ничтожныхъ размѣровъ въ 200 тысячъ головъ. Т. е., потеряло 95,5 проц. Точно также почти погибла русская порода орловскихъ рысаковъ: заводы были разгромлены, лошадей разобрали по совѣтскимъ хозяйствамъ и пустили въ тяжелую работу — ихъ запрягали въ плугъ, въ тяжелые возы. Знаменитому рысаку, пользовавшемуся міровой извѣстностью, — «Крѣпышу» въ какомъ-то совѣтскомъ хозяйствѣ сломали ногу.

Дѣйствительность, сложившаяся въ 1921 году гораздо хуже, чѣмъ рисуютъ приведенныя цифры. Зима 1920-21 г. была крайне тяжелой для скота, низкій урожай травъ, упавшая зерновая продукція и разгромъ крестьянскихъ хозяйствъ послѣдней, бывшей особенно жестокой, продовольственной кампаніей — все это создало острый недостатокъ кормовыхъ средствъ, начался массовый падежъ и убой скота.

«Свѣдѣнія о гибели конскаго состава», писалъ въ февралѣ 1921 г. глава «Гукона» (Главное управленіе коннозаводства совѣтской республики) Мураловъ, «идутъ со всѣхъ концовъ республики. Въ Тамбовской, Тульской, Рязанской губерніяхъ крестьяне продаютъ лошадей за 3 коробки спичекъ и полтора фунта соли. Безкормица подвела многихъ лошадей подъ ножъ. Конское мясо стало самой популярной пищей. Его ѣстъ ее только городское, но и деревенское населеніе. Намъ извѣстны села, гдѣ количество лошадей сократилось до 50 проц., изъ которыхъ 30 проц. уже подвѣшены на веревкахъ». *)

Собранныя мною свѣдѣнія (по преимуществу отъ агрономовъ) подтверждаютъ это оффиціальное свидѣтельство.

Въ области нѣмцевъ Поволжья 1-го января 1920 г. было 181.000 лошадей, къ первому января 1921 г. ихъ осталось 85.000, а къ посѣву только 65.000.

По разсказамъ агрономовъ Оренбургской губерніи, дороги въ началѣ 1921 г. тамъ были усѣяны трупами павшихъ животныхъ. Противъ мирнаго времени скотъ уменьшился на 80-85

---

*) Истощенныя лошади, ложась на холодную землю скорѣе погибали. Чтобы предупредить полеганіе, крестьяне на веревкахъ подвѣшивали ихъ къ переметамъ построекъ.

проц. Причинами убыли были: мобилизація лошадей, реквизиціи, мясная поставка, отборъ кормовъ и безпощадная продовольственная разверстка. Послѣдняя, проводилась слѣдующимъ образомъ. Является въ деревню продовольственный отрядъ съ пулеметами. Послѣдніе ставятся на перекресткахъ улицъ и, если есть церковь, одинъ втаскивается на колокольню. Потомъ всѣ мужчины созываются въ опредѣленное мѣсто и тамъ арестовываются. Около нихъ ставится цѣпь солдатъ. Остальная часть отряда начинаетъ обходить избы и хозяйственныя постройки, отыскивая зерно и муку. Зерновые и мучные продукты забирались *цѣликомъ*. Населенію не оставляли *ничего*. За селомъ разстилались рогожи и на нихъ сваливалась добыча. Когда операція кончалась, зерно и мука закрывались сверху снова рогожами, около ставился караулъ, арестованные отпускались и отрядъ двигался въ слѣдующую деревню.

Въ 57 волостяхъ Челябинской губерніи къ 1 декабря 1920 г. отъ безкормицы пало 1987 лошадей. Произведенныя въ районѣ съ радіусомъ въ 70 верстъ вокругъ Челябинска изслѣдованія (январь 1921 г.) показали запасы фуража maximum на мѣсяцъ.

Въ Калужской губ., по оцѣнкѣ агрономовъ, за зиму 1920-21 года убыло до 50 проц. лошадей и коровъ... Въ Рязанской губ. къ веснѣ 1921 года по сравненію съ 1916 г. осталось только 30 проц. лошадей. Въ одномъ агрономическомъ участкѣ Ливенскаго уѣзда, Орловской губ., по разсказу участковаго агронома, въ февралѣ 1921 года 1 корова приходилась на 7 дворовъ и одна лошадь на 10 дворовъ. Въ двухъ селахъ Тульской губ. (Новосильскаго уѣзда), имѣющихъ 199 дворовъ, скота было:

	1919 г.	1920 г.	Февраль 1921 г.
Лошадей	307	240	140
Овецъ	2.040	?	600

Въ трехъ селахъ Чернскаго уѣзда той-же губ. съ двумястами дворовъ количество лошадей за осень и часть зимы 1920-21 г. упало съ 252 до 62, т. е. на 75 проц..

Неурожай травъ и продовольственная разверстка осложнились еще тяжелой гужевой повинностью, которая въ мѣстахъ, близкихъ къ желѣзнымъ дорогамъ и городамъ, не давала крестьянину «ни отдыху, ни сроку». По оффиціальному отчету комиссара труда Шмидта, крестьяне нѣкоторыхъ районовъ отдава-

ли на гужевую и трудовую повинность до 70-80 дней въ году. Въ Полтавской губерніи, по выраженію крестьянъ, они «на жидовскую панщину ѣздятъ 5-6 дней въ мѣсяцъ». Въ Московской губ. крестьянъ заставляли везти дрова къ жел.-дор. станціямъ въ гололедицу, когда дороги были подо льдомъ. Плохо подкованныя и вовсе некованныя лошади надрывались и падали. Около нихъ, распрягая и подымая упавшихъ животныхъ, надрывались ихъ хозяева. Въ результатѣ, крестьянинъ при недостаткѣ корма предпочиталъ оставить корову и зарѣзать или сбыть лошадь: *послѣдней* коровы въ хозяйствѣ мясная разверстка *можетъ* и не коснуться, а съ лошадью на гужевую повинность обязательно погонятъ. Крестьянинъ Тульской губ. свидѣтельствовалъ мнѣ, что даже и при достаткѣ кормовъ хозяева предпочитаютъ не имѣть зимой лошади, такъ какъ хотя стоимость сохраненнаго корма ниже, чѣмъ потеря отъ продажи лошади осенью и покупки ея весной, но зато нѣтъ тяжелой, изнурительной и убыточной работы по обязательной возкѣ грузовъ, дровъ и совѣтскихъ пассажировъ.

Итогъ всѣмъ этимъ вліяніямъ по отношенію къ лошадямъ былъ подведенъ въ докладѣ проф. Придорогина во второй половинѣ 1921 г.; по подсчету докладчика, число лошадей въ Европейской Россіи равняется 12 милліонамъ головъ. По переписи 1916 года ихъ въ современныхъ предѣлахъ Европейской Россіи было 21 милліонъ. Убыло 9 милліоновъ или 43 процента.

Послѣ этихъ цифръ читатель, навѣрно не удивится пахотѣ на женщинахъ, которая практиковалась въ рядѣ губерній въ 1920 и 1921 годахъ.

Итогъ по отношенію къ мясному скоту былъ подведенъ агрономомъ Дроздовымъ; по его подсчету, мясная продукція Россіи (безъ Украины и Туркестана) равнялась въ 1916 г. 75 милліонамъ пудовъ, а въ 1921 г. лишь 25 милліонамъ пудовъ. Продукція пала въ 3 раза.

Соотвѣтственно пала, слѣдовательно, производительность крестьянскаго хозяйства и въ области добычи шерсти, кожъ, овчинъ, щетины, копытъ, роговъ и т. д. Для рынка эти предметы остались теперь въ ничтожныхъ количествахъ. Торговать съ заграницей тутъ, во всякомъ случаѣ, нечѣмъ.

Особено утяжеляетъ современое состояніе скотоводства убыль животнаго молодняка. Въ противоположность первымъ го-

дамъ міровой войны, онъ убываетъ теперь быстрѣе взрослыхъ животныхъ. Молоднякъ, по оффиціальнымъ подсчетамъ, для 13 губ. имѣется въ слѣдующихъ количествахъ:

	1916	1917	1920
Лошади	20,2%	17,1%	14,6%
Крупный рогатый скотъ	47%	45,1%	29,1%
Овцы	?	56,6%	33,2%
Свиньи	?	69,7%	67,2%

Если на основаніи этой таблицы высчитать процентную убыль молодняка за три года (1917-1920), сопоставивъ ее съ уже приведеннымъ сокращеніемъ всѣхъ взрослыхъ и молодыхъ животныхъ, то получимъ слѣдующую картину:

Убыль животныхъ за 3 года (1917-1920)

	Всѣхъ возрастовъ	Молодняка	Взрослыхъ животныхъ
Лошади	19%	31%	16,6%
Крупный рогатый скотъ	5,6%	66,4%	+21,7%
Овцы	42%	79,5%	32%
Свиньи	45%	47%	40,6%

И такъ, убыль молодняка идетъ гораздо быстрѣе убыли взрослыхъ животныхъ. Среди рогатаго скота онъ убываетъ даже единственнымъ: число взрослыхъ животныхъ увеличилось. Это тяжелый симптомъ: вмѣстѣ съ молоднякомъ уходитъ возможность быстраго возстановленія стадъ взрослыхъ животныхъ. Быстрая убыль молодняка знаменуетъ удлиненіе періода, въ который можетъ быть возстановлено русское народное хозяйство. Я говорю «народное хозяйство», такъ какъ безъ возстановлееія сельскаго хозяйства въ Россіи не можетъ нормально работать промышленность, а безъ приведеннаго въ нормальное состояніе скотоводства не можетъ возстановиться и все сельское хозяйство.

Грозная опасность отъ быстраго сокращенія молодняка увеличивается еще и новымъ обстоятельствомъ. Въ ряду безчисленныхъ кризисовъ, которыми поражено народное хозяйство современной Россіи и которые безпрерывно «открываетъ» «научный» экономическій органъ совѣтской власти существуетъ еще и кризисъ въ быкахъ производителяхъ. Они, не оправдывающіе своего существованія молокомъ, какъ коровы, работой какъ лошади, шерстью, какъ овцы, первыми пошли подъ ножъ. Въ 1916 г. быки составляли въ стадѣ 1,4 процента, въ 1917 г. - 0,7 проц., въ 1920 г. только 0,5 проц. Другими словами на 100 взрослыхъ

коровъ производителей въ 1916 г. было 2,6, въ 1917 - 1,28, а въ 1920 г. — 0,62, т. е. по крайней мѣрѣ втрое меньше, чѣмъ требуется. Въ связи съ этимъ яловость коровъ достигла высокихъ мѣровъ, до 50 и болѣе процентовъ.

Къ концу 1920 г. на 100 взрослыхъ крупно-рогатыхъ животныхъ телокъ и бычковъ въ возрастѣ отъ одного года и выше приходилось 10,3 проц. — количество еле достаточное для ремонта стадъ. Резервовъ уже не было. Нетронутыя войной (къ концу 1916 г.) жизненныя силы крестьянскаго хозяйства, къ концу 1920 г. были уже подорваны въ корнѣ. Съ тѣхъ поръ прошла страшная для скота и населенія зима 1920-21 г. и тянется еще болѣе ужасная зима 1921-1922 годовъ. Тяжесть современной дѣйствительности въ крестьянскомъ скотоводствѣ непредставляема. Нисколько не преувеличивая, можно утверждать, что въ районахъ, въ которыхъ населеніе и скотъ переживаютъ вторую голодную зиму, основа русскаго сельскаго хозяйства — скотоводство — погибла. Вмѣстѣ со скотомъ погибла рабочая сила, мясо, шерсть, молоко, удобреніе. *)

Сведено на нѣтъ и русское молочное хозяйство. Въ 1913 г. по жел. дорогамъ его продуктовъ было перевезено:

Масла	9.196.000 пудовъ
Молока и сливокъ	14.583.000 пудовъ
Остальныхъ молочныхъ продуктовъ	3.453.000 пудовъ

Изъ этого количества заграницу было вывезено 5.791.000 пудовъ, среди которыхъ главная доля (4.763.000 пуд.) приходилось на масло. Что-же осталось теперь? За весь 1920 г. молочныхъ продуктовъ (въ переводѣ на масло) при усиленномъ выколачиваніи ихъ въ Сибири, властью было собрано 1.406.000 пудовъ. Въ 1921 г. сборъ сильно упалъ: за первые четыре мѣсяца собра-

*) Положеніе скотоводства въ Туркестанѣ, вѣроятно, лишь отдаленно походитъ на положеніе въ районахъ, голодающихъ вторую зиму. А катастрофа въ Туркестанѣ такова:

	1915 г.	Середина 1920 г.	Сокращеніе	
	(въ тысячахъ штукъ)			
Лошадей	2.291	494	1.797	—78,4%
Крупн. рогат. скота	2.420	864	1.556	—64,3%
Мелк. рогат. скота	19.370	4.324	15.046	—77,7%
Всего	24.081	5.682	18.399	73,4%

но было 136.000 пудовъ; къ 10 августа — 356.000 пудовъ. Сборъ за весь годъ дастъ, слѣдовательно, *maximum* 600.000 пудовъ или 6,5 проц. одной масляной продукціи (откидывая молоко, сливки, творогъ, сметану и т. д.) 1913 года, если допустить, что на «вольный» рынокъ масло шло въ количествѣ 50 проц. продразверстски то и тогда продукція будетъ равняться лишь 10 проц. довоенной.

Скотоводство Россіи вмѣстѣ съ молочнымъ хозяйствомъ разгромлено. Большевики умѣютъ дѣлать свое дѣло!

Перейдемъ теперь къ другой основной сторонѣ сельскаго хозяйства къ полеводству. Посмотримъ, что дѣлается въ немъ.

Полеводство. Послѣ сказаннаго о современномъ состояніи скотоводства, регрессъ въ полеводствѣ очевиденъ a priori ибо сельское хозяйство, какъ и всякое иное производство, представляетъ единый и цѣлостный организмъ. Разстройство однихъ существенныхъ функцій неизбѣжно влечетъ разстройство другихъ. Убыль скота, связанная съ уменьшеніемъ тяговой силы, не могла не сказаться на умеешеніе посѣвныхъ площадей. Сокращеніе навознаго удобренія, вызванное той-же убылью скота, неизбѣжно влекло пониженіе урожаевъ. Еще болѣе велико, было вліяніе ослабленныхъ политикой власти лично-хозяйственныхъ стимуловъ людей — этого основного фактора въ прогрессѣ всего народнаго хозяйства Россіи. Были и добавочныя силы, разрушавшія полеводство: острый недостатокъ мертваго инвентаря, ухудшеніе и недостатокъ сѣмянъ, неустойчивость землепользованія.

За 10 лѣтіе передъ войной 1914-18 г.г. потребленіе сельскохозяйственнаго инвентаря въ Россіи *учетверилось*. Общая сумма стали, желѣза и чугуна, которая требовалась ежегодно сельскому хозяйству на машины и металлическія издѣлія равнялась 10-12 милліонамъ пудовъ. Съ 1910 по 1914 годъ ежегодно выпускалось на рынокъ:

	Плуговъ	Сѣялокъ	Уборочн. машинъ
Съ русскихъ заводовъ	400.000	35.000	70.000
Съ заграничныхъ	150.000	15.000	130.000
Кустарями	200.000	5.000	»
Всего	750.000	55.000	200.000

Косы ежегодно ввозились въ Россію въ количествѣ 4.5 милліоновъ штукъ. Другихъ машинъ въ 1913-14 г. г. было выпуще-

но: (въ тысячахъ) боронъ — 126, вѣялокъ и сортировокъ — 53, конныхъ молотилокъ 37.

Притокъ въ сельское хозяйство инвентаря упалъ съ перваго-же года войны. Уменьшился его привозъ изъ за границы, а русскіе заводы, вырабатывавшіе сельско-хозяйственный инвентарь, были переведены въ значительной мѣрѣ, на работу для арміи. Недостатокъ инвентаря чувствовался уже въ 1915 и 1916 г. г. При совѣтской власти, вслѣдствіе разрушенія всего народнаго хозяйства, и въ частности промышленности, поступленіе сел.-хоз. инвентаря пало катастрофически. Если мы сопоставимъ количество инвентаря, потреблявшееся сельскимъ хозяйствомъ до войны, съ доставленнымъ ему за три съ половиной года совѣтской власти (по 1-е мая 1921 г.), то получимъ слѣдующую таблицу:

	Ежегодное потребленіе	Требовалось за 3,5 года	Доставлено	Удовлетвореніе потребности
	(Въ	тысячахъ	штукъ)	
Плуги	750	2.625	359,5	13,7%
Бороны, культиваторы	126	441	41,0	9,3%
Сѣялокъ	55	192,5	7,6	3,6%
Уборныхъ машинъ	200	700	34,7	5,6%
Молотилокъ	37	129,5	4,8	3,7%
Вѣялокъ и сортиров.	53	185,5	9,7	5,3%
Косъ и серповъ	7-8 мил.	24,5-28м.	6,7 мил.	27,3-24%

Недополученіе инвентаря огромно. Оно колеблется для различныхъ предметовъ отъ 72,7 проц. до 96,3 проц. Если, принявъ во вниманіе отходъ населенія отъ Россіи къ вновь образовавшимся государствамъ, его даже уменьшить на 25 проц., то и тогда разница между потребностью и полученіемъ останется колоссальной. Крестьяне констатируютъ, что ихъ индивидуальное хозяйство своими собственными средствами въ настоящее время жить не можетъ: есть лошадь, нѣтъ плуга, есть плугъ, нѣтъ бороны, есть плугъ и борона — нѣтъ лошади и т. д. Взаимопомощь среди крестьянства въ современной деревнѣ приняла поэтому невиданные прежде размѣры. Сложеніе хозяйственныхъ усилій происходитъ то спорадически, отъ случая къ случаю, то принимаетъ постоянныя организаціонныя формы, отливаясь въ общественныя запашки и трудовыя земледѣльческія артели.

Снабженіе сѣмяннымъ матеріаломъ, какъ и всякое иное снабженіе, государствомъ монополизировано. Эта мѣра налагала на

власть большія и отвѣтственныя обязательства, она должна была доставлять сѣменной матеріалъ, во первыхъ, доброкачественный (всхожій), во вторыхъ, приспособленный къ мѣстнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, въ третьихъ, односортный, въ четвертыхъ, доставлять его своевременно. Ничего этого нѣтъ. Сѣмена доставляются откуда попало, какія попало и когда попало. Дѣло доходитъ до курьезовъ: сѣменной овесъ привозится въ маѣ, когда сѣвъ уже конченъ, были случаи выдачи на посѣвъ *поджаренныхъ* сѣмянъ подсолнечника; въ Московскую губ. привозятъ въ качествѣ сѣменного матеріала кукурузу, а она тамъ вызрѣть не можетъ; въ Поволжьи былъ случай раздачи для посѣва пшена, ибо по мнѣнію членовъ уѣзднаго земельнаго отдѣла просо растетъ изъ пшена. Очень часто сѣмена оказываются невсхожими и крестьянскій трудъ, затраченный на обработку поля пропадаетъ безплодно. Наконецъ, какъ правило, сѣмена доставлялись въ недостаточномъ количествѣ: въ 1921 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Саратовской губерніи проса выдавали такъ мало, что на крестьянскій дворъ его приходилось по *наперстку*.

Для иллюстраціи приведу данныя изъ отчета по снабженію сѣменнымъ картофелемъ въ 1920 г. «Собираемый губернскими продовольственными комитетами картофель ссыпается въ общую кучу... Въ результатѣ получается полное смѣшеніе сортовъ. Кромѣ того, въ сѣверныя и отчасти центральныя губерніи картофель доставляется съ юга... Посѣвъ картофеля, привезеннаго изъ губерній, рѣзко отличающихся по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, приводитъ къ тому, что урожай или совсѣмъ пропадаетъ, или бываетъ ничтожнымъ... Посѣвы производятся всякими сѣменами, лишь-бы они имѣлись въ достаточномъ количествѣ». Но сѣмянъ не хватаетъ, на 1920 г. отъ государства требовалось 38.677.000 пудовъ картофеля, а отпущено было 14.584.000 пудовъ. Фактически доставлено на мѣста еще меньше — 6793.000 пудовъ, т. е. лишь 18 проц. потребности.

На 1921 г. изъ предъявленной потребности въ картофелѣ въ 63 милліоновъ пудовъ, къ отпуску было назначено лишь 11,25 милліоновъ пудовъ. Въ дѣйствительности заготовили только 9,5 милліоновъ пудовъ, причемъ, по заявленію комиссара земледѣлія Осинскаго, «картофель врядъ-ли доживетъ до посѣва и половина его будетъ негодной». По докладу того-же Осинскаго въ мартѣ 1921 г. Всерос. Центр. Исполнит. Комитету Совѣтовъ «сѣ-

мянъ льна вмѣсто требующихся 3 милліоновъ пуд. имѣется 1,33 милл. пуд.;. сѣмянъ травъ вмѣсто нужныхъ 2,4 милл. пуд., есть только 323 тысячи пудовъ». Но даже и это количество не все попало на мѣста къ посѣву: за февраль, мартъ и половину апрѣля 1921 г. должно было быть погружеео 10.000.000 вагоновъ различныхъ сѣменныхъ матеріаловъ, погружено-же за февраль и мартъ было только 2.884 вагона. Такъ сельское населеніе снабжается посѣвнымъ матеріаломъ.

Въ 1921 г. на сельское хозяйство навалилась новая бѣда: было введено «государственное регулированіе сельскаго хозяйства». Для каждой губерніи была опредѣлена обязательная площадь посѣва и установлена пропорція сел.-хоз. культуръ. Губернскія учрежденія расписали площадь посѣва по уѣздамъ, уѣзды по волостямъ, волости по деревнямъ, а деревни должны были опредѣлить, что и въ какомъ количествѣ долженъ сѣять каждый хозяинъ. Бѣда отъ новой мѣры была-бы невелика, такъ какъ декретъ, кромѣ увеличенія канцелярской переписки и отдѣльныхъ случаевъ насилія, ничего сдѣлать не могъ. Но законъ былъ осложненъ такъ называемой «бронировкой сѣмянъ». Такъ какъ власть не полагалась на благоразуміе населенія, которое могло съѣсть свои сѣменные запасы, то сѣмена или отбирались у крестьянъ и ссыпались въ общія помѣщенія, или опечатывались въ помѣщеніяхъ хозяевъ, или только переписывались и хозяевамъ подъ страхомъ тяжелаго наказанія запрещалось употреблять ихъ въ пищу. Вслѣдъ за «бронировкой» должно было идти «перераспредѣленіе», въ результатѣ котораго обезпеченность сѣменами всѣхъ крестьянъ должна была быть уравеена. И что тутъ дѣлалось. Общихъ приспособленныхъ помѣшеній для храненія сѣмянъ не было и потому они ссыпались въ погреба бывшихъ винокуренныхъ заводовъ, въ сырыя кладовыя имѣній, въ амбары съ протекающими крышами и со стѣнами, въ которыя легко забивался снѣгъ. Сѣмена сырѣли и гнили. Чтобы избѣжать этой новой кары, населеніе принялось въ свою очередь прятать сѣмена. Оно закапывало ихъ въ солому, въ крыши, землю. Сѣмена портились и здѣсь. Въ результатѣ весенній посѣвъ былъ встрѣченъ съ сильно уменьшеннымъ количествомъ посѣвнаго зерна. Въ Саратовской губ. разгромленной сверхъ «государственнаго регулированія» еще и провольственной разверсткой, засѣвъ, по словамъ агрономовъ, сократился противъ 1916 г. на

40 проц. въ однихъ уѣздахъ (сѣверныхъ) и 60 проц. въ другихъ (южныхъ). *) Для появленія царящаго теперь въ Россіи голода это «регулированіе» тоже поработало не мало.

Обрисованныя условія, въ которыхъ жило земледѣліе, породили свои неизбѣжныя слѣдствія. Сократилась площадь посѣвовъ, упали урожаи, регрессировала прежняя пропорція культуръ, ухудшилось качество промышленно-техническихъ продуктовъ (хлопка, льна, сахарной свекловицы).

Площадь посѣвовъ по оффиціальнымъ подсчетамъ равнялась въ предѣлахъ территоріи совѣтской Россіи конца 1920 года 60.968.000 десятинамъ противъ 81.272.000 дес. въ 1921 году. Сокращеніе здѣсь равно 25 проц. Площадь посѣвовъ для 1920 г. получена не прямымъ подсчетомъ данныхъ переписи этого года, а *вычислена* завѣдующимъ Центральнымъ Статистическимъ Управленіемъ Поповымъ, который въ качествѣ коммуниста зараженъ неисправимой тенденціей прикрашивать совѣтскую дѣйствительность. Сокращеніе посѣвной площади выше. Между 1916 и 1917 годомъ она сократилась на 25 проц. въ періодъ между 1917 и 1920 г., по подсчетамъ для 13 губ. она дала новое пониженіе на 27 проц.. За 4 года сокращеніе, такимъ образомъ, равно 28,9 проц. По неоффиціальнымъ разсчетамъ экономистовъ площадь, засѣянная въ 1920-21 сел.-хоз. году равнялась 65 проц. площади 1916 г. Если къ этому прибавить еще констатированное въ результатѣ переписи 1916 г. сокращеніе на 6-7 проц. за первые три года войны, то мы получимъ весною 1921 г. лишь 60 проц. посѣва 1913-14 года. Революція дала безплодно пустующихъ пахотныхъ земель почти 28,5 милліоновъ десятинъ, а революція вмѣстѣ съ войной — 35 милл. дес. При среднемъ сборѣ зерна съ десятины для 1914 г. (безъ картофеля) въ 46 пуд. недоборъ зерна въ результатѣ войны и революціи равнялся въ 1921 г. 1.610 милліоновъ пудовъ, а въ результатѣ одной революціи 1.310 милл. пуд.

Понизились и урожаи: по данной текущей сел.-хоз. статистики пониженіе противъ 1916 года равно 15 проц., т.е. около 7 пу-

---

*) Въ области нѣмцевъ Поволжья яровымъ хлѣбомъ было засѣяно:

Въ 1920 г.	96.796 д.	100%	Сокращеніе площади
Въ 1921 г.	8.698 д.	8,9%	на 91,1 % за одинъ только годъ.

довъ съ десятины. Недоборъ зерна по этой причинѣ свыше 360 милл. пуд.

Итакъ, потеря народнаго хозяйства отъ пониженной зерновой продукціи равнялась-бы для 1921 г. при нормальномъ урожаѣ 1.670 милл. пуд.. Это итогъ 4-хъ лѣтъ революціи въ области земледѣлія. Онъ почти въ три раза превышаетъ русскій ежегодный экспортъ зерновыхъ продуктовъ, равнявшійся въ послѣднее пятилѣтіе передъ войной 592 милл. пуд..

Регрессивно измѣнилась пропорція культуръ: наиболѣе цѣнныя съ агрономической и народно-хозяйственной точекъ зрѣнія культуры сократились сильнѣе, чѣмъ продовольственные и кормовые хлѣба. По подсчетамъ Центральнаго Статистическаго Управленія сокращеніе для разныхъ культуръ выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ:

для продовольственныхъ хлѣбовъ (рожь, пшеница)	20 %
для кормовыхъ хлѣбовъ (ячмень, овесъ)	27,6%
для картофеля	27,7%
для промышленно-технич. культуръ (ленъ, конопля, хлопокъ, сахар. свекла и т. д.)	46,4%
для кормовыхъ травъ (сѣяныхъ)	78,9%

Сельское хозяйство, какъ и все хозяйство страны, перестраивается на строй натуральныхъ отношеній и потому промысловыя отрасли въ немъ убываютъ скорѣй и сильнѣй, чѣмъ обслуживающія потребительскія нужды хозяина и хозяйства.

Интересно и важно установить въ абсолютныхъ цифрахъ сокращеніе спеціальныхъ культуръ, которыя въ прошломъ давали сырье для русской промышленности и служили важными предметами заграничнаго экспорта. Ихъ посѣвная площадь и сборы равнялись (1):

	Площадь посѣвовъ ежегодно 1910 — 1914 г.г.	Сборъ въ періодъ 1910 — 1914 г.г.	Площадь въ 1920 году	Сборъ въ 1920 году	Сокращеніе сбора
Ленъ	1.033.000 д.	26.000 т.п.	300.000	3.000.000 п.	88,5%
Конопля	548.000 »	19.350 »	240.000	3.000.000 »	84,3%
Хлопокъ	460.000 »	28.214 »	85.000	700.000 »	37,5%
Подсолнечникъ ..	860.000 »	46.000 » [2])	Сокращеніе на 60-75		60-75%
Табакъ на Кубани	?	780 »	?	180.000 »	66,9%
Табакъ махорка въ Цент. Россіи	?	1.700 »	?	250.000 »	85,3%
Сахарн. свекла...	697.000 »	76.360 » [3])	180.000	4.572.000 »	94,0%

1) Данныя для первой и второй графъ взяты изъ сборника статистико-экономическихъ свѣдѣній по сел.-хоз. Министерства

Какъ видимъ, сокращеніе для важнѣйшихъ техническихъ культуръ выражаются отъ двухъ третей до 97,5 проц.. Изъ этого примѣра видно, насколько *смягченно* отражаютъ тяжелую дѣйствительность оффиціальныя данныя совѣтской статистики.

Техническія культуры занимали въ прошломъ небольшую посѣвную площадь: по переписи 1916 г. она равнялась лишь 2.976.000 десятинамъ или 4,2 проц. всей площади посѣвовъ. Ихъ значеніе въ народномъ хозяйствѣ Россіи, однако гораздо выше, чѣмъ показываютъ эти цифры. По подсчетамъ для 1913 г. товарность или денежность зерновыхъ хлѣбовъ, занимавшихъ 95,7 о/о всей посѣвной площади въ 47 губ. Европ. Россіи равнялась 744 милліонамъ рублей, а товарность техническихъ культуръ — 379 милл. руб., т. е. больше, чѣмъ половинѣ денежности зерна. Въ русскомъ экспортѣ сел.-хоз. товаровъ, равнявшемся для 1913 г. — 1.309.517.000 рублей, названныя культуры (въ сырьѣ и продуктахъ изъ нихъ)давали 207.620.000 рублей,т. е. 15,8 о/о. Теперь никакого экспорта перечисленныхъ продуктовъ быть не можетъ: ихъ остро не хватаетъ для Россіи.

Понизились и качество продуктовъ сельскаго хозяйства. Упала сахаристость свеклы, болѣе короткимъ сдѣлалось волокно льна, ухудшилось его первоначальная обработка, укоротилось волокно хлопка, ухудшилось сливочное масло и т. д. По совѣтскимъ свѣдѣніямъ, «льняное волокно высокихъ сортовъ исчезло совершенно», полотно поэтому вырабатывается теперь болѣе толстое и грубое. Посѣвы американскаго хлопка почти исчезли. Сѣется почти исключительно мѣстный сортъ, дающій грубое и короткое волокно.

Таковы четырехлѣтніе итоги революціи въ сельскомъ хозяйствѣ. Какъ видитъ читатель, я не рисовалъ дѣйствительность болѣе мрачной, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, принимая въ началѣ этой главы народный доходъ отъ сельскаго хозяйства для 1920 года въ 40 проц. отъ дохода 1913 года. Всѣ перечисленные итоги, составляющіе «завоеванія» крестьянства въ революціи прекрасно срезюмированы въ новой пѣснѣ, созданной въ Россіи

Земледѣлія за 1914 г., данныя для третьей и четвертой графъ взяты изъ «Экономической Жизни» за 1921 г.

2) Данныя за 1912 и 1914 годъ.

3) Данныя за 1914 годъ.

и краснорѣчиво названной «слезной». Въ ней отъ имени крестьянина между прочимъ говорится:

«Съѣлъ я сивку. Хлѣбъ съ корою.
Сошникомъ могилу рою».

Это необычное для крестьянина употребленіе лошади-друга (на мясо); этотъ неестественный составъ хлѣба (съ древесной корой), это страшное оскудѣніе крестьянскаго хозяйства инвентаремъ (могила роется сошникомъ, такъ какъ лопаты нѣтъ), все это говоритъ о неизбѣжномъ результатѣ экономической политики «рабоче-крестьянской власти» Россіи — о голодѣ. Объ этомъ послѣднемъ страшномъ итогѣ внутренне-непобѣжденный и духовно живой народъ въ той-же пѣснѣ отзывается въ слѣдующихъ язвительныхъ словахъ:

«На погибель всему свѣту
Голодаемъ по декрету».

Какъ ни было раззорено сельское хозяйство, оно къ концу 1920 г. было раззорено менѣе другихъ отраслей народнаго хозяйства. Поэтому его относительное значеніе въ народномъ трудѣ и доходѣ повысилось: вмѣстѣ съ рыболовствомъ и лѣсоводствомъ оно съ 49,7 проц. въ 1913 г. поднялось до 79 проц. въ 1920 году.

Наше сельское хозяйство было *крестьянскимъ* и прежде. Въ 1913 г. на долю крупнаго землевладѣнія приходилось только 10,9 проц. народнаго дохода отъ сельскаго хозяйства, остальные 89,1 проц. вырабатывались крестьянами. Въ 1920 г. сельское хозяйство было «окрестьянено» еще полнѣе: по 32 губ. крестьянамъ принадлежало 97,3 проц. земли и только 2, 7 проц. приходилось на долю совѣтскихъ хозяйствъ, промышленныхъ учрежденій и т. д. Современный народный доходъ отъ сельскаго хозяйства почти цѣликомъ крестьянскій. А это значитъ, что современное народно-хозяйственное значеніе крестьянства выражается той-же цифрой въ 79 проц. отъ результатовъ труда всего населенія. «Стихійная мощь» крестьянства выросла съ этой новой народо-хозяйственной точки зрѣнія. Крестьянство — восходящая сила Россіи и потому по словамъ Герцена «ей все на пользу». Какъ ни тяжело, какъ ни ужасно его положеніе въ современной совѣтской Россіи, фигура крестьянина въ общественной жизни растетъ. Исторія явно гонитъ свои волны въ его сторону.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГОСУДАРСТВО.

Государство и народно-хозяйственная жизнь. Роль государства: Предыдущія главы были посвящены бѣглому очерку потерь Россіи за послѣдніе 4 года. Потери огромны. Перенесенныя потрясенія страшны. Ни одна война, ни моръ, ни гладъ, переживаемыя современнымъ народомъ въ нармальныхъ общественеыхъ условіяхъ, не могли дать такихъ потрясающихъ результатовъ. Послѣдніе четыре года въ жизни Россіи были сплошной Голгофой. Великую страну распинали не уставая, не жалѣя и не колеблясь. Распинали съ яснымъ сознаніемъ послѣдствій, ибо даже продажно-казенныя перья не могли скрыть ихъ и оффиціальная пресса изо дня въ день въ разныхъ областяхъ жизни подводила страшные итоги содѣянному. Великихъ словъ примиренья и прощенія «не вѣдаютъ бо, что творятъ» тутъ сказать нельзя: прекрасно вѣдали.

Чѣмъ-же объясняются эти утраты? Какія силы породили ихъ? Дается стереотипный отвѣтъ — великая бѣда Россіи вызвана большевиками съ ихъ экономической политикой. Но какъ-же могла великая страна допустить, чтобы ничтожная кучка людей изо дня въ день, на протяженіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, превращала ее въ кладбище? Какъ могъ сто тридцати милліонный народъ сдѣлаться мирнымъ кроликомъ или безобидной морской свинкой, на живомъ тѣлѣ которыхъ безнаказанно продѣлываются кровавые эксперименты? Почему страна молчитъ, а народъ терпитъ и мретъ? А если они не молчатъ и не терпятъ, если они сопротивляются, то почему-же разгромъ продолжается? Почему палачи на прежнихъ мѣстахъ и за прежнимъ занятіемъ?

Три основныя перемѣны, происходящія среди населенія и констатированныя въ первой главѣ (вымираніе, географическія передвижки и новое размѣщеніе между деревней и городомъ),

являются функціей сокращенія продовольственныхъ рессурсовъ въ странѣ и грубо нарушеннаго распредѣленія ихъ. Что же лежитъ въ основѣ этихъ причинъ? Чьей функціей являются они сами? Безпристрастный изслѣдователь не колеблясь можетъ назвать только одну безспорную причину — силу: политику государственной власти.

Да, это оно государство съ его современнымъ великимъ могуществомъ въ общественной жизни дало возможность небольшой человѣческой кучкѣ въ теченіи годовъ безнаказанно диктовать свою волю десяткамъ милліоновъ взрослыхъ людей, воплощая въ жизнь свои желанія. Это оно, государство, съ его до поры до времени несокрушимой силой позволило дѣлать дѣло, остро расходящееся съ желаніями и взглядами почти всей огромной страны. Это оно позволило 600.000 безумцамъ и нетодяямъ, ненавидимымъ 65 милліонами взрослыхъ, держать послѣднихъ въ своихъ рукахъ и управлять ими, держать, несмотря на то, что на одного управляющаго приходилось почти 110 человѣкъ управляемыхъ—смертельныхъ враговъ. Это оно, государство, заставляло и заставляетъ 65 милліоновъ взрослыхъ покорно болѣть, драться на фронтахъ, видѣть, какъ рушится хозяйство и надвигается голодъ, какъ умираютъ близкіе, дѣти, умирать отъ голода и болѣзней самому, сносить ежедневныя безпощадныя издѣвательства надъ собственной личностью.

Передъ нами нагляднѣйшая демонстрація великой роли и великой силы государства въ общественной жизни — роли и силы, увеличенныхъ, съ одной стороны, огромными размѣрами страны, низкой культурой населенія, его непривычкой къ организованнымъ дѣйствіямъ и неразвитой способностью предвидѣть неблизкія слѣдствія близкихъ явленій, а съ другой, — хорошей организованностью и крѣпкой, почти желѣзной спаянностью группы, стоящей у руля государственнаго корабля. Такъ самодержавіе, окончательно изжившее себя уже во время событій 1905-1906 г.г., держалось цѣлое десятилѣтіе и продержалось-бы безконечно дольше, будь оно дальновиднѣй, умнѣе и гибче, не разложись оно внутри ближайшаго къ нему круга лицъ...

Поднявшись къ власти на рукахъ населенія, пробравшіеся заковали потомъ поднявшія ихъ руки. Безчисленныя и разлившіяся широко, какъ море, крестьянскія возстанія безпрерывно подавлялись. Подавлено было Кронштадтское возстаніе, несмотря на вы-

годное островное положенiе возставшихъ и на могучую артиллерiю, имѣвшуюся въ ихъ рукахъ. Задавлено было въ 1921 г. широкое февральское движенiе рабочихъ. Въ 1919 г. не хотѣли драться солдаты. Горы труповъ были навалены въ Старомъ Осколѣ, подъ Петроградомъ, подъ Курскомъ; черезъ десятаго и пятаго были разстрѣляны цѣлые полки, даже дивизiи и... солдаты снова пошли. Не могли не пойти: смерть только *возможная* страшнѣе *неизбѣжной*.

Primus in orbe Deus fecit timor. Страхъ населенiя подавляетъ его ненависть и гнѣвъ. Власть это знаетъ и она, какъ увидимъ дальше, сдѣлала все, чтобы вызвать страхъ наивысшаго напряженiя. По признанiю друзей и враговъ современной власти, по признанiю ея самой, наилучшую работу даютъ ея террористическiе органы — «чрезвычайки» всѣхъ ранговъ и именъ. Больше того: это единственные органы, которые даютъ «хорошую» (по напряженности и успѣшности) работу.

Повторяю, передъ нами великiй примѣръ великаго могущества государства и лицъ, стоящихъ у его руля, у его пушекъ, пулеметовъ, денежныхъ средствъ, телеграфныхъ проводовъ, радiостанцiй, желѣзныхъ дорогъ и у... продовольственнаго пайка. Но одновременно передъ нами и великiй примѣръ великаго безсилiя государства. Всей его мощи, всѣхъ богатыхъ техническихъ и нематерiальныхъ рессурсовъ оказалась недостаточно, чтобы даже не усилить народное хозяйство, а только недопустить распадъ и остановить послѣднiй, когда онъ начался. Въ своей экономической политикѣ власть разошлась съ пониманiемъ, психологiей и интересами населенiя и, сильная, чтобы *проводить* свою политику, она оказалась безсильной добиться желаемыхъ результатовъ. Власть сумѣла создать сносную армiю, сильный террористическiй аппаратъ для гражданскаго управленiя и она надѣялась, что тѣми-же методами, которыми она дѣйствовала тамъ, она создастъ и сильное народное хозяйство. Расчетъ кончился полнымъ крахомъ: авторитарные методы, вполнѣ умѣстные для внѣшней и внутренней защиты, оказались совершенно непригодными для мирной, по преимуществу созидательной, народно-хозяйственной жизни. Хозяйство страны катастрофически покатилось внизъ. Мы уже видѣли этотъ бурный бѣгъ съ вершинъ въ бездну. Государственный аппаратъ принужденiя оказался дѣтски безпомощнымъ, чтобы заставить дымиться и работать фабрики, двигаться поѣзда

и пароходы, успѣшно копать руду, сѣять хлѣбъ, разводить животныхъ и т. д.

Провѣримъ теперь правильность сдѣланнаго утвержденія о политикѣ государства, какъ основной причинѣ народо-хозяйственнаго краха въ Россіи. Посмотримъ, какъ эта политика воздѣйствовала на народное хозяйство и государственную жизнь, что за укладъ сложился въ послѣдней, что за измѣненія претерпѣлъ государственный организмъ. Поставимъ затѣмъ вопросъ — можетъ-ли болѣзненно переродившееся за послѣдніе годы государство успѣшно «сыграть назадъ», сдѣлавшись снова не только не препятствующимъ хозяйственному развитію, но содѣйствующимъ ему. Другими словами — можетъ-ли современная государственная власть Россіи получить недававшійся ей ранѣе подъемъ народнаго хозяйства при помощи ея крикливо-рекламнаго «новаго курса» въ своей экономической политикѣ. Таковы дальнѣйшія задачи этой главы. Выполняя ихъ, начнемъ съ возстановленія общихъ линій государственной экономической программы, методовъ ея поведенія и фактическаго хода экономической жизни.

Экономическая программа власти и методы ея проведенія. Основной задачей большевиковъ въ области народнаго хозяйства было уничтоженіе эксплоатаціи пролетаріата буржуазіей. Каждый долженъ былъ получать полный продуктъ своего труда. Это равенство въ распредѣленіи требовало ликвидаціи капиталистической собственности, опираясь на которую буржуазія угнетала пролетаріатъ. Отсюда вторая задача — уничтоженіе частной собственности на средства производства въ промышленности и транспортѣ и переводъ ея въ общенародную. Такъ какъ единственнымъ органомъ всего народа является государство, то средства производства должны были поступить въ распоряженіе его органовъ, т. е. стать государственными или націонализованными. Той-же націонализаціи подлежали банки, торговля и страховое дѣло, во-первыхъ, какъ находящіеся въ рукахъ буржуазіи и эксплоатирующіе пролетаріатъ, во-вторыхъ, какъ ненужные въ новыхъ экономическихъ условіяхъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій анархическая экономическая система, покоящаяся на частной собственности на средства производства, на конкуренціи и на стихійномъ вліяніи рыночныхъ конъюнктуръ должна была смѣниться единымъ, плано-

вымъ хозяйствомъ, сознательно регулируемымъ государственной властью въ интересахъ прежнихъ «пасынковъ жизни» — пролетаріата въ первую очередь.

Таковы были задачи экономической политики. Остановимся теперь на наиболѣе характерныхъ *методахъ* ихъ осуществленія. Часть изъ методовъ была заранѣе данной, предрѣшенной при самомъ построеніи экономической программы. Съ ними большевики пришли къ власти. Другая часть сложилась въ силу той обстановки, которую они получили послѣ своего воцаренія.

Заранѣе данной была *революціонность* въ проведеніи программы. Новый строй общественно-экономическихъ отношеній съ соотвѣтствующими публично-правовыми учрежденіями долженъ былъ сложиться не въ результатѣ медленнаго вростанія въ жизнь и постепеннаго (при содѣйствіи государства) вытѣсненія прежнихъ исторически сложившихся отношеній и институтовъ. Нѣтъ, онъ долженъ былъ появиться въ результатѣ революціонно дерзкой ломки прежняго и революціонно быстрой стройки новаго. Могучая рука государства должна была повернуть жизнь круто въ сторону на полномъ бѣгу — повернуть въ годъ, если можно въ мѣсяцъ, въ недѣлю: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Второй чертой, также заранѣе данной и тѣсно связанной съ первой, въ тактикѣ власти было *насиліе*, ни передъ чѣмъ не останавливающееся, ничѣмъ не сдерживаемое. «Все дозволено» — это было лозунгомъ взятаго курса. Права человѣка, гражданина, честь, вѣрность данному обязательству, совѣсть — все это было ветошью, подлежащей уничтоженію. Государственная власть имѣетъ всѣ мыслимыя права и никакихъ обязательствъ, кромѣ одного — провести свои задачи въ жизнь. Она ни передъ чѣмъ не останавливается и смѣло шагаетъ черезъ всѣ общественныя нормы, выработанныя предшествующей нравственно-общественной и культурно-политической эволюцiей человѣчества. Оправданіе этому неограниченному насилію было получено изъ прямолинейной классовой концепціи общества: господиномъ въ жизнь вошелъ новый классъ и онъ несетъ новую мораль, новыя понятія, нормы, вообще новыя духовныя цѣнности; цѣнности прежнія отжили, ибо ихъ создалъ другой, враждебный классъ; признанныя и привычныя нормы и сдержки не только не обязательны, онѣ вредны. Таково было соціологическое оправданіе насилія. Было оправданіе и политическое. Его дала безстрашно и послѣ-

довательно додуманная до конца примитивная теорія классовой борьбы. Новый классъ, съ борьбой пришедшій къ власти, встрѣтитъ и въ будущемъ отчаянную борьбу класса уходящаго; чтобы удержаться у власти, новый владыка жизни долженъ обладать неограниченной суммой средствъ для своей защиты. Руки у него должны быть развязанными. Всѣ гарантіи должны быть отмѣнены и всѣ нормы отвергнуты. Должна быть введена неограниченная диктатура новаго класса. Диктатура и была объявлена — диктатура пролетаріата. Свое наиболѣе отчетливое декларативное выраженіе она получила въ тѣхъ статьяхъ совѣтской конституціи, которыми буржуазія совершенно лишалась избирательныхъ правъ, а избирательныя права крестьянъ были уменьшены въ 5 разъ по сравненію съ пролетаріатомъ.

Третья предрѣшенная черта — это новый типъ государственныхъ учрежденій. Имъ явились періодически переизбираемые совѣты депутатовъ отъ рабочихъ, солдатъ и крестьянъ. По туманной и гибкой формулѣ совѣтской конституціи они выбирались «способомъ наиболѣе соотвѣтствующимъ мѣстнымъ условіямъ». Выборы многостепенны. Депутаты отзываемы до истеченія срока полномочій. Депутатская неприкосновенность неустановлена. Всѣ эти особенности совѣтовъ характерны для новаго государственнаго строя; онѣ предоставляли государственной власти возможность самой широкой фильтраціи депутатовъ и самыхъ озорныхъ палочныхъ выборовъ. Возможность эта была цѣликомъ использована и используется.

Совѣты стали единственнымъ типомъ государственнаго учрежденія. Совѣтомъ въ селѣ или городѣ, какъ первоначальной административной ячейкой, начинается государственная власть и Всероссійскимъ съѣздомъ совѣтовъ, какъ высшей законодательной инстанціей государства, она заканчивается. Всѣ остальные органы управленія являются только рабочимъ аппаратомъ, руководимымъ въ своей ежедневной работѣ выборно-исполнительнымъ органомъ совѣтовъ — исполнительнымъ комитетомъ. Мѣстные совѣты, такимъ образомъ, являются одновременно и органами центральной государственной власти и органами мѣстнаго самоуправленія. Два типа функцій разныхъ по своей природѣ и потому требующихъ различныхъ органовъ, слиты въ однихъ учрежденіяхъ. Отсюда вытекли большой важности слѣдствія въ

государственной жизни Совѣтской Россіи. Дальше мы ихъ увидимъ.

Совѣты явились единственными мѣстными органами власти не только потому, а, можетъ быть, и вовсе не потому, что центральная власть ихъ только и *хотѣла;* другихъ она *не могла и создать.* Тутъ мы переходимъ къ второй группѣ методовъ, которыми дѣйствовала власть, осуществляя свои задачи. Они, какъ сказано выше, были результатомъ общественной обстановки, сложившейся въ Россіи послѣ воцаренія большевиковъ. Обстановка характеризуется почти полной политической изоляціей большевиковъ и — на первыхъ порахъ — полнымъ отсутствіемъ у нихъ рабочаго аппарата.

Рядъ обстоятельствъ обусловилъ это пустое пространство вокругъ новыхъ политическихъ хозяевъ Россіи. Большевики захватили власть, во-первыхъ,накануне созыва Учредительнаго Собранія, во-вторыхъ, подъ лозунгомъ, зачаровавшимъ солдатскія сердца, немедленнаго прекращенія войны, въ третьихъ, съ анархическимъ призывомъ къ самочинному, никакими нормами неурегулированному захвату земель нетрудового владѣнія, въ четвертыхъ, съ яснымъ, обрисованнымъ выше, образомъ дѣйствій, какъ въ области народо-хозяйственныхъ задачъ, такъ и въ методахъ его проведенія. Все это, вмѣстѣ взятое создало рѣзко отрицательное отношеніе къ нимъ со стороны почти всей интеллигентной Россіи. Интеллигенція уже тогда пророчески предвидѣла многочисленныя и тяжелыя общественныя послѣдствія отъ прихода новой власти. Не считая лѣвыхъ соціалистовъ революціонеровъ, большевикамъ оказались враждебными *всѣ* политическія партіи и вся масса политически пассивной интеллигенціи.

Особенную стойкость сопротивленія, въ первые мѣсяцы совѣтской власти проявилъ обычно самый пассивный слой интеллигенціи — чиновничество. Оно забастовало, отказываясь имѣть какое-бы то ни было общеніе съ большевиками во всѣхъ центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Интеллигентная провинція послѣдовала за столицей. Новая власть сразу-же оказалась, поэтому, не только политически-одинокой, но и технически-безпомощной. Въ ея распоряженіи не было даже достаточнаго количества интеллигентныхъ лицъ, способныхъ взять ея представительство въ губерніяхъ. Наконецъ, даже не всѣ провинціальные совѣты были на ея сторонѣ. О планомѣрномъ, упорядочен-

номъ и мирномъ переходѣ власти къ большевикамъ на территоріи всей страны, очевидно, не могло быть и рѣчи. Силой захвативъ власть въ центрѣ, большевики силой должны были распространять ее и въ провинціи. Но и для этой борьбы у центра средствъ не было. Къ активности и дѣйствію надо было призвать мѣста съ ихъ сочувствующими большевикамъ силами. А силы на мѣстахъ были: солдаты тыловыхъ гарнизоновъ, рабочіе, отчасти, крестьянство. Начавшаяся стихійная демобилизація фронтовыхъ солдатъ увеличила мѣстныя силы. Волна политическаго сочувствія большевикамъ росла и мѣста въ концѣ концовъ получили возможность самостоятельно, безъ содѣйствія центра, взять власть въ свои руки. Они и взяли ее. И не только взяли: безъ поддержки центра и даже безъ достаточной связи съ нимъ они долго держали ее. При помощи контрибуцій съ буржуазіи они получили свои собственныя денежныя средства, при помощи рабочихъ они создали даже мѣстную военную силу (красная гвардія). Къ тому времени, когда центральная власть окрѣпла и хоть нѣсколько оборудовалась рабочимъ аппаратомъ, мѣстная власть была устойчива и сильна. И она, конечно, не только не обнаруживала желанія ограничить себя въ правахъ въ пользу власти центральной, но, наоборотъ, она энергично сопротивлялась попыткамъ центра перейти изъ номинальной въ фактическую. Гордый лозунгъ «власть на мѣстахъ» былъ выдвинутъ именно тогда и мѣста его отстояли. Мѣста отстаиваютъ его и по-сейчасъ. Безъ серьезной и длительной борьбы они отъ него не откажутся; добровольно отъ власти не уходятъ.

«Власть на мѣстахъ». Стойкая, сильная, исторически сложившаяся власть на мѣстахъ таковъ первый результатъ общественной обстановки, которую большевики создали своимъ захватомъ центральной власти. Она сдѣлалась впослѣдствіи неизбѣжнымъ условіемъ и методомъ ихъ государственной дѣятельности. Вторымъ результатомъ общественной обстановки было введеніе въ государственную жизнь *произвола*, какъ постояннаго и нормальнаго явленія.

Власть, сразу оставшаяся безъ интеллигенціи и безъ сложившагося дѣлового аппарата чиновниковъ, не имѣла сотрудниковъ, которымъ была-бы по силамъ сложная, длительная и отвѣтственная работа по замѣнѣ прежняго кодекса законовъ новымъ. Рабочій аппаратъ, наспѣхъ и дурно сбитый, впослѣдствіи былъ ею

пріобрѣтенъ, но *своей, внутренне* пріемлющей октябрьскую революцію со всѣми ея «завоеваніями», интеллигенціи власть лишена и до сихъ поръ. *) Создавалась интеллектуальная безпомощность новой власти въ области выработки новаго права.

Безъ писанныхъ нормъ права обойтись было нельзя и потому законы писались и публиковались. Но писались они невѣжественными людьми, писались отъ случая къ случаю и лишь въ связи съ отдѣльными важными или острыми явленіями жизни. Ни редакціонной, ни кодификаціонной работы надъ ними не дѣлалось. Заинтересованныя вѣдомства сами вырабатывали необходимый имъ законопроектъ и вносили его прямо въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Послѣдній ставилъ свой бланкъ. Ставилъ часто такъ неудачно, что въ оффиціальномъ органѣ («Извѣстія Всерос. Исполн. Комитета Совѣтовъ») безпрерывно появлялись исправленія опубликованныхъ декретовъ. Были случаи, когда опубликованный законъ объявлялся опубликованнымъ «ошибочно». Мнѣ извѣстенъ рядъ случаевъ, когда между началомъ работы по выработкѣ законопроекта и его превращеніемъ въ принятый декретъ проходило лишь *три-пять* часовъ. Подробно знаю случай, когда одинъ законопроектъ былъ выработанъ въ *два* часа. **)

Къ публикуемымъ декретамъ у самой законодательствующей

---

*) Характерный фактъ — «честные» факторы отъ Комиссаріата Юстиціи въ теченіи 1921 г. 4 раза обращались къ представителямъ Московской общественной адвокатуры съ призывомъ придти на помощь Комиссаріату Юстиціи въ его работѣ. Представители адвокатуры собирались на совѣщанія, обсуждали предложеніе и всѣ четыре раза *единогласно* высказались противъ сотрудничества. «Привлечете силой — придется идти, поскольку же взываете къ нашей доброй волѣ — на совмѣстную работу не идемъ», примѣрно таковъ былъ отвѣтъ.

**) Эти случаи связаны съ борьбой вѣдомствъ... На засѣданіяхъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ обязательно присутствуютъ представители вѣдомства, вносящаго проэктъ закона, или вѣдомствъ, интересы которыхъ онъ затрагиваетъ. Безъ послѣднихъ проэктъ не обсуждается. Вѣдомство, заинтересованное въ проведеніи какого либо декрета, встрѣчающаго (это извѣстно по предварительнымъ, частнымъ переговорамъ) рѣшительныя возраженія со стороны другого вѣдомства и потому считающее невозможнымъ провести его, вдругъ узнаетъ, что отъ враждебнаго вѣдомства на данномъ засѣданіи «Совнаркома» будетъ не обычный представитель, а новый и легковѣсный — «шляпа» по совѣтскому выраженію. Тогда «ловятъ моментъ» и въ заинтересованномъ учрежденіи законопроэктъ заготовляется за нѣсколько часовъ, остающихся до засѣданія «Совнаркома».

власти установилось изумительно-легкомысленное отношеніе. Создается впечатлѣніе, что она сама не придаетъ имъ никакой цѣны. Приведу одинъ примѣръ, связанный съ отвѣтственнѣйшимъ мѣропріятіемъ власти, съ поворотнымъ пунктомъ въ ея экономической политикѣ.

Принципіально была рѣшена и уже декларирована замѣна продовольственной разверстки продовольственнымъ налогомъ. Надо было установить общій размѣръ зернового налога. Спроэктировать его поручили Комиссаріату земледѣлія. Послѣдній предложилъ продѣлать необходимую работу А. В. Чаянову, который въ Комиссаріатѣ «свой человѣкъ». Чаяновъ, уклонившись отъ работы самъ, выдвинулъ кандидатуру Н. Д. Кондратьева. Комиссаріатъ кандидатуру принялъ. Въ результатѣ длительныхъ расчетовъ, Кондратьевъ пришелъ къ выводу, что зерновой налогъ съ крестьянства *всей* Россіи, не раззоряя сельскаго хозяйства дальше, можетъ дать maximum 280 милліоновъ пудовъ.

Самъ Кондратьевъ почему-то своихъ расчетовъ доставить въ Комиссаріатъ не могъ, ихъ увезъ Чаяновъ, спеціально пріѣхавшій за ними. «Кремль», которому хотѣлось какъ можно скорѣе дать свидѣтельство въ серьезности своего «новаго курса», усиленно торопилъ съ работой. Расчеты Кондратьева были поэтому немедленно переданы Чаяновымъ комиссару Земледѣлія Осинскому, а тотъ, не пуская ихъ въ провѣрку, не ознакомившись съ ними даже самъ, въ тотъ-же день поѣхалъ съ ними въ Кремль. Вечеромъ того-же дня Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, *считая, что конечный итогъ Кондратьева (280 милл. пудовъ) относится къ территоріи, подвластной ему, къ Россіи безъ Украины*, принялъ декретъ, которымъ общій размѣръ зернового налога съ Россіи безъ Украины устанавливался въ 240 милл. пудовъ. Между тѣмъ, по подсчетамъ Кондратьева, сельское хозяйство этого района ни въ коемъ случаѣ не могло дать больше 200 милл. пудовъ зерна. На слѣдующій день декретъ былъ уже опубликованъ... Недурно? Далеко неповоротливымъ «буржуазнымъ» государствамъ до этой подвижной «коммунистической» Россіи!

Опубликованные декреты, какъ сказано выше, касались только важныхъ или острыхъ сторонъ жизни. Обширнѣйшая областъ гражданскаго и уголовнаго права ими почти не затронута. Тутъ власть, оправдывая свое интеллектуальное безсиліе, стала въ позу принципіальнаго отрицанія писаныхъ нормъ и творчество но-

ваго права она предоставляла «революціонному сознанію пролетаріата».

Не разработаны законодательствомъ и нормы, опредѣляющія компетенцію мѣстныхъ совѣтовъ, ихъ права, обязанности и ихъ взаимоотношенія съ центральной государственной властью. Все предоставлено случаю, да складывающемуся соотношенію силъ, да пониманію мѣстныхъ дѣятелей.

Нѣтъ законовъ, которые-бы опредѣленно очерчивали кругъ и методы работы центральныхъ учрежденій, ихъ внутреннее строеніе, штаты. Въ результатѣ учрежденія пользуются почти полной свободой отъ вмѣшательства закона при опредѣленіи ихъ компетенцій, правъ, обязанностей, штатовъ ихъ работниковъ. Они «самоопредѣляются».

Эмбріональное состояніе совѣтскаго законодательства особенно тяжело легло на жизнь населенія. Послѣднее не знаетъ дозволеннаго и недозволеннаго, ему не извѣстны его права, обязанности и способы защиты. Въ результатѣ правовая неопредѣленность, безпомощность и полная беззащитность.

Крайнія, безъ преувеличенія, чудовищныя формы произволъ принялъ въ дѣятельности «чрезвычаекъ» (чрезвычайныя комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и саботажемъ), имѣющихъ неограниченную свободу въ обыскахъ, реквизиціяхъ, арестахъ и выборѣ мѣръ наказанія. Безчисленные аресты *) «чрезвычайками» обычно кончаются однимъ изъ двухъ — или освобожденіемъ послѣ недѣль, мѣсяцевъ, иногда годовъ жизни въ тюрьмѣ или подвалѣ, или разстрѣломъ. Средины почти нѣтъ — лишь ничтожное количество дѣлъ передается въ народные суды и трибуналы.

Если въ этомъ легализованномъ произволѣ, царящемъ на пространствѣ одной шестой земного шара почти во всѣхъ областяхъ жизни, во всѣхъ учрежденіяхъ и въ дѣятельности всѣхъ лицъ, вооруженныхъ властью, проявляется свойство, — противорѣчащее идеѣ государства и роднящее строй русской жизни съ анархической безгосударственностью, то въ послѣднемъ методѣ, къ которому я перехожу и которымъ дѣйствовала власть, на лицо черта подлиннаго разбойничества. Пусть читатель судитъ самъ.

---

*) «Кто теперь не сидѣлъ», говорятъ въ городахъ Россіи, «всѣ побывали въ подвалахъ».

Политически одинокая власть, возникшая въ атмосферѣ острой ненависти, звавшая къ «священной» гражданской войнѣ и съ полнымъ основаніемъ ожидавшая отчаянное сопротивленіе нуждалась, какъ въ своемъ максимальномъ укрѣпленіи, такъ и въ максимальномъ ослабленіи слоя, въ которомъ она видѣла своего органическаго и остраго врага. Укрѣпленіе могло прійти только со стороны низовыхъ, наиболѣе темныхъ, общественно не развитыхъ и матеріально угнетенныхъ слоевъ населенія. На нихъ власть и поставила ставку. Своего врага власть видѣла въ зажиточномъ слоѣ, въ «буржуазіи». Противъ него она и направила ударъ. «Грабь награбленное» — таковъ былъ новый по формѣ и весьма старый по содержанію извѣстный Россіи еще съ конца 17 вѣка — со временъ Емельяна Пугачева, лозунгъ, съ которымъ власть обратилась къ населенію.

Ожидавшійся двойной результатъ, дѣйствительно получился: были привлечены симпатіи низовыхъ слоевъ, матеріально была ослаблена «буржуазія». Первый результатъ былъ, правда, временнымъ, ибо возбуждая и усиливая въ темныхъ слояхъ населенія общественно нездоровыя настроенія и дѣйствія, власть создавала въ будущемъ крупныя затрудненія по управленію государствомъ и для себя самой. Кромѣ того, симпатіи, *такъ* пріобрѣтенныя, были временными: они могли держаться лишь до той поры, пока существовалъ объектъ грабежа и пока на предметныхъ урокахъ жизни грабившіе не почувствовали отрицательныхъ для себя самихъ послѣдствій своихъ дѣйствій. Тогда симпатіи неизбѣжно должны были превратиться въ противоположныя чувства. Я не знаю, сознавала-ли власть эти послѣдствія вѣтра, который она сѣяла, задумывалась-ли она надъ предостерегающими призывами Тютчева: «о, бурь уснувшихъ не буди, подъ ними хаосъ шевелится», но иного выхода изъ положенія у нея не было. Ленинъ *долженъ* былъ сдѣлаться Пугачевымъ. Онъ имъ и сдѣлался.

Своимъ лозунгомъ и отражающимся въ немъ пріемомъ государственнаго управленія власть осталась довольна. Она не разъ прибѣгала къ нему и впослѣдствіи. Используетъ она его и *до сихъ поръ*. Факты? Они въ изобиліи.

Въ 1919 г. были созданы «комбѣды» (комитеты бѣдноты) въ сельскихъ мѣстностяхъ совѣтской Россіи; фактически они замѣнили сельскіе и волостные совѣты, сосредоточивъ власть въ своихъ рукахъ. А ихъ задачей было выполненіе того-же призыва

«грабить награбленное» у сравнительно зажиточнаго крестьянства. Тяжелыя экономическія послѣдствія этой мѣры заставили власть въ 1920 г. ликвидировать ее. Ликвидація не коснулась, однако, Украины: тамъ подъ именемъ «комитетовъ незаможнихъ селянъ» они существуютъ и *теперъ,* несмотря на «новый курсъ» экономической политики. Объектъ ихъ вниманія—«куркули», *) исчисляющіеся въ составѣ украинскаго населенія въ 4 милліона человѣкъ. «Комнезаможники» отбираютъ у «куркулей» «излишнихъ» воловъ, лошадей, коровъ, овецъ, «излишніе» плуги, бороны, сѣялки, домашнюю обстановку, бѣлье, посуду и т. д. Все оставляется владѣльцу по одному, въ лучшемъ случаѣ, по два экземпляра. Сотни тысячъ хорошо поставленныхъ крестьянскихъ хозяйствъ отданы на «потокъ и разграбленіе»... Въ 1921 г. совѣтскими войсками былъ занятъ Азербейджанъ. Комитеты бѣдноты были созданы и тамъ... Тотъ-же лозунгъ былъ данъ и реализованъ въ концѣ 1920 г. въ Харьковѣ, въ 1921 г. въ Екатеринодарѣ и Баку. Улица вмѣстѣ съ агентами власти вторгались въ сколько-нибудь зажиточные дома и тащили оттуда все, что нравилось и попадалось подъ руку. По остроумному выраженію предсѣдателя коммунистическаго интернаціонала — Зиновьева, эти дни дикаго имущественнаго грабежа, сопровождавшагося насиліями надъ личностью владѣльцевъ, назывались «днями октябрьской революціи». Въ Житомирѣ въ 1921 г. власть организовала изъ городской бѣдноты «комитеты безхозяйственныхъ» и передала имъ всю власть надъ частными зданіями съ ихъ обстановкой, посудой, бѣльемъ, книгами и т. д. во всемъ городѣ. Всюду, гдѣ власть чувствовала себя еще слабой, а своего врага еще сильнымъ, она повторяла и повторяетъ свой разбойническій крикъ: «Сарынь на кичку. Грабь награбленное». Развѣ возможно иное опредѣленіе этого пріема государственной власти въ ея внутренней политикѣ, чѣмъ тотъ, который я ему далъ? Развѣ здѣсь не подлинное разбойничество?

Съ такой программой и съ такими методами ея реализаціи дѣйствовала государственная власть въ Россіи въ четыре послѣдніе года. Для полноты этого очерка, скажу еще нѣсколько словъ о человѣческомъ матеріалѣ, съ которымъ власть начала и вела

---

*) «Куркулемъ» на Украинѣ называется зажиточный крестьянинъ, пользующійся постояннымъ наемнымъ трудомъ.

свою преобразовательную дѣятельность. Подробная и, поскольку это въ моихъ средствахъ, обоснованная характеристика коммунистической партіи, явившейся подлиннымъ носителемъ государственной власти, мною будетъ дана во второй части книги. Теперь пока бездоказательно, скажу лишь, что этотъ матеріалъ характеризуется одновременно и низкими и высокими качествами.

Въ качествѣ власти, Россія получила группу, обладающую узкимъ кругозоромъ, невѣжественную, грубую, совершенно аморальную, но зато волевую, въ избранномъ направленіи смѣлую, самоувѣренную, спаянную прочной, почти желѣзной дисциплиной, съ признанными вождями во главѣ. Отрицательныя качества тутъ усиливали положительныя. Такая группа могла много сдѣлать. Много она и сдѣлала. Результаты мы видѣли въ первыхъ двухъ главахъ. Посмотримъ теперь на путь, которымъ къ нимъ пришли и не прійти не могли.

Общій ходъ народно-хозяйственнаго распада. Націонализація фабрично-заводской промышленности, проводимая вышеуказанными методами, означала устраненіе отъ руководства предпріятіями ихъ прежнихъ хозяевъ. Въ такомъ послѣдствіи не только большевики, но и значительная часть прежнихъ соціалистовъ прежней Россіи никакой бѣды не видѣли. Наоборотъ, видѣли общественное благо; изъ своихъ «гнѣздъ» удаляются «пауки» и только. Развѣ это не благо, не одно оно? Оказалось, нѣтъ, ибо уходила не только буржуазія, въ лицѣ ея изъ экономической жизни страны уходили общественно цѣннѣйшіе виды энергіи—энергія инициаторовъ и энергія организаторовъ. Въ современной Россіи лишь немногіе изъ думающихъ людей не понимаютъ всей важности этого явленія.

Этотъ отливъ унесъ, конечно, не всю инициативно-организаціонную энергію страны, но онъ унесъ ея не мало. На промышленной жизни отливъ не могъ не отразиться тяжелыми отрицательными слѣдствіями... Они увеличивались во много разъ, когда вслѣдъ за «отставкой» владѣльцевъ, начался отливъ тѣхъ-же видовъ энергіи въ лицѣ высшаго административнаго и техническаго персонала, служившаго въ предпріятіяхъ по найму. Его уходъ съ постовъ начался почти непосредственно за вынужденнымъ уходомъ владѣльцевъ. Предпріятія попали въ руки выборныхъ фабрично-заводскихъ комитетовъ, состоящихъ почти сплошь изъ ра-

бочихъ. Немедленно началось паденіе дисциплины, производительности труда, неисполненіе внутреннихъ правилъ предпріятій, разворовываніе имущества. Руководящая власть прежняго административнаго и техническаго аппарата фабрично-заводскихъ предпріятій уменьшалась съ каждымъ днемъ. Участники аппарата начали уходить отъ дѣла: уходили изъ-за нарушеннаго и законнаго чувства своихъ правъ, изъ-за нежеланія видѣть развалъ и, оставаясь на мѣстахъ, принимать въ немъ косвенное участіе, уходили изъ-за невозможности нести отвѣтственность, не имѣя соотвѣтствующихъ правъ и т. д. Непрерывно шедшее пониженіе и уравненіе реальной оплаты труда всѣхъ видовъ, создали новый стимулъ для ухода отвѣтственныхъ руководителей. Предпріятія скоро оказались безъ руководящей и управляющей головы. Производительность ихъ рѣзко упала.

Мускульная сила въ предпріятіяхъ еще оставалась, но ея работа понижалась изо дня въ день. Понижалась потому, что исчезъ прежній налаженный аппаратъ управленія и принужденія, а новый выборный былъ неспособенъ замѣнить его; падала потому, что въ рабочихъ росло сознаніе своихъ новыхъ правъ ни въ какую параллель не идущее съ сознаніемъ новыхъ обязанностей; уменьшалась оплата и вмѣстѣ съ этимъ замирали *внутренніе* стимулы работы; росла безтолковщина и безхозяйственность, увеличивался развалъ и это отбивало желаніе работать даже въ мѣру остающихся стимуловъ. Продукція прдпріятій безостоновочно падала.

Паденіе работы индустріальныхъ предпріятій обусловливалось и новой причиной: шли безпрестанные перебои въ снабженіи предпріятій топливомъ, сырьемъ, денежными средствами, потомъ продовольствіемъ и обмундированіемъ. Перебои вызывались быстрой, анархически проведенной, ломкой стараго строя отношеній и неизбѣжнымъ отставаніемъ въ постройкѣ и въ работѣ новыхъ учрежденій отъ запросовъ жизни. Дѣйствіе этой причины усиливалось низкимъ качествомъ работниковъ въ новыхъ учрежденіяхъ, хаотической системой послѣднихъ, самовластіемъ мѣстъ и т. д.

Въ соотвѣтствіи съ падающей производительностью городовъ шло сокращеніе въ нихъ продовольственныхъ рессурсовъ и рѣзкое ухудшеніе питанія городского населенія. Зависимость обоихъ явленій понятна: у городовъ уменьшились ихъ цѣнности, нужныя

деревнѣ и служившія предметами обмѣна съ послѣдней. Соотвѣтственно сокращался объемъ обмѣна. Притокъ продовольственныхъ продуктовъ въ города ослабѣвалъ. Въ сторну этого ослабленія дѣйствовалъ и распадъ при новой власти прежнихъ продовольственныхъ органовъ. Началась деревенская блокада городовъ и недоѣданіе послѣднихъ. Изъ городовъ потянулся широкій и густой потокъ бѣженцевъ въ деревню, къ источникамъ продовольствія.

Особенно сильнымъ было бѣгство рабочихъ. Появилась новая причина для паденія производительности городскихъ предпріятій — нехватка квалифицированныхъ рабочихъ. Начались безпрерывныя отлучки за продовольствіемъ и рабочихъ, оставшихся на жительствѣ въ городахъ. Обмѣнъ съ деревней упалъ еще сильнѣе. Недоѣданіе городовъ превратилось въ голодъ.

Голодъ города вызвалъ вооруженные походы власти на деревню. Начался по крестьянскому выраженію «отъемъ» продовольствія. Интеллектуально безпомощная, невѣжественная власть, пораженная къ тому-же болѣзнью безвластья центра и самовластья мѣстъ, сначала *допустила* неурегулированный никакими нормами «отъемъ» продовольствія, а потомъ и *санкціонировала* его, введя по всей территоріи дикую, съ точки зрѣнія здоровой экономической политики государства, «продразверстку» (продовольственную разверстку). Не заботясь о послѣдствіяхъ, у крестьянства отбирали *все,* оставляя ему самому запасы, достаточные лишь для полуголоднаго существованія. А порой, по отдѣльнымъ губерніямъ, въ надеждѣ, что «онъ достанетъ», не оставляли ничего. Изъ года въ годъ походы становились все безпощаднѣй и количество отобраннаго у деревни изъ года въ годъ росло. Совѣтская власть торжествовала, видя въ этомъ признакъ укрѣпленія и улучшенія своего продовольственнаго аппарата и симптомъ своего политическаго укорененія. Надвигающагося краха сельскаго хозяйства она не замѣчала. А крахъ близился.

«Продразверстка» убила въ крестьянствѣ не только всѣ стимулы къ развитію его хозяйства, но даже къ поддержанію его на прежнемъ уровнѣ. Началось «свертываніе» крестьянскаго хозяйства. Падала площадь посѣва, падали урожаи, сокращалась численность скота, въ особенности «свертывалась» культура промысловыхъ растеній. Съ внутренней болью, съ трудомъ, съ борьбой, лишь постепенно шелъ крестьянинъ-хозяинъ на эту програм-

му минимумъ въ своей хозяйственной дѣятельности. Его сердце не переставая протестовало противъ пустующихъ полей, неиспользованнаго навоза, умирающаго скотнаго двора и «жидкихъ» хлѣбовъ. Но политика могучаго государства заставила смириться бунтующее сердце хозяина-труженика. Позднѣе, гораздо позднѣе, чѣмъ промышленность, но въ концѣ концовъ было раззорено и сельское хозяйство. Страшный, небывалый въ исторіи Россіи по количеству захваченныхъ людей, голодъ 1921-22 года — неизбѣжное слѣдствіе коммунистической политики, проводившейся при помощи всѣхъ средствъ государственнаго принужденія.

Таковы главные, связанные крѣпкой причинной цѣпью, этапы, черезъ которые прошелъ процессъ распада народнаго хозяйства: разрушенію промышленности, упадокъ обмѣна города съ деревней и недостатокъ въ городахъ продовольствія; вооруженные походы въ деревню за хлѣбомъ, мясомъ, масломъ, яйцами и т. д.; убійство этими походами хозяйственныхъ стимуловъ въ крестьянствѣ и «свертываніе» послѣднимъ своего хозяйства до уровня личныхъ потребностей.

Вырожденіе государства. Порабощеніе личности. Бѣгло очерченный ходъ экономическаго распада не оставался безъ вліянія на государство — оно рѣзко мѣнялось. Иными становились его учрежденія, иными функціи, иначе складывались внутри его взаимоотношенія населенія и власти. Государство перерождалось въ своемъ основномъ и привычномъ намъ обликѣ.

Распадъ народно-хозяйственной жизни своимъ зловѣщимъ спутникомъ имѣлъ оскудѣніе матеріальныхъ цѣнностей: народный доходъ, какъ мы видѣли, палъ до 26 проц. мирнаго времени. Нищета населенія росла. Не могло не нищать и государство. Все меньше новыхъ матеріальныхъ цѣнностей попадало въ его руки. Таяли ихъ старые запасы. Изнашивался прежній инвентарь и давалъ все сокращающуюся работу. Отсюда родилась, во-первыхъ, потребность въ усиленной экономіи, во-вторыхъ, усиленное регулированіе распредѣленія благъ, доступныхъ воздѣйствію государства. Такъ появляется регулированіе питанія въ семьѣ, когда у нея обнаруживается недостатокъ продовольственныхъ средствъ; такъ оно усиливается, становясь все строже и мелочнѣй, по мѣрѣ дальнѣйшаго оскудѣнія пищевыхъ рессурсовъ. Такъ регулированіе возникло во всѣхъ государствахъ даже самыхъ богатыхъ и са-

мыхъ свободныхъ, во время обѣдненія, вызваннаго войной. Сильнѣйшее оскудѣніе государства и народа Россіи не могло не вызвать сильнѣйшаго регулированія.

Ограниченію подверглось пользованіе телеграфомъ, телефономъ, трамваемъ, почтой (для посылокъ), желѣзными дорогами и пароходами. Регулированіе захватило дальше продовольствіе, мануфактуру, обувь, галантерею и т. п. группы предметовъ личнаго потребленія. По мѣрѣ истощенія запасовъ, регулированіе переходило въ запрещеніе: отстаивая свое монопольное право на распредѣленіе, государство запрещало торговлю предметами, которыхъ оно не имѣло или имѣло въ мизерныхъ количествахъ.

Оскудѣніе собственныхъ запасовъ заставило государство обратиться къ запасамъ частныхъ лицъ. Начался «отъемъ» мебели, книгъ, бѣлья, верхней одежды, посуды, велосипедовъ, телефонныхъ аппаратовъ и т. д. Во многихъ мѣстахъ Россіи дѣло доходило до регулированія количества тарелокъ, ложекъ, стакановъ. Еще раньше прокатилась волна безобразныхъ продовольственныхъ обысковъ. Началось уплотненіе квартиръ, выселеніе, прикрѣпленіе къ квартирамъ остающейся въ нихъ обстановки. Дошло до того, что въ Петроградѣ сдѣлалось невозможнымъ, безъ риска быть остановленнымъ и задержаннымъ, перенести черезъ улицу самоваръ, стулъ, подушку; на все надо было имѣть соотвѣтствующее разрѣшеніе.

Этотъ всеобъемлющій «отъемъ» былъ тѣмъ необходимѣе, что, помимо удовлетворенія собственныхъ нуждъ, государственная власть (въ центрѣ и на мѣстахъ) нуждалась въ немъ для удовлетворенія потребностей коммунистовъ и для поддержки падающихъ симпатій «пролетаріата». Онъ былъ тѣмъ проще и легче, что никакихъ нормъ права, регулирующихъ права личности и ограничивающихъ произволъ власти, не было: былъ легализованъ полный произволъ.

Оскудѣніе матеріальныхъ цѣнностей, находящихся въ распоряженіи государства, обусловило безпрерывно понижающуюся реальную плату рабочихъ и служащихъ, занятыхъ въ государственныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Въ концѣ концовъ въ апрѣлѣ 1921 г. средняя денежная плата въ мѣсяцъ дошла до 12 тысячъ рублей совѣтскихъ «дензнаковъ», что равнялось одному золотому рублю. Но стоимость важнѣйшихъ для существова-

нія человѣка предметовъ (дрова, хлѣбъ ,мясо, крупы, соль, сахаръ и т. д.) поднялась выше, чѣмъ цѣна золота: въ апрѣлѣ 1921 г. всѣ эти предметы въ среднемъ были дороже противъ 1913 года въ 112.583 раза. Покупательная стоимость золотого рубля равнялась, слѣдовательно, 9,5 копейкамъ довоеннаго времени. Натуральныя выдачи на служащаго, по своей стоимости на «вольномъ» рынкѣ, въ среднемъ не превышали 200.000 руб. въ мѣсяцъ, т. е. давали добавочную къ деньгамъ оплату въ 180 довоенныхъ копеекъ. Вся плата въ мѣсяцъ равнялась меньше чѣмъ двумъ довоеннымъ рублямъ. Оплата наиболѣе обезпеченнаго слоя служащихъ не поднималась выше полутора милліона рублей, т. е. равнялась 12 прежнимъ рублямъ... При такой оплатѣ пали не только *стимулы* къ работѣ, но и *силы* для нея.

Уже въ срединѣ 1919 г. власть почувствовала недостатокъ служащихъ для своихъ пухнущихъ учрежденій и недостатокъ рабочихъ для своихъ замирающихъ предпріятій. Выходъ былъ одинъ — начать принудительное привлеченіе недостающихъ работниковъ. Къ нему власть и прибѣгла. Въ началѣ 1920 года была введена всеобщая трудовая повинность. Она, по оффиціальной интерпретаціи,обозначала «не только обязанность каждаго гражданина трудиться, но и обязанность трудиться въ той мѣстности, въ томъ предпріятіи и по той изъ знакомыхъ ему спеціальностей, на которую ему укажутъ органы учета и распредѣленія рабочей силы». Были созданы спеціальные комитеты по проведенію повинности (главный, губернскіе и уѣздные, «власть на мѣстахъ» по ряду губерній прибавила къ нимъ и волостные) — «комтруды» — и комитеты по преслѣдованію лицъ, уклоняющихся отъ службы и работы на пользу коммунистическаго государства («комтруддезертиры»). Всѣ служащіе и рабочіе были «прикрѣплены» къ мѣстамъ службы и работы. Попадавшіеся въ руки «комтруддезертировъ», опредѣлялись на службу по усмотрѣнію комитетовъ. «Урегулированнымъ», такимъ образомъ, оказывалось не только мѣсто жительства, но и мѣсто службы и даже родъ послѣдней.Еще раньше былъ «установленъ» обязательными ставками размѣръ оплаты труда. «Соціализмъ, по выраженію моего знакомаго рабочаго, обратился въ злую цѣпную собаку, приставленную сторожить человѣка».

Происходили удивительныя вещи. Мой знакомый А..служив-

шій въ Москвѣ, рѣшилъ отправиться къ семьѣ, благо подрядъ было два праздника, а семья жила недалеко — въ Тулѣ. Былъ онъ тихій, скромный человѣкъ и занималъ небольшое мѣсто. Легальная поѣздка была связана съ спеціальнымъ письменнымъ разрѣшеніемъ, а послѣднее могла дать только командировка. Получить послѣднюю для А. было дѣломъ безнадежнымъ. Онъ и не пытался. Рѣшилъ ѣхать «самовольно». До Серпухова поѣхалъ дачнымъ поѣздомъ, а тамъ дальше пошелъ пѣшкомъ. Уѣхалъ и пропалъ. О немъ справлялось и его искало учрежденіе, въ которомъ онъ служилъ. О немъ по всѣмъ знакомымъ лицамъ запрашивала письмами семья. Волновались и искали близкіе знакомые. Квартирная хозяйка заявила «о пропажѣ человѣка» въ милицію. Шли мѣсяцы, а объ А. не было никакихъ извѣстій. Наконецъ, случайно, въ одномъ городкѣ Владимирской губерніи пропавшаго встрѣтилъ на улицѣ его знакомый. Пропавшій имѣлъ невѣроятно жалкій видъ: истощенный, съ подвязанной щекой, какъ босякъ обтрепанъ, безъ пальто, въ рваномъ и грязномъ бѣльѣ, выглядывавшемъ изъ подъ пиджака. А была уже поздняя осень. Лили дожди, стояли холода. Оказалось, что А., добравшись уже до Тулы, но не дойдя до семьи, попалъ на улицѣ въ облаву, былъ арестованъ и, какъ не имѣющій права находиться въ Тулѣ, былъ сданъ въ «комтруддезертиръ». Послѣдній, несмотря на удостовѣреніе о московской службѣ, назначилъ А. во Владимирскую губернію въ какую то канцелярію. Къ новому мѣсту службы А. отправили подъ конвоемъ. А. оттуда писалъ, жаловался, просилъ вызвать его въ Москву, умолялъ выслать ему пальто и бѣлье, но ни одно изъ его писемъ ни по одному адресату не попало: они перехватывались на почтѣ...

«Эти комтруддезертиры», жаловался мой другой знакомый, побывавшій въ ихъ рукахъ, но въ концѣ концовъ бѣжавшій подъ выстрѣлами изъ подъ конвоя, «еще похуже «черезвычаекъ»...

Въ концѣ концовъ жизнь гражданина оказалась «урегулированной» во всѣхъ ея важнѣйшихъ сторонахъ. Даже государственнымъ портняжнымъ мастерскимъ былъ данъ обязательный фасонъ платья.

Отвратительный процессъ порабощенія человѣческой личности глядитъ изъ за этихъ мѣропріятій государственной власти. Отвратительный, но въ основѣ своей неизбѣжный при програм-

мѣ власти и при революціонномъ методѣ ея проведеніи. Процессъ былъ проведенъ гораздо дальше, чѣмъ этого требовали объективныя экономическія условія: отбираніе домашней утвари, книгъ, бѣлья, одежды, запрещеніе пользованія междугороднымъ телефономъ и въ 1920 г. телеграфомъ, выселеніе изъ квартиръ — все это диктовалось обычно не экономическими соображеніями, а политическими. Эти мѣры были возможны только при произволѣ, введенномъ въ норму, при разбойничьихъ пріемахъ, вошедшихъ во внутреннюю политику, при правящемъ человѣческомъ матеріалѣ, все время воспитывавшемся на глубочайшемъ презрѣніи къ основнымъ правамъ человѣческой личности.

Острымъ негодованіемъ, какъ къ отвратительному пасквилю, было проникнуто отношеніе революціонныхъ соціалистовъ къ «рабству будущаго», когда-то начерченному Г. Спенсеромъ въ его «Основахъ соціологіи» и къ «Соціалъ-демократическимъ картинкамъ будущаго», нарисованнымъ Рихтеромъ. Въ коммунистической Россіи эти предвидѣнія одѣлись въ плоть и кровь дѣйствительности, сдѣлались реальной жизнью. Государство стало рабовладѣльцемъ, граждане — рабами. «Рабство будущаго» превратилось въ рабство настоящаго.

Бюрократизація государства. Одновременно съ этимъ превращеніемъ человѣка въ вещь, которой неограниченно распоряжается государство и въ прямой зависимости отъ него, шелъ другой процессъ, перерождавшій государство — это его бюрократизація. Цѣлый рядъ причинъ дѣлалъ ее неизбѣжной.

Введеніе въ кругъ государственнаго хозяйства значительной части хозяйства народнаго неизбѣжно влечетъ должное увеличеніе рабочаго аппарата управленія. Это неизбѣжное увеличеніе учрежденій и штатовъ чиновниковъ въ Россіи было безконечно усилено *методами* проведенія правительственной программы. Революціонно-быстрая ломка стараго строя отношеній привела къ такой-же быстрой и оттого мало продуманной и безсистемной постройкѣ новыхъ аппаратовъ. Низкое качество идейно близкаго къ власти человѣческаго матеріала, увеличило организаціонный хаосъ. Неразработанность положеній о правительственныхъ учрежденіяхъ, *позволяла* увеличивать ихъ штаты до безконечности, а плохая работа служащихъ, дурно оплачиваемыхъ, работающихъ по необходимости и съ яснымъ сознаніемъ никчемности

дѣла, *) которое они дѣлаютъ безпрерывно *заставляла* увеличивать ихъ штаты. **) Политическое недовѣріе власти къ интеллигентнымъ служащимъ не — коммунистамъ вызывало созданіе штатовъ политическихъ комиссаровъ, а безпрерывные обходы противорѣчивыхъ и туманныхъ декретовъ, длинныхъ и запутанныхъ приказовъ, казнокрадство, незаконныя, но неизбѣжныя натуральныя выдачи, неприходъ на службу, ранніе уходы и т. д. — все это влекло появленіе безчисленныхъ и громоздкихъ органовъ разнообразнаго дѣлового контроля. Дальше идутъ органы политическаго террора — «чрезвычайки»; затѣмъ учрежденія по добыванію, распредѣленію и преслѣдованію «рабсилы», потомъ служащіе безчисленныхъ подваловъ и домовъ, обращенныхъ въ тюрьмы, старыхъ тюремъ, монастырей , превращенныхъ въ концентраціонные лагери... Громада новыхъ учрежденій и служащихъ заканчивалась комендатурами и канцеляріями при нихъ, существующими почти во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, не только центра, но и провинціи.

Рабочій аппаратъ государства пухъ. Въ концѣ 1920 г. служа-

---

*) Когда въ Москвѣ или провинціи я попадалъ изъ правительственныхъ учрежденій въ сохранившіеся кооперативные союзы, разница въ работѣ служащихъ всегда поражала. Въ первыхъ пустые стулья; вороха бумагъ передъ ними на столахъ; стереотипный отвѣтъ сослуживцевъ, находящихся на лицо, на вопросъ объ отсутствующихъ работникахъ: «только что вышелъ, черезъ полчаса вернется»; мирно бесѣдующія группки служащихъ — зимой у печки, лѣтомъ у столовъ; флиртъ; капризничающія машинистки, а на видномъ мѣстѣ грозные приказы «комтруддезертировъ», у дверей вооруженные люди (милицейскіе или солдаты), комендатуры, пропуска и... бездѣлье... бездѣлье... Въ кооперативныхъ союзахъ жизнь бьетъ ключомъ: всѣ на своихъ мѣстахъ, считаютъ, пишутъ, ведутъ переговоры съ посѣтителями, стучатъ машинки, люди безпрерывно приходятъ, уходятъ и ни стражи, ни комендантовъ, ни грозныхъ приказовъ.

**) О чудовищности штатовъ совѣтскихъ служащихъ даютъ представленія слѣдующія данныя изъ оффиціальнаго доклада Неменскаго, ревизовавшаго «Центротекстиль»: «За 4 мѣсяца поступило входящихъ бумагъ 59.959, исходящихъ 25.781. Служащихъ же было 2.054. На 1 секретаря приходилось (въ день С.М.) 10 входящихъ бумагъ и 4 исходящихъ; на 1 дѣлопроизводителя — 4 входящихъ и 1,5 исходящихъ; на 1 машинистку — 2 исходящихъ, и на 1 конторщика 1 входящая и 0,5 исходящихъ».

А вотъ качество работы служащихъ-рабовъ: «Бухгалтерія... прекрасно иллюстрируется инвентарной книгой, въ которую заносились на-ряду со шкафами, стульями, столами, *арендная плата, обѣды, простокваша* и т. д.» (изъ того же доклада Неменскаго).

щихъ насчитывалось по всей Россіи около 2 милліоновъ. Чтобы по достоинству оцѣнить эту цифру, ее надо сопоставить съ числомъ чиновниковъ въ прежней бюрократической Россіи: по подсчетамъ Рубакина ихъ было во всей прежней Россійской Имперіи (безъ Финляндіи), 436.000, т. е. 22 проц. современнаго количества. По подсчетамъ Завѣдующаго Центральнымъ Статистическимъ Управленіемъ Попова совѣтскихъ служащихъ по отношенію къ взрослому населенію въ Москвѣ было 46 проц., а въ Петроградѣ — 50 проц.. Въ 1910-12 г., лицъ, выполнявшихъ болѣе или менѣе аналогичную работу съ совѣтскими служащими, въ Москвѣ было 19,5 проц., а въ Петроградѣ — 19 проц. Общее число служащихъ только въ этихъ двухъ городахъ въ 1920 г. равнялось 416.000 человѣкамъ, т. е. почти столько-же, сколько было въ 1897 г. во всей Россійской Имперіи. Число совѣтскихъ служащихъ во всей современной Россіи равняется общему числу чиновниковъ въ 1910 г., въ трехъ самыхъ крупныхъ государствахъ Европы — въ Великобританіи, Франціи и Германіи.

Ростъ аппарата былъ не на пользу. Онъ плодилъ невообразимую канцелярщину, волокиту, вопіющую безхозяйственность. Чтобы по командировкѣ выѣхать изъ Москвы и вернуться назадъ, требовалось побывать въ 11-13 различныхъ учрежденіяхъ, и на это затратить при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ отъ 15 до 20 часовъ *сплошной* ходьбы и стоянія въ очередяхъ, растягивающихся на 3-4 сутокъ... Чтобы сѣверные кабельные заводы въ Петроградѣ могли получить деньги для оплаты заработка рабочимъ, ихъ требовательная вѣдомость должна была побывать въ 7 различныхъ учрежденіяхъ и три раза (для дальнѣйшей пересылки) вернуться въ заводоуправленіе... Итальянецъ Л. Магрини, побывавъ въ Москвѣ, разсказывалъ: «Въ правительственномъ фотографическомъ комитетѣ я пріобрѣлъ десятка два фотографій. И вотъ, чтобы заплатить за нихъ 1700 руб., мнѣ пришлось употребить *два часа,* понадобилось пройти черезъ *три контроля,* мнѣ было выдано *шесть расписокъ*.... Моя знакомая, назначенная завѣдующей статистическимъ отрядомъ въ одной научной экспедиціи, снаряженной Высшимъ Совѣтомъ Народнаго Хозяйства, пріѣхала по командировкѣ въ связи съ дѣлами экспедиціи изъ Петрограда въ Москву, и въ теченіи двухъ недѣль не могла добиться разрѣшенія на обратное возвращеніе къ отряду. Такъ и не добилась: отрядъ уѣхалъ безъ нея.

Въ связи съ «новымъ курсомъ» экономической политики началось сокращеніе штатовъ и новое (въ который уже разъ) подтягиваніе служащихъ. Въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ было уволено до 75 проц. работниковъ. Не помогаетъ, повидимому, и это: корреспондентъ «Tribuna» въ декабрѣ 1921 г. разсказалъ о мытарствахъ научной астрономической экспедиціи на Кавказъ: ея ходатайство о снабженіи 8 участниковъ экспедиціи ватой, нитками и матеріей проходило по учрежденіямъ нѣсколько мѣсяцевъ, побывавъ въ 50 различныхъ канцеляріяхъ.

Многочисленность учрежденій при неразработанности положеній о нихъ приводитъ къ неопредѣленности ихъ компетенцій и къ безпрерывнымъ междувѣдомственнымъ столкновеніямъ. Масса дѣлъ оказывается *многовѣдомственными,* а нѣкоторыя дѣла совсѣмъ *внѣвѣдомственными.* Въ Москвѣ можно потратить много дней, чтобы узнать, какому-же именно учрежденію подвѣдомственно интересующее Васъ дѣло. Особенно хаотично организованъ аппаратъ въ совѣтахъ народнаго хозяйства, регулирующихъ промышленность. Вотъ одна изъ иллюстрацій этой неразберихи, относящаяся къ Донецкому бассейну. Этотъ каменноугольный районъ занималъ такое важное мѣсто въ заботахъ власти, о немъ столько говорили, писали, совѣщались, что, казалось, тутъ долженъ-бы создаться нѣкоторый порядокъ. И, однако, ревизовавшая Донецкій бассейнъ инспекція обнаружила цѣлыхъ девять органовъ снабженія, одновременно дѣйствующихъ, но другъ съ другомъ не связанныхъ: 1) Главуголь, 2) Центральная продовольственная комиссія Донецкаго бассейна, 3) Всероссійскій Центральный Союзъ Проффесіон. Союзовъ, 4) Промышленное Бюро, 5) Комитетъ продовольствія Украины, 6) Особая комиссія въ Харьковѣ. 7) Комиссія при Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства. 8) Особая комиссія при Совѣтѣ труда и обороны, 9) Украинскій Совѣтъ Труда.

Учрежденія безпрерывно свертываются, сливаются съ другими, раздѣляются, ликвидируются, а при каждой серьезной заминкѣ въ какой-нибудь области хозяйственной жизни, возникаютъ вдругъ снова цѣлыми пачками. Приведенный примѣръ съ Донецкимъ бассейномъ характеренъ.

Особенно разбухшими являются контрольные органы совѣтской бюрократіи. По подсчетамъ коммуниста Сосновскаго въ статьѣ съ колоритнымъ названіемъ «Веселая арифметика», сооб-

щалось, что въ вѣдомствахъ гигантахъ (по числу занятыхъ служащихъ) въ Комиссаріатѣ путей сообщенія и въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства *) контролеровъ было: въ первомъ на двухъ участниковъ въ рабочемъ аппаратѣ одинъ контролеръ, а во второмъ на одного служащаго два контролера. «Коммунизмъ—это учетъ» — вѣщалъ Ленинъ. На практикѣ это изрѣченіе приняло нѣсколько иной, но близкій видъ — коммунизмъ прежде всего оказался контролемъ.

Я не могу перечислить всѣ контрольныя учрежденія совѣтской Россіи, но стоитъ проѣхать по желѣзной дорогѣ, стоитъ мѣсяцъ-два пожить въ Москвѣ, чтобы почувствовать ихъ многочисленность и богатѣйшее разнообразіе. На желѣзной дорогѣ пассажиръ дѣлается объектомъ вниманія minimum четырехъ контролей — желѣзнодорожнаго, военнаго, политическаго и продовольственнаго. Сверхъ того, существовалъ еще контроль районныхъ и участковыхъ жел.-дор. «чрезвычаекъ», спеціальныхъ комиссій, назначаемыхъ то Всероссійскимъ Центральнымъ Исполнит. Комитетомъ, то комиссаріатомъ путей сообщенія, то еще какимъ-либо учрежденіемъ... Въ занимаемую мной квартиру въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ московской жизни, контроль являлся, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать разъ. Ревизоры и контролеры приходили отъ: 1) Московскаго Совѣта, 2) отъ районнаго «Хамсовдепа» (Хамовническаго совѣта), 3) отъ квартальнаго хозяйства, 4) отъ жилищнаго отдѣла, 5) отъ особой комиссіи по предоставленію жилищъ рабочимъ, 6) отъ комиссіи по «уплотненію» Москвы, 7) отъ домоваго комитета и не помню отъ кого еще. Отъ квартальнаго хозяйства и районнаго совѣта приходили по два-три раза. Обиліе контрольныхъ органовъ плодило такой формализмъ и волокиту, такъ связывало людей на каждомъ ихъ шагу, что волкомъ взвыли даже коммунисты. О главномъ контрольномъ учрежденіи «Правда» писала: «однимъ изъ самыхъ злѣйшихъ нашихъ внутреннихъ враговъ является рабоче-крестьянская инспекція. Она стоитъ на одной доскѣ съ Колчакомъ, Деникинымъ и Врангелемъ, ибо вреда отъ нея не меньше, чѣмъ отъ послѣднихъ».

Губительное вліяніе на экономическую жизнь растущаго бюрократизма съ особенной четкостью проявилось въ области про-

---

*) Комиссаріатъ Путей Сообщенія занимаетъ 15% всѣхъ служащихъ Москвы, а Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства — 17%.

довольственнаго дѣла. Бюрократизмъ выказалъ здѣсь въ поражающихъ размѣрахъ свое новое свойство — безхозяйственность. Начну съ маленькаго эпизода. Моему знакомому, извѣстному общественному дѣятелю Россіи, предложилъ какъ-то ломовой извозчикъ въ Москвѣ подвезти его. Знакомый сѣлъ. Разговорились. Извозчикъ, который оказался Московскимъ подгороднымъ крестьяниномъ, со злобой разсказалъ объ «отъемѣ» въ его деревнѣ картофеля. Забрали почти вчистую. Крестьянъ-же на ихъ лошадяхъ принудили свезти картофель въ Москву, въ склады «Московской потребительской коммуны». Картофель пролежалъ тамъ зиму, весь перемерзъ. Наступила оттепель. Картофель оттаялъ и началъ гнить. Тогда его вывезли въ Петровскій паркъ и тамъ выбросили. Деревня, у которой отобрали картофель, къ тому времени уже голодала. Когда въ ней узнали, что ея картофель лежитъ выброшеннымъ, крестьяне запрягли лошадей и поѣхали отбирать изъ гніющихъ кучъ наиболѣе сохранившіяся картофелины. И сколько тутъ злобы было проявлено, сколько проклятій послано по адресу совѣтской власти! «И посю пору еще ѣздятъ, баринъ», закончилъ извозчикъ свой разсказъ. «Такъ вотъ, что дѣлаютъ!» Дальше послѣдовала непередаваемая, сочная брань... Дѣло происходило ранней весной 1921 г. Въ ту же зиму въ Курганскомъ районѣ (прежде Тобольской, теперь Челябинской губ.) изъ пяти милліоновъ отобраннаго картофеля было сгноено около 3 милліоновъ пудовъ. Гнилой картофель былъ вездѣ. Въ Петроградъ и Москву онъ для раздачи служащимъ постоянно прибывалъ въ такомъ видѣ, что голодные люди отказывались его брать. Зимой 1920 года въ Петроградъ пришло 960 вагоновъ картофеля, которымъ загрузили всѣ продовольственные склады. Толку отъ него не было: «картофель, по словамъ «Петроградской Правды», былъ погруженъ съ мѣстъ грязнымъ и полузамерзшимъ, въ пути онъ окончательно замерзъ, а въ Петроградѣ, въ наступившую теплую погоду оттаялъ и принялъ видъ моченаго яблока».

Осенью 1920 г. канцелярія комиссаріата продовольствія дала боевой приказъ заготовить 90 милліоновъ пудовъ картофеля. И онъ заготовлялся. И какое дѣло было чиновникамъ, что для перевозки его не было транспортныхъ средствъ, что для храненія на мѣстахъ отсутствовали картофельныя ямы и крытыя помѣщенія. Это уже ихъ не касалось. Ихъ дѣло заготовить.

Не было точно также дѣла до храненія рыбы «Донецкому об-

ластному комитету по заготовкѣ рыбы». Онъ заготовилъ 250.000 пудовъ, изъ которыхъ сгноилъ 150.000 пудовъ. «Донрыба» тутъ не при чемъ: виноватъ центръ, который не забралъ рыбу своевременно... По той-же Донецкой области (да и не только въ ней) реквизируемыхъ свиней гнали гономъ за 100-120 верстъ, гнали безъ кормежки и свиньи приходили на послѣдній пунктъ похожими на борзыхъ собакъ. Въ Полтавской губ. на крупномъ пріемномъ пунктѣ (въ селѣ Комышеватомъ) для сотенъ принятыхъ свиней не было заготовлено корма и свиньи отъ голода начали ѣсть другъ друга. Власть спохватилась и привезла нѣсколько возовъ сѣна. Послѣднее съ подводъ было сброшено прямо на середину двора. Голодныя животныя, давя и кусая другъ друга, съ остервенѣніемъ ураганомъ набросились на кормъ. Сотни животныхъ были задавлены на смерть... Всего (отъ голода и задавленныхъ) въ Комышеватомъ погибло 70 проц. свиней. Въ самой Полтавѣ въ декабрѣ 1920 г. былъ назначенъ пріемъ домашней птицы, которую крестьяне должны были свезти съ половины уѣзда. Собрано было 18 вагоновъ; птицу живьемъ погрузили въ поѣздъ. Корма не заготовили: «до Харькова недалеко (птица шла туда), тамъ покормятъ». А тутъ разразилась мятель. Дорогу занесло, сообщеніе съ Харьковомъ прекратилось на двѣ недѣли. Птица осталась въ вагонахъ въ Полтавѣ, приказано было доставить ее живьемъ, бить ее поэтому и въ голову никому не пришло. Отъ холода и голода птица подохла и тутъ-же у станціи была выброшена. Ту-же домашнюю птицу собиралъ съ крестьянъ Волынскій «Губпродкомъ». Крестьяне должны были доставить ее по своимъ волостямъ. Доставка оттуда въ Житоміръ падала на средства губпродкома. Клѣтокъ для перевозки птицы не оказалось и агенты вышли изъ затрудненія, биткомъ набивъ живой птицей обычные мѣшки. Когда въ такой укупоркѣ птица попала, наконецъ, въ Житоміръ, то она оказалась дохлой.

Въ февралѣ 1921 г. по линіи Алтайской ж. д. подъ открытымъ небомъ на соломенной подстилкѣ лежало 2 милліона пудовъ зерна, отобраннаго у крестьянъ. Горы *сырого* зерна лежали также въ Кокчетавскомъ, Атбасарскомъ, Акмолинскомъ и Славгородскомъ уѣздахъ. Отремонтировать и пустить въ работу зерносушилки власть сообразила лишь *въ концѣ февраля — началѣ марта*. Милліоны пудовъ зерна погибли (сгнили). Никто не подсчитывалъ количество погибшихъ продуктовъ, отнятыхъ у кре-

стьянъ. Не могу, вслѣдствіе недостатка свѣдѣній, сдѣлать это и я. Но вѣсти о гибели скота, зерна, птицы, картофеля, капусты, фруктовъ (яблокъ, сливъ и т. п.) шли со всѣхъ сторонъ. За продовольственную кампанію ежегодно гноили милліоны, а можетъ быть десятки милліоновъ продуктовъ (главнымъ образомъ, картофеля).

Не меньшая нелѣпость и въ агрикультурныхъ мѣропріятіяхъ совѣтской власти. Въ разграбленной «продразверсткой» до тла, вымирающей и разбѣгающейся отъ голода Тульской губерніи, зимою 1920-21 г. изъ деревни въ деревню ѣздили казенные зерноочистительные обозы. Агрикультурное дѣло превращалось въ какое-то жестокое издѣвательство надъ несчастнымъ населеніемъ, которое къ тому-же на своихъ лошадяхъ должно было и перевозить машины... Въ Полтавскомъ уѣздѣ рѣшено было устроить случные пункты. Производителями должны были явиться крестьянскія лошади. Чтобы выдѣлить пригодныхъ для этой цѣли лошадей, надо было произвести осмотръ жеребцовъ. И вотъ по всему уѣзду разсылается приказъ, конечно, «боевой», который подъ угрозой конфискаціи имущества требуетъ въ трехдневный срокъ привода всѣхъ крестьянскихъ жеребцовъ въ Полтаву. Была зима. Сначала лежалъ снѣгъ, потомъ прошелъ дождь и дороги покрылись сплошнымъ гладкимъ льдомъ. Было такъ скользко, что крестьяне не выгоняли скотъ съ дворовъ даже на водопой. Приказъ, однако, надо было выполнить и лошадей повели въ Полтаву за десятки верстъ. Животныя были искалѣчены... На Саратовской сел.-хоз. станціи у служащихъ вышли запасы зерна для пищи. Оставались только сотни пудовъ высокаго качества селекціонной пшеницы надъ выведеніемъ которой станція работала годы. Попытки станціи получить зерно для питанія служащихъ кончились неудачей: станція не была предусмотрѣна въ спискѣ учрежденій, которымъ надо выдавать продовольствіе. Сдѣлали попытку добиться обмѣна селекціоннаго матеріала на обычное зерно. Отказали и въ этомъ. На соотвѣтственныя письменныя обращенія въ Комиссаріатъ Земледѣлія, станція отвѣта не получила Потребовалась спеціальная поѣздка представителя станціи въ Москву въ Комиссаріатъ Земледѣлія, потребовались личные переговоры замѣстителя комиссара земледѣлія съ членомъ коллегіи Комиссаріата Продовольствія, чтобы обмѣнъ спеціальнаго посѣвнаго матеріала на рядовое зерно, наконецъ, произошелъ.

Самая нищая изъ всѣхъ странъ міра, коммунистическая Россія, благодаря бюрократизованному и уродливому аппарату управленія, была въ то же время самой расточительной въ обращеніи со своими матеріальными цѣнностями. Голодная и отъ голода вымирающая, она въ то же время ежегодно гноила милліоны, а можетъ быть десятки милліоновъ пудовъ продуктовъ продовольствія.

Власть канцелярій всегда мертвитъ жизнь, ибо живую и гибкую инициативу живыхъ людей, она замѣняетъ однообразными нормами, пытающимися выстроить все разнообразіе жизни въ одну шеренгу и подравнять подъ одну линію. Головы, которыя выше установленной линіи, она срѣзаетъ, головы ниже, она пытается вытягивать. Дѣйственная инициатива людей и бюрократизмъ — это антиподы. Оттого, когда усиливается первая, ослабѣваетъ второй и наоборотъ. Совѣтское государство, отнявъ у людей творческую инициативу и превративъ ихъ въ вещи, сдѣлало неизбѣжнымъ ростъ канцелярій — тѣмъ болѣе сильный, чѣмъ обезличеннѣй становились люди. Отсюда — всѣ перечисленныя послѣдствія.

Главенство охранно-полицейскихъ интересовъ. Населеніе Россіи во всѣхъ его основныхъ слояхъ не было спокойнымъ зрителемъ и безстрастнымъ участникомъ, покорно выполняющимъ государственную волю, во время этого распада народнаго хозяйства, усиливающагося порабощенія личности, гибели матеріальныхъ цѣнностей и т. д.: оно не только бурно негодовало, но и ожесточенно боролось. Борьба началась немедленно послѣ воцаренія большевиковъ. *) Она, не прерывалась во все время нахожденія ихъ у власти, она продолжается и сейчасъ. Начатая наиболѣе стой-

*) Подготовка къ вооруженному возстанію и террористическимъ актамъ, пріурочивавшимся къ открытію Учредительнаго Собранія, въ Петроградѣ началась уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1917 г. Вооруженное выступленіе не состоялось, ибо организація успѣла собрать только около 2.000 бойцовъ — количество, которое военными руководителями было признано недостаточнымъ. Террористическіе акты, которые были подготовлены и *могли* произойти, не были произведены въ силу рѣшенія Центральн. Комитета партіи с. р.: руководители и участники предполагавшихся актовъ были с.-р. и въ послѣднюю минуту, уже послѣ разгона Учредит. Собран. и разстрѣла Петроградск. манифестацій 5-го января, они начавъ дѣло по собственной инициативѣ, сочли необходимымъ получить санкцію партіи. Въ санкціи было отказано.

кимъ врагомъ большевиковъ — интеллигенціей, борьба втянула потомъ крестьянъ и, наконецъ, и рабочихъ. Сравнительно спокойной до сихъ поръ оставалась армія. *) Въ мартовскіе дни 1921 г. заговорила и она въ лицѣ своей наиболѣе активной, подвижной, наиболѣе спаянной духомъ товарищества части — въ лицѣ матросовъ Кронштадта. Очередь за ядромъ арміи, за солдатской массой.

Борьба то усиливаясь, то затихая, шла безпрерывно. Она, въ эти тяжелыя годы грязи, крови, крушеній, всеобщаго развала и распада, въ годы національной нищеты и позора, она одна для любящихъ Россію является источникомъ радости и внутренней бодрости: народъ не согнулся, не покорился. Упорно въ продолженіи четырехъ лѣтъ превращаемый въ государственнаго раба, онъ рабомъ не сдѣлался. Скованный снаружи, онъ внутренне остался свободнымъ. Въ этомъ вѣрный залогъ и надежная порука неизбѣжной въ грядущемъ и внѣшней, гражданской свободы.

Особенно яркимъ пламенемъ борьба вспыхнула въ 1918 г. подъ вліяніемъ важнѣйшаго политическаго событія четырехъ послѣднихъ лѣтъ — подъ вліяніемъ выхода Россіи изъ войны, стихійной демобилизаціи фронта и финала этого національно позорнаго событія—«похабнаго» Брестъ-Литовскаго мира. Борьба затронутыхъ въ своихъ имущественныхъ интересахъ, борьба задѣтыхъ въ своихъ политическихъ и соціально экономическихъ идеалахъ, тогда слилась въ одинъ потокъ съ борьбой обиженныхъ въ своихъ національно-государственныхъ чувствахъ. Возстанія въ городахъ, возстанія въ деревняхъ, арміи на югѣ, востокѣ и сѣверѣ, убійство Володарскаго и Урицкаго, взрывъ Мирбаха, покушеніе на Ленина, открываемые заговоры—все это требовало отъ государственной власти, въ начатой по ея же почину борьбѣ, созданія органовъ самообороны и защиты. Посѣянный властью вѣтеръ, вызвалъ бурю, отъ которой она должна была укрываться подъ за-

*) Говорю «сравнительно спокойной», ибо небольшія возстанія въ ней были много разъ: въ 1920 г. возстала дивизія, расквартированная въ Саратовской губ. и во главѣ съ Сапожковымъ ушла въ заволжскія степи. Въ 1921 г. отъ первой конной арміи Буденнаго оторвалась часть около 1500 сабель подъ командой Маслакова. Безчисленны случаи перехода солдатъ, посылавшихся для усмиренія крестьянъ, на сторону послѣднихъ. Во время самаго мощнаго возстанія крестьянъ (въ Западной Сибири) въ 1921 г. къ крестьянамъ, по подсчету коммунистовъ, перешло до 12.000 солдатъ.

щиту спеціальныхъ сооруженій. Уже весной 1918 г. были созданы «чрезвычайки». Мало вліятельныя и слабыя въ началѣ, онѣ, по мѣрѣ того, какъ борьба съ властью не стихая, росла, усиливались и въ концѣ, концовъ стали тѣмъ, чѣмъ онѣ есть въ современной Россіи: самымъ сильнымъ аппаратомъ власти, почти безконтрольнымъ, фактически безотвѣтственнымъ, почти государствомъ въ государствѣ, иногда даже властью *надъ* государственной властью. *) Необходимость быстрыхъ и оглушающе сильныхъ дѣйствій, да еще въ обстановкѣ узаконеннаго и введеннаго въ норму произвола въ Россіи, дала «чрезвычайкамъ» полнѣйшую свободу; важность съ точки зрѣнія государственной власти отправляемыхъ ими функцій дала имъ могущество; спеціальный подборъ ихъ работниковъ, **) да еще въ обстановкѣ жестокой гражданской войны, крови и всеобщаго огрубѣнія нравовъ — обусловилъ ихъ жестокость; успѣшное отправленіе порученнаго имъ важнаго дѣла, ихъ «хорошая» ***) работа, освободили ихъ отъ контроля и создали безотвѣтственность.

---

*) Въ 1921 г. по причинѣ уменьшенія въ Москвѣ «бандитизма», рѣшено было уменьшить составъ Московской «чрезвычайки» въ той ея части, которая объектомъ своего вниманія имѣла вооруженные «налеты». Было приступлено къ соотвѣтствующимъ предварительнымъ дѣйствіямъ (выясненіе сотрудниковъ, составленіе списковъ и т. п.). Въ это время въ Москвѣ произошелъ рядъ крупныхъ и дерзкихъ «налетовъ», слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Участники нападеній остались неразысканными. Рѣшеніе о сокращеніи штатовъ было отмѣнено. Совпаденіе по времени этихъ двухъ явленій останавливало вниманіе лицъ, знавшихъ о предстоявшемъ сокращеніи штатовъ. Высказывались предположенія, что налеты были совершены самими агентами «чрезвычайки». Догадки перешли въ увѣренность, когда стало извѣстнымъ такое же утвержденіе одного виднаго коммуниста, близко стоящаго къ работѣ «чрезвычайки»... Второй болѣе интересный и безконечно болѣе важный фактъ читатель найдетъ дальше. Онъ связанъ съ Всероссійскимъ общественнымъ Комитетомъ по борьбѣ съ голодомъ.

**) Любопытна оцѣнка дѣятелей «чрезвычаекъ» шефомъ послѣднихъ Дзержинскимъ. «Пока въ нихъ нужда, они незамѣнимы и на мѣстѣ, когда нужда минетъ, три четверти ихъ придется разстрѣлять. Отпустить ихъ нельзя.»

***) Репутація «чрезвычаекъ» какъ дѣловыхъ аппаратовъ настолько велика, что въ началѣ 1921 г. онѣ были привлечены къ дѣлу государственнаго призрѣнія и воспитанія дѣтей, которое, по мнѣнію кремлевскихъ круговъ, было изъ рукъ вонъ плохо.

Вслѣдствіе той же высокой оцѣнки работы «чрезвычаекъ», шефъ и организаторъ послѣднихъ Дзержинскій былъ назначенъ весной 1921 г. комиссаромъ путей сообщенія — самаго важнаго «народохозяйственнаго фронта». Организація «заплечныхъ дѣлъ»

«Хорошая» работа «чрезвычаекъ» обусловливается четырьмя основными причинами: 1) яснымъ сознанiемъ ихъ руководителей большой важности порученнаго дѣла, 2) подборомъ работниковъ, 3) полнѣйшей свободой въ дѣятельности, 4) высокой оплатой «труда».

Среди коммунистовъ всеобщее сознанiе, что безъ работы «чрезвычаекъ» имъ пришлось-бы давно потерять не только власть, но и собственныя головы. Всѣ они отчетливо чувствуютъ ту огромную и всеобщую ненависть, которую питаетъ къ нимъ населенiе. Всѣ они сознаютъ неизбѣжность ихъ повсемѣстнаго избiенiя въ случаѣ перехода власти въ новыя руки. Это сознанiе и чувство вноситъ, во-первыхъ, прочную спайку въ коммунистическiе ряды — спайку жизнью и кровью, во-вторыхъ, вызываетъ высокую оцѣнку дѣятельности террористическихъ аппаратовъ. Заинтересованность руководителей (членовъ коллегiй) «чрезвычаекъ» въ результативности работы послѣднихъ еще выше: власть въ каждомъ городѣ и районѣ живетъ подъ постоянной угрозой возстанiй, а послѣднiя для руководителей «чрезвычаекъ» обозначаютъ безусловную гибель. Такъ учитъ опытъ всѣхъ возстанiй, опытъ дѣятельности всѣхъ партизанскихъ отрядовъ. Отсюда у «чрезвычайщиковъ» создаются сильные устойчивые стимулы для напряженной работы въ области сыска и предупрежденiя возможныхъ возстанiй.

Указанные стимулы поддерживаются и высокой оплатой «труда». По всей совѣтской Россiи служба въ «чрезвычайкѣ» считается самой «хлѣбной». Она, дѣйствительно, не въ примѣръ прочимъ учрежденiямъ обезпечиваетъ вполнѣ сытое существованiе, высокую денежную оплату, хорошую одежду. Вотъ одинъ примѣръ: каждый служащiй Московской «чрезвычайки» за 8 мѣсяцевъ 1920 г. получилъ по 2 пары обуви, 8 аршинъ шелковой матерiи, 3 аршина сукна, по 2 головныхъ убора и т. д.. Чтобы оцѣнить эти получки, ихъ надо сравнить съ тѣмъ, что получаетъ рабочiй. На рабочаго металлиста Москвы за весь 1919 г. въ сред-

---

оказалась, однако, болѣе простой, чѣмъ организацiя жел. дор. транспорта и успѣхи Дзержинскаго, ознаменовавшаго свое вступленiе въ должность жестокими приказами относительно безбилетныхъ пассажировъ и пассажировъ на крышахъ и подножкахъ вагоновъ, были не большими, чѣмъ успѣхи его предшественниковъ — «прирожденнаго организатора» — Троцкаго и «желѣзно-дорожнаго практика» Емшанова.

немъ пришлось 1/15 пары сапогъ (1 пара на 15 человѣкъ) и 4/5 аршина плохой ситцевой матеріи. Каждый изъ служащихъ «чрезвычайки» получаетъ спеціальный высокій продовольственный паекъ и, кромѣ того, безпрерывныя экстраординарныя выдачи сахаромъ, масломъ, бѣлой мукой, конфектами, яйцами, птицей и т. д. Мнѣ неизвѣстенъ нормальный порядокъ снабженія террористическихъ аппаратовъ, но доподлинно знаю, что въ 1919-20 годахъ для Всероссійской «Чрезвычайки» въ Москву приходили отдѣльные вагоны съ провизіей, разгружавшейся въ 10-12 верстахъ отъ Москвы и потомъ на автомобиляхъ доставлявшейся въ склады «чрезвычайки». *)

Огромная часть цѣнностей, реквизируемыхъ при обыскахъ и арестахъ агентами «чрезвычаекъ», «дуванится» ими между собой. Этотъ «обычай» повсемѣстенъ и во внутренней жизни «чрезвычаекъ» узаконенъ. Вотъ результаты ревизіи Орловской «губчека»: «конфискованные при арестахъ деньги, цѣнности и разные товары сплошь и рядомъ не заносились въ книги или вносились по устнымъ заявленіямъ сотрудниковъ безъ представленія протоколовъ, актовъ или описей, учета конфискованныхъ вещей не велось, многихъ дѣлъ по производству конфискацій и реквизицій

---

*) Всероссійская чрезвычайка является, по выраженію москвичей, «вотчиной латышей». Это, дѣйствительно, латышское прибыльное царство. На наиболѣе хлѣбныя мѣста служащіе-латыши устраиваютъ своихъ близкихъ знакомыхъ и родственниковъ, выписывая ихъ даже изъ Латвіи. Поработавъ для коммунистической Россіи и нажившись, латыши уѣзжаютъ на милую родину.

Латышъ же долгое время состоялъ палачемъ В. Ч. К. Это самый популярный изъ всѣхъ совѣтскихъ палачей Москвы. Его фамилія Мага. Число разстрѣлянныхъ имъ доходитъ до 600 человѣкъ. Это — физически крѣпкій, весьма волевой и очень дѣятельный человѣкъ. Нервы не выдержали, однако, и у него. Кровь разстрѣлянныхъ мстила. Онъ дошелъ то того, что по ночамъ вскакивалъ съ постели, хваталъ револьверъ и пулю за пулей всаживалъ въ стѣну. Докторъ, къ которому онъ обратился, жалуясь на «дурные сны», узнавъ его профессію, посовѣтовалъ ее перемѣнить. Мага былъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей и назначенъ комендантомъ внутренней тюрьмы В. Ч. К. Кажется, это онъ въ 1919 г. примѣнилъ видъ смертной казни, которая неизвѣстна даже въ лѣтописяхъ «чрезвычайки». Была арестована дѣвушка, лѣвая с. р. (фамилію забылъ, она упоминается въ одной изъ прокламацій, выпущенныхъ лѣвыми с. р. отчасти въ связи съ этой казнью). Палачъ былъ сильно пьянъ. Во дворѣ чрезвычайки, подъ шумъ заведеннаго автомобильнаго мотора, онъ выпустилъ, свирѣпѣя отъ неудачъ, цѣлую обойму не попавъ ни разу въ казнимую. Совершенно разъяренный, онъ бросился на жертву *и пальцами перервалъ ей горло.*

не оказалось, ввиду чего не представляется возможнымъ выявить, сколько конфискованныхъ цѣнностей и куда онѣ дѣвались... Ревизiей установлено также массовое распредѣленiе конфискованныхъ вещей между членами коллегiи и сотрудниками, по баснословно дешевымъ цѣнамъ, напримѣръ, плюшевое пальто—25 руб., два куска мануфактуры — 10 руб., фотографическiй аппаратъ—5 руб. и т. д.» (изъ доклада ревизiи).

Стимулируетъ работу «чрезвычаекъ» и хмѣльное, возбуждающее вино власти. Здѣсь власть безъ границъ, безъ сдержекъ. Ее нигдѣ нельзя почувствовать въ такой полной мѣрѣ и хлебнуть такимъ полнымъ до краевъ ковшомъ, какъ въ этихъ террористическихъ органахъ. Попадающiе сюда люди абсолютно зависятъ отъ воли членовъ коллегiи, ибо въ полной власти послѣднихъ находится самое цѣнное, чѣмъ обладаетъ человѣкъ, его жизнь. Передъ угрозой потерять жизнь и во имя спасенiя ея на что ни пойдетъ среднiй человѣкъ! Въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россiи интеллигентная женщина, дочь бывшаго губернатора, чтобы спасти жизнь, приняла предложенiе палача «чрезвычайки» стать его любовницей. На улицахъ города ее часто встрѣчали идущей подъ руку со своимъ «избавителемъ».

Власть «чрезвычайки» неограничена: въ Россiи нѣтъ ни положенiя, ни пола, ни возраста, ни научныхъ и иныхъ заслугъ, которые-бы страховали отъ нея. Единственное исключенiе составляютъ коммунисты: «чрезвычайка» ихъ можетъ разстрѣливать только съ разрѣшенiя Центральнаго Комитета Партiи. Но аресту, за исключенiемъ самыхъ видныхъ, могутъ подлежать и они. Нѣтъ средствъ воздѣйствiя на арестованнаго, къ которымъ не могла-бы прибѣгать «чрезвычайка» въ тишинѣ своихъ застѣнковъ. Въ Воронежѣ, напримѣръ, въ «чрезвычайкѣ» доходили до заливанiя расплавленнаго свинца въ горло, до медленнаго сплющиванiя головы между досками. Избiенiя ногами, винтовкой, револьверомъ въ счетъ не идутъ они общеприняты и повсемѣстны... Въ маѣ 1920 г. въ Москвѣ была арестована группа дѣтей (карманныхъ воровъ) въ возрастѣ отъ 11 до 15 лѣтъ. Ихъ посадили въ подвалъ и держали изолированно отъ другихъ, но всю группу вмѣстѣ. «Чрезвычайка» рѣшила использовать арестъ во всю. Отъ дѣтей стали требовать — сначала угрозами и обѣщанiями награды выдачи другихъ карманныхъ воровъ. Дѣти отзывались незнанiемъ. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ допро-

совъ въ камеру, гдѣ сидѣли дѣти, вошло нѣсколько служащихъ и началось жестокое избіеніе. Били сначала кулаками, потомъ, когда дѣти попадали, ихъ били каблуками сапогъ. Дѣти обѣщали полную выдачу. Такъ какъ фамиліи товарищей дѣти не знали, то ихъ возили каждый день по улицамъ въ автомобиляхъ, трамваяхъ, водили на вокзалы. Первый день дѣти попробовали никого не указать. Тогда вечеромъ было повторено избіеніе еще болѣе жестокое, чѣмъ прежде. Дѣти начали выдавать. Если день былъ неудачный и ребенокъ не встрѣчалъ или не указывалъ товарища по ремеслу, вечеромъ онъ былъ избиваемъ. Пытка тянулась двѣ недѣли. Дѣти, чтобы избѣжать битья начали оговаривать незнакомыхъ и невинныхъ. Черезъ три недѣли ихъ перевезли въ Бутырскую тюрьму. Худыя, избитыя, въ рваномъ платьѣ, съ постояннымъ застывшимъ испугомъ на личикахъ, они были похожи на затравленныхъ звѣрьковъ, видящихъ неминуемую и близкую смерть. Они дрожали, часто плакали и отчаянно кричали во снѣ. Послѣ 2-3 недѣльнаго сидѣнія въ Бутырской тюрьмѣ, дѣти снова были взяты въ «чрезвычайку». Долгіе тюремные сидѣльцы говорили мнѣ, что за все время ихъ ареста, за всю жизнь, за время даже царской каторги, они не слыхали такихъ отчаянныхъ криковъ, какъ крики этихъ дѣтей, понявшихъ, что ихъ снова везутъ въ подвалъ, и не испытывали такой жгучей злобы, какъ отъ этого издѣвательства надъ ворами — дѣтьми. Тюрьма плакала, когда обезумѣвшихъ и воющихъ дѣтей вели по коридорамъ, потомъ по двору тюрьмы. *)

Чрезвычайка окружена такой глубокой ненавистью населенія, къ ея дѣятелямъ относятся съ такимъ омерзеніемъ, что не всѣ, далеко не всѣ коммунисты идутъ на работу въ ней. Соглашаются лишь люди соотвѣтственной психологіи съ крѣпкими или, наоборотъ, извращенно больными нервами. Идутъ по природѣ жестокіе люди, идутъ садисты. Люди отвѣтственныхъ постовъ быстро превращаются тамъ въ кокаинистовъ, алкоголиковъ, **) нерѣдко

---

*) Дальнѣйшая судьба дѣтей мнѣ не извѣстна.

**) Послѣ каждой вынужденной эвакуаціи «чрезвычаекъ» новая власть при осмотрѣ помѣщеній послѣднихъ всегда находила огромное количество бутылокъ изъ подъ спирта, водки и винъ. Такъ было вездѣ: въ Кіевѣ, Воронежѣ, Житомірѣ и др. городахъ. Усиленныя попойки въ 1920 и 1921 г. шли въ «чрезвычайкахъ» Петрограда, Москвы, Архангельска, Вологды, Вятки и т. д.

болѣютъ истеріей, сходятъ съ ума. Особенно великъ процентъ психически тяжело больныхъ среди палачей. *)

Въ своей ежедневной работѣ, «чрезвычайки» совершенно автономны: онѣ не имѣютъ надъ собой никакого органа надзора и контроля. Рабоче-крестьянская инспекція, которой подконтрольны *всѣ* учрежденія совѣтской Россіи ревизовать «чрезвычайки» не можетъ. Тамъ есть свой внутренній обычно-служебный контроль и только. Рабоче-крестьянская инспекція появлялась въ «чрезвычайкахъ» только по спеціальнымъ постановленіямъ Губисполкомовъ, когда вскрывались какія нибудь крупныя хищенія.

«Чрезвычайки» далеко не всегда доступны воздѣйствію даже самыхъ высшихъ должностныхъ лицъ и учрежденій совѣтской республики, а мѣстныя «чрезвычайки» очень не всегда подчиняются конкретнымъ распоряженіямъ даже ихъ прямого и высшаго центра — «чрезвычайки» всероссійской. Вотъ нѣсколько иллюстрирующихъ примѣровъ. Во второй половинѣ 1918 г. въ Великомъ Устюгѣ мѣстной «чрезвычайкой» были арестованы ученый П. А. Сорокинъ и только что начинавшій ученую карьеру П. Н. Зепаловъ. Обоимъ грозилъ разстрѣлъ. Въ дѣло вмѣшался «самъ» Ленинъ, телеграфно потребовавшій не примѣнять смертной казни. Сорокина телеграмма спасла. Зепаловъ-же, съ которымъ у «чрезвычайки» были особые, мѣстные счеты, былъ разстрѣлянъ: телеграмма Ленина только ускорила его смерть... Осенью 1920 г. нѣсколько евреевъ, торговавшихъ прежде аптекарскими товарами, по предложенію Житомірскаго Губернскаго Отдѣла Здравоохраненія нелегально закупили въ Польшѣ и привезли въ Житоміръ различные медикаменты и перевязочныя средства. Когда товары евреями были сданы и «Здравотдѣлъ» произвелъ съ ними разсчетъ, евреи были арестованы. Деньги у нихъ отняли, а сами они рѣшеніемъ коллегіи «чрезвычайки» были приговорены къ разстрѣлу за спекуляцію. Разстрѣлъ долго въ исполненіе не приводился. «Смертники» посылались даже на принудительныя работы. Въ городѣ были убѣждены, что разстрѣла не будетъ. Вдругъ въ Житоміръ пріѣхалъ предсѣдатель

---

*) «Чрезвычайки» разстрѣливаютъ двумя способами: при помощи спеціальныхъ палачей (что чаще), или при помощи солдатъ — обычно изъ интернаціональныхъ батальоновъ (такъ дѣло обстоитъ, напримѣръ, въ Одессѣ и Омскѣ).

Украинскаго Совѣта Народныхъ Комиссаровъ — Раковскій. Осужденные подали ему мотивированную жалобу на рѣшеніе «чрезвычайки». Раковскій на жалобу положилъ резолюцію, приказывающую отмѣнить смертную казнь и замѣнить ее нѣсколькими годами принудительныхъ работъ. Резолюція была сообщена «чрезвычайкѣ». Осужденные ликовали. Раковскій уѣхалъ и прежній приговоръ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе. Евреевъ разстрѣляли.

Всероссійская «чрезвычайка» хорошо знаетъ эту амбицію мѣстъ и она считается съ нею. Поэтому, когда центральный террористическій аппаратъ подъ вліяніемъ чьихъ либо вліятельныхъ ходатайствъ хочетъ освободить кого либо изъ арестованныхъ мѣстными «чрезвычайками», онъ никогда не приказываетъ освободить послѣднихъ, ибо знаетъ, что приказъ можетъ привести къ совершенно обратнымъ результатамъ. Арестованнаго Всероссійская «чрезвычайка» требуетъ въ Москву, какъ будто по новому дѣлу и только въ Москвѣ она получаетъ возможность выпустить его. Не всегда удается и этотъ «обходный» маневръ. Съ лицами, разстрѣлъ которыхъ предрѣшенъ, мѣстная «чрезвычайка», получивъ такой приказъ, немедленно расправляется, а потомъ сообщаетъ, что приказъ изъ центра запоздалъ и выполненъ быть не можетъ.

Насколько велика «автономія» «чрезвычаекъ» даже отъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, даже отъ опубликованныхъ декретовъ показываетъ ихъ отношеніе къ декрету 16 февраля 1920 г., отмѣнившему въ совѣтской Россіи смертную казнь. Въ ночь,когда въ типографіи набирался этотъ декретъ,въ Москвѣ, взволновавъ весь городъ произошли массовые разстрѣлы, — были разстрѣляны сотни людей. Изъ одной Бутырской тюрьмы на разстрѣлъ были взяты 72 человѣка. Разстрѣлы произошли въ Саратовѣ. Днемъ властью былъ полученъ декретъ, а ночью его аннулировали. Только изъ губернской тюрьмы на разстрѣлъ увели 52 человѣка. Въ концѣ февраля разстрѣлы, по моимъ совершенно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, были въ Тулѣ и Тамбовѣ. Разстрѣливали, конечно, не только въ этихъ городахъ, но о другихъ я не знаю.

Всероссійская «чрезвычайка» поддерживала либеральное отношеніе къ декрету: по ея распоряженію въ концѣ апрѣля 1920 г. былъ разстрѣлянъ лѣвый с. р. Черепановъ, организовав-

шій взрывъ дома Московскаго Комитета Коммунистической Партіи (въ Леонтьевскомъ переулкѣ въ сентябрѣ 1919 г.). Желая помочь тѣмъ изъ своихъ мѣстныхъ органовъ, которые хотѣли быть лойяльными въ отношеніи къ декрету 16 февраля, та же Всероссійская «чрезвычайка» разослала 15 апрѣля 1920 г. секретный циркуляръ, который требовалъ отправки лицъ, подлежащихъ смертной казни, въ полосу военныхъ дѣйствій: туда дѣйствіе декрета не распространялось. Циркуляромъ мѣста врядъ ли воспользовались: они, даже не нарушая декрета, имѣли въ своемъ распоряженіи гораздо больше и болѣе простыхъ способовъ «вывести человѣка въ расходъ».

Въ концѣ марта 1920 г. одному ученому, сидѣвшему по обвиненію въ политическомъ преступленіи въ Самарской «чрезвычайкѣ» слѣдователь, выведенный изъ себя достойнымъ поведеніемъ арестованнаго сказалъ ему буквально слѣдующее: «Вы думаете декретъ 16 февраля спасаетъ Васъ отъ смерти. Ошибаетесь. Мы имѣемъ три способа расправиться съ Вами: можемъ помѣстить Васъ въ холодный подвалъ и тамъ забыть (стояла зима), можемъ положить Васъ въ палату тифозныхъ и оставить безъ ухода, можемъ устроить побѣгъ». «Я не побѣгу», возразилъ арестованный. «Бѣжать и не надо» — успокоилъ слѣдователь.

Всѣ эти бытовыя явленія въ жизни коммунистическаго государства являются показателями третьяго процесса, перерождающаго государство. Одновременно съ превращеніемъ свободной личности въ раба, одновременно съ безобразнымъ распуханіемъ аппарата управленія и пораженіемъ его гангреной бюрократизма съ вытекающими отсюда послѣдствіями въ видѣ волокиты, канцелярщины и безхозяйственности идетъ и перестройка государственной жизни подъ угломъ охранно-полицейскихъ интересовъ власти. Съ теченіемъ времени послѣдніе становятся все болѣе важными. Ихъ значеніе растетъ по мѣрѣ того, какъ власть, теряя изъ мѣсяца въ мѣсяцъ прежде поддерживающія ее общественныя силы, становится все болѣе одинокой, и все сильнѣе, все шире ненавидимой. Методъ оглушенія и устрашенія остается единственнымъ,который позволяетъ ей держаться. Методъ требуетъ соотвѣтствующихъ террористическихъ аппаратовъ и ихъ сильной работы. Такимъ аппаратомъ являются и такую работу ведутъ «чрезвычайки» всѣхъ ранговъ.

Специфическая охранно-полицейская точка зрѣнія во внут-

ренней государственной политикѣ сдѣлалась основной, а вліяніе носителей и представителей этой точки зрѣнія стало исключительно сильнымъ. Отсюда то огромное вѣдомственное вліяніе, которымъ въ работѣ государственнаго механизма пользуются охранно-террористическіе органы. Они имѣютъ свои собственныя войска, (батальоны особаго назначенія Всер. Чрезв. Ком.),имъ подчиненъ спеціальный корпусъ «войскъ внутренней охраны»,въ ихъ завѣдываніи находятся всѣ войска, несущія пограничную службу. Подъ ихъ вліяніемъ въ 1918 г. было запрещено пользованіе междугородними телефонами, въ 1920 г. — телеграфомъ, подъ ихъ властнымъ давленіемъ до сихъ поръ, даже послѣ фактическаго уничтоженія всеобщей трудовой повинности, передвиженіе людей по желѣзнымъ дорогамъ находится подъ контролемъ органовъ власти и можетъ совершаться только съ разрѣшенія послѣднихъ; они заставили ликвидировать всю періодическую и непеpіодическую печать Россіи, кромѣ казенной, и почти всѣ общественныя организаціи, въ томъ числѣ, чисто культурныя и чисто экономическія.

«Политика», представляемая «черезвычайками», въ Россіи доминируетъ надъ «экономикой». Вотъ одинъ изъ относящихся сюда примѣровъ. Казенные лѣсозаготовительные аппараты Архангельской губерніи не справлялись съ задачей заготовки топливныхъ и экспортно-строительныхъ матеріаловъ. Главный лѣсной Комитетъ вмѣстѣ съ президіумомъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, считали,что насущные экономическіе интересы государства требуютъ возстановленія въ Архангельской губ. разгромленнаго Союза Лѣсопромышленныхъ Трудовыхъ Артелей. Въ Архангельскъ выѣхала спеціальная коммиссія для возстановленія союза,но мѣстная «чрезвычайка» признала союзъ опаснымъ и его возстановить не могли...

Очевидная и неотвратимая гибель народнаго хозяйства, неспособность справиться съ нимъ методами «государственнаго регулированія», возстанія крестьянъ, волненія рабочихъ, Кронштадтская гроза — все это вынудило власть прокламировать «новый курсъ» въ своей экономической политикѣ. Казалось бы вмѣстѣ съ этимъ должно прійти свободное пользованіе телефономъ, телеграфомъ, свободное передвиженіе людей, — ничего этого не случилось. Охранно-политическіе интересы не позволили это сдѣлать.

Объявленная властью ставка на кооперацію требовала безчисленнаго количества работниковъ для возстановленія разгромленныхъ кооперативовъ, а между тѣмъ «новый курсъ» ознаменовался огромнѣйшими арестами кооператоровъ по всей Россіи. Нѣтъ губернскаго и сколько нибудь крупнаго уѣзднаго города, въ которомъ въ апрѣлѣ 1921 г. не были бы произведены «выемки» опытныхъ кооперативныхъ работниковъ.

«Новый курсъ» требовалъ вообще раскрѣпощенія Россіи отъ полицейскаго гнета, требовалъ ослабленія террористическихъ методовъ воздѣйствія и, однако, «новый курсъ» сопровождался такимъ усиленіемъ репрессій, такими арестами, что, по выраженію предсѣдателя одной губернской «чрзвычайки», сказанному въ формѣ зловѣщаго предсказанія (еще до репрессій) «1918 годъ поблѣднѣетъ передъ 1921 г.» *) Предсказаніе оправдалось вполнѣ: по количеству арестованныхъ 1918 годъ дѣйствительно поблѣднѣлъ передъ 1921 годомъ.

Оселкомъ, надежнымъ и точнымъ, для испытанія роли во внутренней политикѣ государства охранно-полицейскихъ интересовъ, а, слѣдовательно, силы «чрезвычаекъ» явился страшный голодъ 1921 г.. При первыхъ извѣстіяхъ, обрисовавшихъ его грандіозные размѣры, власть растерялась. Она испугалась политическихъ послѣдствій и сразу же почувствовала свою неспособность справиться съ бѣдствіемъ. Было очевидно: рессурсовъ истощенной Россіи для борьбы съ голодомъ не хватитъ, реальная помощь можетъ придти только изъ за границы. Но послѣдняя своихъ рессурсовъ совѣтской власти не довѣритъ. Положеніе казалось безвыходнымъ. Въ эту полосу растерянности власти въ Кремль отъ группы общественныхъ дѣятелей поступило предложеніе использовать организованныя общественныя силы Россіи для борьбы съ голодомъ. Иниціативная группа въ первомъ же своемъ обращеніи указывала на необходимость заграничной помощи и на свою надежду получить ее. «Кремль» съ радостью ухватился за предложеніе. 29 іюня въ вечернихъ телеграммахъ «Роста», расклеен-

---

*) Во время этого предсказанія (въ первой половинѣ апрѣля 1921 г.) циркуляръ Всеросс. Черезвыч. Комиссіи, требовавшій усиленія репрессій по отношенію къ членамъ всѣхъ партій, былъ уже полученъ и мѣстныя «черезвычайки» уже вели подготовительныя работы по его выполненію, но выполняться онъ еще не начиналъ.

ныхъ по Москвѣ было, между прочимъ, такое извѣщеніе: «группа общественныхъ дѣятелей до октябрьскаго періода во главѣ съ Прокоповичемъ, Кусковой и другими обратилась къ правительству съ предложеніемъ своихъ силъ по борьбѣ съ голодомъ. *Предложеніе принято*». Дальнѣйшія событія показали преждевременность послѣдней фразы.

Послѣ опубликованія телеграммы «РОСТА» въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ поступилъ протестъ В. Ч. К. противъ привлеченія къ борьбѣ съ голодомъ «дѣятелей до октябрьскаго періода». Протестъ мотивировался соображеніями «государственной безопасности». «Совнаркомъ» рѣшилъ созвать спеціальную конференцію изъ отвѣтственнѣйшихъ коммунистовъ, чтобы обсудить вопросъ о привлеченіи къ борьбѣ съ голодомъ общественныхъ силъ.

Въ самыхъ первыхъ числахъ іюля конференція состоялась. Ея участники высказывались за необходимость привлеченія общественныхъ силъ. Высказывались, конечно, безъ энтузіазма. Говорившіе признавались, что радости отъ сотрудничества съ «контръ-революціей» у нихъ нѣтъ, что могутъ быть всякія политическія осложненія, но выхода нѣтъ: продовольствіе необходимо получить изъ за границы, а безъ участія «контръ-революціонеровъ» его не получить. Тогда слово взялъ Менжинскій, представлявшій В. Ч. К. и заявилъ, что послѣдняя *ни въ коемъ случаѣ* не можетъ допустить работы «Общественнаго Комитета». Рѣчь была краткой, но сказана вѣско, съ ультимативнымъ подчеркиваніемъ словъ «ни въ коемъ случаѣ». Наступило молчаніе. Потомъ Рыковъ спросилъ съ мѣста: «что же, товарищъ Менжинскій, значитъ, въ случаѣ разрѣшенія образовать комитетъ, вы арестуете его членовъ?» «Не остановимся и передъ этимъ» также съ мѣста отвѣтилъ Менжинскій...

Менжинскій въ «чрезвычайкѣ» persona grata*) По общей характеристикѣ онъ послѣ Дзержинскаго является «первымъ человѣкомъ». Въ опредѣленіи общей политики «чрезвычайки» ему принадлежитъ руководящее вліяніе. Словъ на вѣтеръ онъ не бро-

---

*) По своему служебному положенію Менжинскій является завѣдующимъ одной изъ важнѣйшихъ частей Всероссійской «Чрезвычайки» — отдѣломъ заграничныхъ агентуръ.

саетъ. Я заинтересовался отношеніемъ къ его угрозѣ иниціаторовъ Обществ. Комитета и съ однимъ изъ послѣднихъ разговаривалъ на эту тему. «Событія сильнѣе ихъ угрозъ» отвѣтилъ мнѣ собесѣдникъ. «Кормить имъ голодныхъ надо,а безъ міровою хлѣба кормить нечѣмъ. Америка и Европа *имъ* хлѣба не дадутъ. Мы необходимы»... Разсчетъ, казалось, былъ правильный. И, однако, комитетъ, появившійся во второй половинѣ іюля, въ августѣ «чрезвычайкой» былъ разгромленъ. Приведенный силлогизмъ моего собесѣдника грѣшилъ въ своей основной посылкѣ — «кормить голодныхъ имъ надо». Еще нужнѣе имъ было удержать власть, а появленіе комитетовъ,организуя враждебныя власти силы,противорѣчило этой основной и *актуальнѣйшей* изъ современныхъ государственныхъ задачъ большевиковъ.Интересы голодающихъ и насущнѣйшіе интересы страны,заинтересованной въ первую очередь въ сохраненіи своего населенія, были принесены въ жертву охранно-полицейскимъ интересамъ власти. Двумя-тремя милліонами жизней больше, двумя-тремя меньше — что это значитъ на вѣсахъ исторіи, что это значитъ передъ задачей сохраненія... собственныхъ головъ.

Повторяю, «новый курсъ» экономической политики и голодъ 1921 г. были сильнѣйшими испытаніями для силы охранно-полицейскихъ интересовъ и для вѣса охранно-террористическихъ органовъ власти. Испытаніе выдержано съ честью: либеральный экономическій курсъ благополучно сочетался съ новымъ завинчиваніемъ террористическаго пресса, а интересами голодныхъ и умирающихъ просто напросто пренебрегли.

Роль «чрезвычаекъ» растетъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего ихъ растущая жестокость: такого количества разстрѣлянныхъ, какое было въ 1920-21 г. въ Крыму, Россія не знала даже при большевикахъ. Крымъ былъ залитъ кровью. Общее количество разстрѣлянныхъ по подсчету крымскихъ «чрезвычайщиковъ». колеблется въ предѣлахъ отъ 65 до 85 тысячъ человѣкъ. Изъ 15.600 *зарегистрированныхъ* офицеровъ, оставшихся въ Крыму изъ арміи Врангеля, въ живыхъ осталось только нѣсколько сотъ. Жизнь была сохранена только наиболѣе высоко квалифицированнымъ спеціалистамъ,въ которыхъ нуждалась красная армія. Всѣхъ остальныхъ «вывели въ расходъ». Въ Холмогорскомъ концентраціонномъ лагерѣ (Арханг. губ.) поздней осенью 1920 г.

было разстрѣляно свыше 3.000 офицеровъ... *) Въ февралѣ 1921 г. въ Омскѣ, Новониколаевскѣ, Красноярскѣ разстрѣляны также тысячи офицеровъ. Сколько именно,я не знаю,но разстрѣлы были безумно огромными... Число разстрѣлянныхъ по крупнымъ селамъ Ишимскаго, Ялуторовскаго, отчасти Тюменскаго, Петропавловскаго и Шадринскаго уѣздовъ въ февралѣ-мартѣ 1921 года выражалось сотнями на каждое село. Семьи, члены которыхъ ушли вмѣстѣ съ повстанцами, выбивались цѣликомъ отъ грудныхъ дѣтей до стариковъ, отъ старости не слѣзавшихъ съ печи... Послѣ Кронштадтскаго возстанія, помимо разстрѣлянныхъ по приговору трибуналовъ, по рѣшенію «чрезвычайки» было разстрѣляно свыше 2.000 матросовъ и солдатъ (въ мартѣ-апрѣлѣ 1921 г.).

Объ усиленіи дѣятельности, а значитъ и роли «чрезвычаекъ» свидѣтельствуетъ число арестованныхъ: въ 1921 г. ихъ было больше.чѣмъ въ любой изъ предшествующихъ годовъ совѣтской власти. По политическимъ мотивамъ были арестованы тысячи лицъ, которыя въ предшествующіе годы не были арестовываемы *ни разу*. «Чрезвычайки» добыли списки лицъ, которые въ 1917 г. выставлялись отъ партій кандидатами при выборахъ въ Учредительное Собраніе, земство, городскія самоуправленія, и по спискамъ арестовывались *всѣ*...Москву въ теченіе 1921 г. *шесть* разъ поднимали на ноги массовыми арестами, длившимися по нѣскольку дней (въ январѣ, февралѣ, мартѣ, іюнѣ, августѣ, ноябрѣ)... Въ 1921 году (въ маѣ и ноябрѣ) въ первый разъ, за годы совѣтской власти, массовые аресты были произведены среди студенчества... Растетъ число заключенныхъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ: по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ ихъ было: въ концѣ 1919 г.—21.000. въ концѣ 1920 г. — 89.000, въ срединѣ 1921 г. 130-150 тысячъ человѣкъ.

Правительственный терроръ не стихаетъ. Онъ усиливается. Онъ *будетъ* усиливаться, ибо нужда въ немъ растетъ: власть все исключительнѣе держится штыками и все меньше сочувствіемъ и поддержкой населенія. Въ попыткахъ добиться своего признанія Европейскими государствами, совѣтская власть пойдетъ и на

*) Большинство разстрѣлянныхъ были офицерами Кубанской арміи, сдавшейся большевикамъ въ 1920 г. на условіи сохраненія жизни всѣмъ сдавшимся.

реформированіе своего террористическаго аппарата. «Чрезвычайки» формально могутъ быть даже упразднены, но существо дѣла не измѣнится: онѣ будутъ сохранены подъ другими названіями, и ихъ работа не станетъ менѣе напряженной. Такъ упраздненіе въ прошломъ уѣздныхъ чрезвычайныхъ комиссій съ замѣной ихъ «политическими бюро» террора не уменьшило.

Въ «Работникѣ просвѣщенія» (органъ комиссаріата просвѣщенія) «теоретикъ» коммунизма и лидеръ крайняго лѣваго крыла коммунистической партіи — Бухаринъ писалъ: «Съ болѣе широкой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія большого по величинѣ историческаго масштаба, пролетарское принужденіе во всѣхъ своихъ формахъ, начиная отъ разстрѣловъ и кончая трудовой повинностью, какъ парадоксально это ни звучитъ, является методомъ выработки коммунистическаго человѣчества изъ человѣческаго матеріала капиталистической эпохи»... Власть можетъ отказаться отъ *всѣхъ* пріемовъ «выработки коммунистическаго человѣчества», но только не отъ разстрѣловъ: этотъ методъ непреходящъ. Политическій терроръ, пока существуетъ современная совѣтская власть, будетъ въ Россіи сохраненъ. Поэтому, читатель, при извѣстіяхъ о реформѣ или упраздненіи «чрезвычаекъ» въ Россіи всегда помните безсмертнаго К. Пруткова—«когда на клѣткѣ съ буйволомъ увидишь надпись «слонъ», не вѣрь глазамъ своимъ». Главенство во внутренней политической жизни охранно-полицейскихъ интересовъ и террористическихъ задачъ является самымъ прочнымъ «завоеваніемъ» Россіи, полученнымъ въ результатѣ октябрьской революціи.

Заостреніе диктатуры. Борьба населенія съ властью, помимо верховенства охранно-полицейскихъ интересовъ во внутренней политикѣ, дала и еще два послѣдствія. Первое выражается въ выдѣленіи членовъ коммунистической партіи въ привилегированный, матеріально самый устроенный слой, второе послѣдствіе можетъ быть опредѣлено, какъ заостреніе диктатуры.

О первомъ явленіи я буду говорить во второй части книги— въ главѣ, посвященной коммунистической партіи. О второмъ скажу теперь же.

Власть совѣтовъ появилась на свѣтъ Божій, какъ политическое выраженіе диктатуры пролетаріата. Съ значительной долей вѣроятности можно утверждать, что большинство рабочихъ въ

первый годъ совѣтской власти было за нее. Такое положеніе продолжалось, однако, недолго. Рабочіе ряда крупныхъ заводовъ (Обуховскій, Трубочный и др.) даже въ Петроградѣ были противниками новой власти даже въ ея медовые мѣсяцы. Довольно стойкимъ противникомъ новой власти въ своемъ большинствѣ и всѣ годы былъ и наиболѣе развитой слой среди пролетаріата—типографскіе рабочіе. Во второй половинѣ 1918 года подъ вліяніемъ предметныхъ уроковъ жизни началось отрезвленіе и тѣхъ рабочихъ, которые были раньше сторонниками новой власти. Нелегальныя противоправительственныя организаціи въ это время могли вербовать уже довольно значительное количество своихъ сторонниковъ среди рабочихъ въ столичныхъ и провинціальныхъ городахъ.

Рабочія волненія, начавшіяся въ 1919 г., сдѣлали этотъ процессъ отхода отъ власти рабочихъ нагляднымъ. Наконецъ, широкое движеніе рабочихъ въ началѣ 1921 г. показало, что власть окончательно потеряла большинство этого соціальнаго пласта.

По мѣрѣ того, какъ процессъ отхода рабочихъ становился все четче и шире, диктатура пролетаріата все полнѣе превращалась въ диктатуру надъ пролетаріатомъ. Истиннымъ носителемъ власти становилась коммунистическая партія. Туманныя мѣста совѣтской конституціи, говорившія о порядкѣ выборовъ, дали возможность власти сдѣлать голосованіе открытымъ, выборы мажоритарными и проводимыми въ скорострѣльномъ порядкѣ. Открытое голосованіе дало власти возможность знать своихъ противниковъ, а неограниченный произволъ «чрезвычаекъ» позволилъ широко примѣнять къ нимъ любыя мѣры возмездія, начиная съ арестовъ и заключеній въ подвалы и тюрьмы. Скорострѣльный порядокъ выборовъ, объявляемыхъ въ предпріятіяхъ сплошь и рядомъ за сутки до голосованія, не давали возможности оппозиціи не только сорганизоваться, но даже столковаться. Назначаемыя властью избирательныя комиссіи могли въ любую минуту прервать избирательное собраніе отложить его ad calendas græcas *) Политическіе комиссары предпріятій своей властью могли снять любой списокъ кандидатовъ, какъ «контръ-революціонный», и не

---

*) Весной 1921 г. выборы депутатовъ въ Московскій Совѣтъ отъ служащихъ Комиссаріата Земледѣлія не могли произойти въ теченіи цѣлаго мѣсяца: избирательная комиссія нѣсколько разъ прерывала собранія служащихъ въ виду ихъ «контръ-революціоннаго состава и настроенія».

допустить по той же причинѣ обсужденія любого наказа для избираемыхъ. Сами кандидаты оппозиціи зачастую вмѣсто совѣта попадали въ подвалъ или тюрьму. Наконецъ, если всѣ эти мѣры не давали желательнаго власти состава совѣта, послѣдній могъ быть немедленно распущенъ. Такъ послѣ неудачныхъ для власти выборовъ въ 1921 г. въ Смоленскій городской совѣтъ (въ большинствѣ прошли безпартійные и с. д. меньшевики), послѣдній былъ распущенъ старымъ составомъ совѣта, а въ городѣ введено осадное положеніе. По отношенію къ губернскимъ съѣздамъ совѣтовъ въ провинціи поступаютъ еще проще: оппозицію арестовываютъ и держатъ, «пока не одумается».

Всѣ эти пріемы дали возможность власти сдѣлать составъ совѣтовъ «*своимъ*». Такіе совѣты не протестовали, когда власть отмѣнила предусматриваемое совѣтской конституціей право каждаго «трудящагося» организовывать всякаго рода союзы и партіи, собирать собранія, пользоваться свободой слова, издавать любыя произведенія печати и т. д. Единственной легальной политической организаціей, оставшейся въ совѣтской Россіи, является коммунистическая партія. Она одна свободно пользуется печатнымъ и живымъ словомъ, правомъ собирать съѣзды, собранія и т. д. Ея жизнь и работа оплачивается средствами изъ государственнаго казначейства. Въ ея распоряженіи типографіи, автомобили, телеграфъ, телефонъ, свободное и безплатное передвиженіе на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, крестьянскихъ лошадяхъ и т. д. Она имѣетъ оружіе, производитъ обученіе своихъ членовъ военному строю, имѣетъ особые коммунистическіе отряды, участвуетъ въ обыскахъ, въ карательныхъ экспедиціяхъ и т. д. Ея члены занимаютъ всѣ отвѣтственныя мѣста въ центральныхъ и мѣстныхъ органахъ управленія. Благодаря этому, постановленіе партійныхъ органовъ регулируетъ всю жизнь государства. Верховной властью въ «республикѣ совѣтовъ» является не Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, не Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ и не Исполнительный Комитетъ послѣдняго, а коммунистическая партія.

Верховнымъ органомъ партіи является съѣздъ ея членовъ, но это громоздкій и поэтому рѣдко собираемый органъ. Въ той быстро идущей, сложной, напряженной и полной всякихъ неожиданностей жизни, которой живетъ Россія, и которая требуетъ часто быстрыхъ и отвѣтственныхъ рѣшеній, громоздкимъ съѣздамъ, оче-

видно, можетъ, принадлежать лишь ничтожно малое значеніе. Для такихъ рѣшеній необходимъ гибкій, подвижный, постоянно находящійся въ сборѣ органъ. Имъ является Центральный комитетъ коммунистической партіи. Послѣдній фактически и правитъ Россіей, предписывая въ порядкѣ партійной дисциплины свою волю Совѣту Народныхъ Комиссаровъ, члены котораго — всѣ коммунисты и большинству членовъ Всероссійскаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ.

Процессъ заостренія диктатуры не остановился, однако, и на Центральномъ Комитетѣ. Составъ послѣдняго является въ значительной мѣрѣ случайнымъ; онъ опредѣляется съѣздомъ партіи, а съѣздъ можетъ выбрать, съ точки зрѣнія вождей партіи, и неподходящихъ, случайныхъ лицъ. По вопросамъ, обсуждаемымъ и рѣшаемымъ Центральнымъ Комитетомъ, возможны «утечки», и онѣ могутъ создавать освѣдомленность тѣхъ круговъ, которые о рѣшеніи Центральнаго Комитета ни въ коемъ случаѣ освѣдомлены быть не должны. А такихъ рѣшеній не мало. Особенно много ихъ въ области внѣшней политики Республики совѣтовъ. Для рѣшенія такихъ дѣлъ требуется особенно осторожный подборъ вѣрныхъ людей.

Внутри Центральнаго Комитета необходимо было создать новую, болѣе узкую по составу и — съ широкими полномочіями группу, въ которую случайныя лица въ Центральномъ Комитетѣ попасть бы не могли. Группа была создана. Она называется Политическимъ Бюро Центральнаго Комитета Коммунистической Партіи — («Политбюро Цека Р. К. П.». «Политбюро» избирается самимъ Центральнымъ Комитетомъ. Въ его задачи входитъ выработка рѣшеній по основнымъ вопросамъ внутренней и особенно внѣшней политики Россіи. По внутренней конституціи Центральнаго Комитета «Политбюро» подготовляетъ только проэкты рѣшеній, утверждаетъ ихъ пленумъ Центральнаго Комитета. Фактическое положеніе вещей давно разошлось съ юридическимъ: «политбюро» докладываетъ далеко не о всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ и не по всѣмъ имъ нуждается въ санкціи. Мнѣ извѣстенъ случай, когда на запросъ одного изъ членовъ Ц. К. на засѣданіи послѣдняго, о дѣйствіяхъ «политбюро» по отношенію къ одному государству, Ленинъ отъ имени «политбюро» отвѣтилъ указаніемъ на невозможность сообщить предпринятыя мѣры «даже Центральному Комитету». «Вы понимаете» сказалъ онъ, «что область къ

которой относится вопросъ,является столь деликатной и тонкой,въ ней полная тайна до такой степени гарантируетъ успѣхъ, что отвѣчать на запросъ значило бы вредить дѣлу». Отвѣтъ на запросъ не былъ данъ и комитетъ не возражалъ.

Политбюро состоитъ изъ 5 человѣкъ. Изъ его состава въ началѣ 1921 г. я помню только трехъ: Ленина, Крестинскаго и Сталина.

Такимъ образомъ, важнѣйшіе вопросы государственной жизни страны, вопросы, связанные съ ея отношеніями къ другимъ государствамъ и вызывающіе войну и миръ, безконтрольно сосредоточены въ рукахъ пяти человѣкъ.

Такъ отъ диктатуры класса страна дошла до фактической директоріи, до диктатуры «пятерки».

Власть на мѣстахъ. Новой чертой, рѣзко отличающей укладъ Россійской республики совѣтовъ отъ нормальнаго облика государства, является хаотическая раздробленность ея государственной власти. Выше я уже указывалъ эту болѣзнь, говоря о безвластіи центра и самовластіи мѣстъ. Я далъ также матеріалъ для пониманія этого явленія въ его генезисѣ. Три основныя причины породили его: дефекты въ конструкціи административныхъ органовъ управленія, историческій ходъ складыванія власти совѣтовъ, неразработанность государственнаго права.

Совѣты являются одновременно и органами мѣстнаго самоуправленія и органами государственнаго управленія, избранными мѣстнымъ населеніемъ. Всѣ органы государственнаго управленія на мѣстахъ являются рабочимъ аппаратомъ мѣстныхъ совѣтовъ. Уже одна конструкція предрѣшаетъ неизбѣжные и постоянные конфликты центральной власти съ мѣстной. Для каждаго отвѣтственнаго мѣстнаго работника она создаетъ двойную подчиненность: въ качествѣ лица,осуществляющаго обще-государственныя задачи, онъ подчиненъ центру, а въ качествѣ избраннаго мѣстнымъ исполнительнымъ комитетомъ, онъ вполнѣ зависитъ отъ своихъ избирателей. Такъ какъ послѣдняя зависимость непосредственнѣй и напряженнѣй, а, слѣдовательно, и реальнѣй, то мѣстные интересы и мѣстное мнѣніе для всѣхъ мѣстныхъ комиссаровъ (продовольствія, финансовъ, труда, военнаго, образованія и т. д.) были и остаются болѣе близкими и важными, чѣмъ интересы и мнѣнія центральной власти. Отсюда самовластіе мѣстъ

или, по современному ироническому опредѣленію анархіи, царящей въ административной практикѣ, «власть на мѣстахъ».

Центръ, конечно, сильнѣе мѣстъ и въ случаяхъ очень серьезныхъ конфликтовъ онъ всегда имѣетъ возможность настоять и заставить сдѣлать по своему. Остается, однако, безчисленное количество мелкихъ, такъ сказать, ежедневныхъ расхожденій и они порождаютъ безчисленныя тренія, волокиту, замедленное проведеніе въ жизнь даже важнѣйшихъ рѣшеній центра, создается административный хаосъ. Его завершаютъ случаи прямого отказа мѣстъ отъ исполненія распоряженій центра. Во всѣхъ мелкихъ случаяхъ, изъ которыхъ складывается ежедневная жизнь, мѣста сильнѣе центра и они ведутъ свою собственную линію. «Плевать на центръ» — эта фраза постоянна въ устахъ мѣстныхъ комиссаровъ. И она не бахвальство: въ ней выражается подлинное «соотношеніе силъ».

Обрисованный выше ходъ распространенія власти совѣтовъ по территоріи Россіи усилилъ права мѣстъ на ихъ «самоопредѣленіе». Крупная роль, сыгранная ими въ первое время совѣтской власти, обусловила ихъ высокое представленіе о своихъ «заслугахъ» передъ республикой и чувство своихъ большихъ правъ. Сила мѣстъ и ихъ чувство своихъ большихъ правъ поддерживается и памятью о тѣхъ нормахъ во взаимоотношеніяхъ съ центромъ, которыя сложились въ пору первоначальной организаціонной слабости послѣдняго. Наконецъ, политическая жизнь и послѣднихъ лѣтъ, часто прерываемая въ своемъ нормальномъ теченіи мѣстными возстаніями и изоляціей провинціальной власти отъ центральной, заставляетъ послѣднюю не очень нажимать на мѣста въ смыслѣ жесткаго и твердаго урѣзыванія ихъ правъ: бурная политическая жизнь заставляетъ цѣнить иниціативу мѣстъ и ихъ способность самостоятельно справляться съ мѣстной бѣдой.

Воду на мельницу мѣстной власти дала и неразработанность нормъ государственнаго права. Совѣтское законодательство совершенно не имѣетъ декретовъ, которые бы регулировали взаимоотношенія центральной и подчиненной власти. Послѣдняя, слѣдовательно, имѣетъ полную свободу въ пониманіи своихъ компетенцій, своихъ правъ и обязанностей. И въ этомъ пониманіи мѣстные дѣятели, конечно, не склонны урѣзывать себя.

Въ результатѣ всѣхъ указанныхъ причинъ «власть на мѣстахъ» безпрерывно «самоопредѣляется» отъ центральной, игно-

рируя рѣшенія и распоряженія послѣдней и дѣйствуя по своему. Выше я приводилъ уже примѣры изъ «автономной» дѣятельности мѣстной власти въ области террора. Вотъ рядъ другихъ примѣровъ изъ различныхъ областей жизни, относящихся къ послѣднему году захватываемаго книгой періода.

Въ Крыму (послѣ занятія его совѣтскими войсками), когда онъ, сначала венгерскимъ коммунистомъ Бела Кунъ, а потомъ секретаремъ Московскаго комитета коммунистической партіи, если не ошибаюсь, Яковлевой топился въ крови, были случаи не только ареста, но и разстрѣловъ уполномоченныхъ различныхъ центральныхъ комиссаріатовъ... Когда въ центрѣ давно и торжественно былъ объявленъ «новый курсъ» экономической политики, въ это время въ Тульской и Пермской губерніяхъ мѣстная власть громила чудомъ сохранившіяся до того времени кооперативныя организаціи. И она «плевала» на уговаривающія и угрожающія телеграммы, славшіяся изъ центра... Кустари Рузскаго уѣзда (Московской губ.) выполнявшіе срочную работу по снабженію арміи и потому освобожденные центромъ даже отъ воинской повинности, были мобилизованы мѣстнымъ совѣтомъ на трудповинность. Кустари отказались прекратить свою работу и послали представителя съ жалобой въ Москву. Представитель привезъ письменное предписаніе не трогать кустарей. Но кустари были все-таки мобилизованы, ихъ отправили пѣшкомъ за 40 верстъ въ уѣздный городъ и тамъ въ теченіи трехъ дней они... носили воду въ уѣздный совѣтъ, кололи дрова, топили печи... Въ Ветлужскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи) весною 1921 г. въ самый разгаръ весеннихъ работъ крестьяне вооруженной силой были согнаны съ полей и съ лошадьми отправлены на подвозку бревенъ къ рѣкѣ (для сплава). И это въ періодъ, когда началось «государственное регулированіе сельскаго хозяйства» и «сельско-хозяйственный фронтъ» центральной властью былъ объявленъ «ударнымъ»... Въ концѣ апрѣля 1921 г., несмотря на объявленную свободу торговли, въ Вяткѣ на моихъ глазахъ въ милицію забирались крестьяне съ продуктами и продукты у нихъ отбирались... Въ центрѣ былъ объявленъ декретъ о запрещеніи административной реквизиціи домашняго имущества и личныхъ вещей, а по всей Россіи реквизиціи продолжались по прежнему... Центръ сдаетъ въ аренду промысловыя предпріятія, а мѣстная власть снова ихъ реквизируетъ... Послѣ объявленія «новаго курса» распоряженіемъ центра

въ рядѣ губерній были сняты заградительные продовольственные отряды, а мѣстныя власти считали распоряженіе вреднымъ и отряды мѣсяцами стояли послѣ декрета и послѣ дополнительныхъ грозныхъ инструкцій комиссаріата продовольствія... По декрету, который вышелъ въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1921 г., рабочіе отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій получили право снаряжать экспедиціи за продовольственными продуктами, причемъ фабрики и заводы должны были снабжать ихъ для товарообмѣна вырабатываемыми издѣліями. Изъ Москвы и Петрограда выѣхали десятки рабочихъ экспедицій. Однако,лишь немногія изъ нихъ имѣли успѣхъ и кое что привезли. Огромное большинство вернулось ни съ чѣмъ. Нѣсколько экспедицій на мѣстахъ были арестованы, у нѣкоторыхъ отобраны были привезенныя для товарообмѣна издѣлія. Большинство избѣжало этихъ непріятностей, но продовольствія не привезли. Причина неудачъ крылась въ поведеніи мѣстной власти: она считала декретъ нарушающимъ программу ея продовольственной дѣятельности и делегаціямъ категорически было запрещено совершать ихъ торговыя операціи. Телеграфныя жалобы въ центръ и распоряженія изъ центра, требовавшія исполненія декрета дѣла не улучшили: «власть на мѣстахъ осталась при своемъ мнѣніи и своемъ рѣшеніи».

Читателю понятно, какую неопредѣленность и анархію вноситъ въ жизнь населенія этотъ сепаратизмъ мѣстъ. Онъ не даетъ возможности опредѣлить дозволенное и запрещенное, даже въ скромныхъ предѣлахъ жизни, которая регулируется писаннымъ закономъ. Всякое дѣйствіе, совершаемое гражданиномъ, полно неопредѣленности и риска. Любая коммерческая и промышленная дѣятельность, разъ она охватываетъ широкій районъ, превращается въ азартную игру.

Читателю понятно также, что та программная идея «единаго планового хозяйства», съ которой большевики пришли къ власти и которая требуетъ при ея революціонномъ проведеніи единаго централизованно-послушнаго аппарата, не могла не терпѣть постояннаго ущерба. Снабженіе топливомъ, сырьемъ, продовольствіемъ, денежными средствами, обмундированіемъ — все это для предпріятій, хотя-бы и подчиненныхъ центру, но расположенныхъ въ провинціи, находится часто въ рукахъ мѣстной власти, а послѣдняя имѣетъ свою голову на плечахъ и своя оцѣнка складывается тамъ. Элементы производства фактически распредѣля-

лись далеко не такъ, какъ того желалъ центръ. — Это, конечно, усиливало перебои въ дѣятельности промышленныхъ предпріятій и вело къ ускоренному распаду народнаго хозяйства.

Всякая серьезная попытка оздоровить внутреннюю жизнь Россіи и ввести ее въ русло нормальнаго государственнаго общежитія, въ первую очередь должна встрѣтиться съ этой анархической децентрализованностью административнаго аппарата, которая превращаетъ формально-единую страну въ пестрый конгломератъ безчисленныхъ феодовъ. Къ эпохѣ средневѣковья откатилось вновь натурализовавшееся хозяйство современной Россіи; чертами той-же эпохи, съ характерной для нея раздробленностью государственной власти, характеризуется организація и дѣятельность русскаго административнаго аппарата.

«Власть на мѣстахъ» является сильнѣйшимъ препятствіемъ для возстановленія и нормальнаго хода народо-хозяйственной жизни. Денежно-мѣновой строй экономическихъ отношеній, превращающій страну въ единый, прочно связанный, хозяйственный организмъ и потому требующій для себя въ качествѣ необходимаго предварительнаго условія единства правовыхъ нормъ, единаго суда и единой администраціи, невозможенъ въ административной обстановкѣ совѣтской Россіи. Коренное измѣненіе послѣдней — необходимѣйшая изъ предпосылокъ для хозяйственнаго возрожденія страны. Я, однако, очень сомнѣваюсь, чтобы эту предпосылку могла создать совѣтская власть: устойчивую, исторически-сложившуюся и исторически оправдавшую свое существованіе «власть на мѣстахъ» центру побѣдить будетъ не легко. А если онъ и побѣдитъ, то далеко не сразу и не скоро.

Разрушеніе государственнаго хозяйства. Разгромъ народохозяйственеой жизни не могъ, конечно, не отразиться и на государственномъ хозяйствѣ. Несмотря на введеніе въ его кругъ огромнаго количества предпріятій, находившихся ранѣе въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, общій размѣръ матеріальныхъ цѣнностей, которыми оперируетъ государство, уменьшился. Обнищаніе страны вызвало обнищаніе и государства. Попробуемъ учесть размѣры этого государственнаго оскудѣнія.

Государственный бюджетъ въ Россійской Имперіи въ 1913 г. равнялся 3.208 милліон. рублей. Бюджетъ Совѣтской Россіи выражался въ слѣдующихъ цифрахъ (милліарды руб.):

	Расходъ	Приходъ	Дефицитъ		
1918 г.......	46,7	15,6	31,1	66,6%	расхода
1919 г.......	215,4	49,0	166,4	77,3%	»
1920 г.......	1.114,8	159,6	955,2	85,7%	»

Приведенныя цифры, заимствованныя мной изъ опубликованныхъ совѣтскихъ бюджетовъ, требуютъ трехъ пояснительныхъ замѣчаній: 1) онѣ относятся къ совѣтской Россіи безъ Украйны, Кавказа и Туркестана, а для двухъ первыхъ годовъ и безъ Сибири; 2) онѣ далеко не точно выражаютъ дѣйствительность въ своихъ графахъ прихода и расхода; 3) онѣ исчислены въ рубляхъ съ бурно понижающейся изъ года въ годъ цѣнностью. Чтобы сравнить государственный бюджетъ довоеннаго времени съ совѣтскимъ, необходимо на всѣ три обстоятельства внести поправки.

Уточнить цифры совѣтскаго государственнаго бюджета вслѣдствіе отсутствія данныхъ, нѣтъ возможности. Приходится принять ихъ въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть... Населеніе, на которое распространялось дѣйствіе совѣтскаго государства, въ среднемъ для трехъ годовъ слѣдуетъ считать приблизительно въ 50 проц. противъ 1913 г., такъ какъ въ послѣднемъ году населенія было 160 милліоновъ человѣкъ, мы примемъ населеніе совѣтскаго государства въ 80 милліоновъ человѣкъ... Стоимость совѣтскаго рубля переведемъ на полноцѣнный золотой рубль, исходя изъ цѣнъ на золото. Золотой рубль по оффиціальнымъ подсчетамъ равнялся: въ 1918 г. — 65 руб. совѣт. руб., въ 1919 г. — 426,7 руб., 1920 г. — 4776 совѣтскимъ рублямъ. Одинъ переводъ государственнаго расхода на золотые рубли, однако, не выразитъ всю величину цѣнностей, расходуемыхъ государствомъ: помимо денегъ, государство платило еще выколоченными у крестьянства продовольственными продуктами. Стоимость этихъ продуктовъ (по цѣнамъ 1913 г.), по подсчетамъ коммуниста Преображенскаго, равнялась (въ милліонахъ рублей) въ 1918 г. — 127, въ 1919 — 253, въ 1920 — 451.

Суммируя всѣ расходы и переводя ихъ на одного жителя, получимъ слѣдующую таблицу:

	Денежный расходъ	Расходъ продовол.	Весь расходъ	На одного человѣка	
	Въ милліонахъ	золотыхъ	рублей		
1913 г..........	3.208	—	3.208	20	рубл.
1918 г..........	719	127	846	10,6	»
1919 г..........	505	253	758	9,5	»
1920 г..........	233	451	684	8,5	»

Такимъ образомъ, несмотря на огромное увеличеніе эксплуатаціонныхъ расходовъ, связанное съ національзаціей прежнихъ частныхъ предпріятій, вся расходуемая государствомъ сумма упала съ 3.208 милліоновъ рублей въ 1913 году до 684 милліона въ 1920 году и съ 20 рублей на одного человѣка до 8,5 руб. Паденіе идетъ неуклонно изъ года въ годъ. Оно продолжается даже въ 1920 г., несмотря на захватъ совѣтской властью богатѣйшихъ областей съ мало разрушеннымъ хозяйствомъ въ нихъ. Обнищаніе государства не могло, конечно, не отразиться роковымъ образомъ на его культурной работѣ въ области образованія, благоустройства, охраны здоровья и т. д.

Въ дѣйствительности сокращеніе государственныхъ расходовъ было гораздо большимъ, такъ какъ цѣна золота поднималась гораздо медленнѣе, чѣмъ цѣны на предметы первой необходимости. Покупательная способность золотого рубля въ 1920 году была гораздо ниже покупательной стоимости его въ 1913 году. Я уже сообщалъ, что цѣны на 12 важнѣйшихъ продуктовъ (хлѣбъ, мясо, дрова, соль, сахаръ, крупы и пр.) въ апрѣлѣ 1920 г. поднялись противъ 1913 г. въ 112.583 раза, а цѣна золота въ это-же время увеличилась только въ 12.000 разъ, т. е., въ 9 разъ меньше.

Огромное сокращеніе цѣнностей, которыми располагало государство, несмотря на сильное расширеніе его хозяйства, такова первая особенность совѣтскаго государственнаго хозяйства. Его другими особенностями является: 1) упорное, несмотря на всѣ уроки жизни, стремленіе власти слить хозяйство государственное съ хозяйствомъ народнымъ, 2) растущая изъ года въ годъ дефицитность, 3) покрытіе дефицита исключительно выпускомъ бумажныхъ денегъ, 4) отсутствіе плана и 5) ужасающая небрежность и расточительность въ обращеніи съ цѣнностями, попадающими государству.

О послѣдней изъ названныхъ чертъ уже говорилось.*) Остановимся на четырехъ другихъ.

---

*) Факты, иллюстрирующіе уголовную безхозяйственность совѣтской власти, могутъ быть умножены до безконечности. Приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, относящіеся къ расходованію денегъ. Они заимствованы мной изъ оффиціальнаго доклада Президіуму Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства послѣ ревизіи «Центротекстиля» (Центральное управленіе текстильной промышленностью совѣтской республики): «Финансовый кредитный

Попытки слить народное хозяйство съ государственнымъ проявлялись не только въ отношеніи промышленности, транспорта, торговли и кредита, онѣ непрерывно направлялись и на сельское хозяйство страны. Здѣсь онѣ продолжались даже послѣ объявленія «новаго курса» и именно въ это время нанесли земледѣлію наиболѣе тяжелые непосредственные удары. Сначала власть пыталась вогнать сельское хозяйство въ фарватеръ «государственно-урегулированнаго хозяйства» при помощи сельско-хозяйственныхъ коммунъ и артелей, потомъ при посредствѣ государственныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ (совѣтскія хозяйства или «совхозы»), наконецъ, когда ясно обрисовалась неудача на этихъ путяхъ, *) власть пришла къ дикой мысли сдѣлать объектомъ своего регулирующаго воздѣйствія крестьянское индивидуальное хозяйство, какъ таковое. Въ 1921 году былъ созданъ дикій планъ «государственнаго регулированія сельскаго хозяйства», по которому органы государства должны были опредѣлить каждому крестьянскому двору не только посѣвную площадь и пропорцію культуръ, — но и техническіе пріемы, при работѣ въ полѣ, на лугу и въ саду. Планъ сталъ декретомъ и проводился въ жизнь въ 1921 г., когда былъ объявленъ «новый курсъ» и народо-хозяйственная жизнь въ другихъ областяхъ уже начала освобождаться

отдѣлъ «Центротекстиля» до 1 февраля 1919 г. получилъ 3.400 милліоновъ рублей. Контроля надъ расходованіемъ денегъ не существовало. Деньги выдавались фабрикамъ по первому ихъ требованію въ формѣ авансовъ подъ фактуру, благодаря чему нерѣдко бывали случаи, когда деньги выдавались несуществующимъ фабрикамъ. Такъ, напримѣръ, одна частная давальческая (раздаточная С. М.) контора получила 400.000 руб. Такъ какъ для полученія этихъ денегъ требовалась подпись фабрично-заводского комитета, то таковой былъ образованъ конторой изъ кухарки, горничной и няни... За время съ 1 января по 1 декабря 1918 г. авансовъ подъ товаръ было выдано 1.348.619 тысячъ рублей. Товаровъ же, обезпечивающихъ выдачу аванса, оказалось къ 1 января 1919 года только на сумму 143.716.000 рублей, т. е. на 1.204.903.000 рубл. меньше».

*) Къ февралю-марту 1921 года коллективно-земледѣльческихъ хозяйствъ всѣхъ видовъ и во всей совѣтской Россіи было 14189 съ числомъ членовъ около милліона человѣкъ и съ земельной площадью въ 1,5 милліона десятинъ. Цифры эти относительно малы: населеніе новыхъ хозяйствъ равняется примѣрно только 1% *всего* сельскаго населенія. «Совхозовъ» въ іюлѣ 1920 г. въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи было 3076 съ земельной площадью (безъ лѣса) въ 1.638.567 десятинъ, т. е. около 1% всѣхъ земель. Такимъ образомъ коллективныя и государственныя хозяйства заняли лишь 2% общей земельной площади.

отъ жестокихъ государственныхъ путъ. Часть (но только часть) послѣдствій этого плана я уже указалъ, говоря во второй главѣ о снабженіи сельскаго хозяйства сѣменами.

Дефицитность государственнаго хозяйства, какъ мы видѣли, растетъ изъ года въ годъ: въ 1918 г. она равнялась 66,6 проц. расхода, въ 1919 г. — 77,3 проц., въ 1920 г. — 85,7 проц.. Успѣхи тутъ не превышаютъ успѣховъ во всей народо-хозяйственной политикѣ.

Весь дефицитъ покрывается исключительно денежно-бумажной инфляціей. Денегъ было выпущено (въ милліардахъ рублей): въ 1918 г. — 36.952; въ 1919 г. — 163.751; въ 1920 г. — 955.233. Въ моментъ моего отъѣзда изъ Россіи суточное производство денегъ было поднято до 11 милліардовъ въ сутки. Всего за 1921 г., судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, выпущено было около 10 трилліоновъ рублей. Печатаніе бумажныхъ денегъ является единственнымъ производствомъ въ рукахъ большевиковъ, которое въ своей продукціи растетъ безпрерывно. Отъ потребностей, однако, отстаетъ и оно; недостатокъ денегъ съ каждымъ годомъ, а теперь съ каждымъ мѣсяцемъ становится все напряженнѣй. Въ маѣ 1921 г. онъ достигъ такой остроты, что на засѣданіи малаго «совнаркома» Ленинъ, пожимая плечами и недоумѣвая, обронилъ слѣдующую фразу: «неужели отъ такой ерунды, какъ голодъ и недостатокъ денежныхъ знаковъ, мы сломимъ себѣ головы?»...

Государство должно вездѣ и всѣмъ. Оно мѣсяцами не платитъ рабочимъ, учителямъ, служащимъ совѣтскихъ учрежденій, крестьянамъ (за отобранные продукты, за рубку и возку лѣса, за сплавъ его и т. д.) и нерѣдко даже воинскимъ частямъ. Такъ дѣло обстоитъ не только въ провинціи, переживающей хроническое безденежье, но даже въ Петроградѣ и Москвѣ. Недостатокъ денегъ настолько остръ, что зачастую не могутъ быть реализуемы ассигнованія даже на такія экстренныя мѣропріятія, какъ борьба съ вредителями въ сельскомъ хозяйствѣ (саранча, суслики, луговой мотылекъ, вредители садовъ и т. д.). Въ 1921 г. изъ лѣса уже сплавленнаго по водѣ къ конечнымъ пунктамъ, изъ воды не было выгружено около 1.500.000 кубическихъ саженъ древесины. И это несмотря на острѣйшій недостатокъ топлива и лѣсостроительныхъ матеріаловъ. Причина невыгрузки—отсутствіе продовольствія, фуража и *денежныхъ знаковъ*. Лѣсъ, оставленный въ водѣ, тонулъ, уносился водой, разворовывался.

На почвѣ недостатка денежныхъ знаковъ разыгрываются эпизоды, врядъ-ли извѣстные въ исторіи какого-либо государства: такъ, въ іюнѣ 1921 г. коммунистка Малиновская, завѣдывавшая театрально-академическимъ отдѣломъ комиссаріата просвѣщенія, имѣя разрѣшеніе на полученіе денегъ, но не получая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ самихъ денегъ, поѣхала въ экспедицію заготовленія денегъ (Второвскій заводъ въ Москвѣ), подкупила при помощи привезеннаго продовольствія рабочихъ и служащихъ и тѣ, въ порядкѣ сверхурочной работы, изготовили ей нужную сумму «дензнаковъ». Малиновская увезла ее прямо изъ-подъ станка.

Ни одна власть на земномъ шарѣ не говоритъ столько о планѣ, какъ совѣтская, и нигдѣ въ такой мѣрѣ планъ не отсутствуетъ, какъ въ Россіи. Проявляется это и въ области государственнаго хозяйства. Государственная смѣта, которая является планомъ государственнаго хозяйства, превратилась въ пустую формальность: смѣта на первую половину 1919 г. была утверждена въ концѣ смѣтнаго періода — въ маѣ; для второй половины 1919 г. ее приняли въ февралѣ 1920 г., а смѣта въ цѣломъ на 1920 г. не была утверждена даже въ іюлѣ 1921 года.

Необходимыя суммы для расходовъ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ отпускаетъ ad hoc по спорадическимъ представленіямъ соотвѣтствующихъ вѣдомствъ.

Отъ бюджета въ цѣломъ перейдемъ теперь къ характеристикѣ его приходной части. «Приходъ» государства получался изъ четырехъ источниковъ: 1) налоги, 2) контрибуціи на имущіе классы, 3) доходы національзованныхъ предпріятій, 4) операціи комиссаріата продовольствія.

Налоги въ 1920 г. дали ничтожную сумму въ 471 милліонъ руб. (0,3 проц. прихода и 0,053 проц. расхода). Контрибуціи, широко практиковавшіяся мѣстными властями въ теченіе 1918 и отчасти 1919 годовъ, потомъ упали въ своемъ значеніи. Контрибуція въ 10 милліардовъ руб., которую въ 1918 г. рѣшили произвести во «всероссійскомъ масштабѣ», несмотря на экстраординарныя усилія по ея сбору, къ декабрю 1920 г. дала только 1.628 милліоновъ рублей.

На доходы отъ національзованныхъ предпріятій первоначально возлагались большія надежды. Ими надѣялись покрывать почти всѣ расходы государства. Въ объяснительной запискѣ къ смѣтѣ на вторую половину 1918 г. комиссаръ финансовъ Крестин-

скій, констатируя «быстрый ростъ производительности пролетарскаго труда въ промышленности» писалъ: — «этотъ ростъ производительныхъ силъ промышленности составляетъ обязательное условіе для того, чтобы политическая власть пролетаріата имѣла подъ собой экономическій базисъ. Если-бы промышленность стала питаться за счетъ сельскаго хозяйства и крестьянства, то власть пролетаріата была-бы экономически безсмысленна и невозможна. Она, придя въ рѣзкій антагонизмъ съ интересами крестьянства, должна была-бы рухнуть».

Надежды не оправдались: промышленность сама живетъ за счетъ государства. Національзованныя предпріятія, находящіяся въ вѣденіи Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, дали въ 1919 г. 33.920 милліоновъ руб. убытка (69,8 проц. расхода), а въ 1920 г. — 315.581 милліонъ руб. убытка (85,7 проц. расхода).

Дефицитъ и транспортъ. Остается одинъ соціальный пластъ, который могъ вывозить на своихъ плечахъ тяжесть государственныхъ расходовъ. Это — крестьянство. Оно и вывозило. Крестьянство одно не только покрывало расходы своего хозяйства, но давало еще и государству. Крестьянинъ платилъ и платитъ государству продуктами своего хозяйства («продразверстки» и «продналоги»); въ его рукахъ, какъ у единственнаго обладателя матеріальныхъ и самыхъ насущныхъ цѣнностей — продовольственныхъ — въ концѣ концовъ сосредоточивались катастрофически обезцѣнивавшіяся бумажныя деньги; онъ же несъ въ пользу государства безчисленное количество трудовыхъ и гужевыхъ повинностей.

Размѣръ и стоимость повинностей послѣдней категоріи велики,но они не учитываемы. Размѣръ крестьянскихъ тяготъ въ первыхъ двухъ формахъ учесть возможно. Попробуемъ это сдѣлать. Исчисляя покупательную стоимость бумажныхъ денегъ въ золотыхъ рубляхъ и расцѣнивая стоимость продуктовъ, отнимаемыхъ государствомъ у крестьянина по цѣнамъ 1913 г. мы получимъ слѣдующую таблицу, выражающую приходный бюджетъ совѣтскаго государства (въ милліонахъ рублей):

Годы	Эмиссія	Доходъ отъ налоговъ, предпріятій, и т. п.	Продразверстка	Всего
1918	525	196	127	848
1919	390	116	253	759
1920	200	33	451	684

Если считать, что въ 1920 г. только 75 проц. выпущенныхъ денегъ сосредоточилось въ крестьянскихъ рукахъ, то при посредствѣ эмиссіи и продразверстки государство получило съ крестьянства (150+451), по крайней мѣрѣ, 601 милліонъ золотыхъ рублей, т. е. 88 проц. цѣнностей, которыми оно располагало.

Таковы основныя явленія, въ которыхъ выразилось перерожденіе государства въ послѣдніе четыре года. Раззоривъ безумной политикой промышленность и сельское хозяйство, сдѣлавъ нищей страну и обнищавъ само, государство было вынуждено въ своихъ безправныхъ рабовъ превратить гражданъ, а ихъ рабскій трудъ сдѣлать основой своего существованія. Трудъ, изъ котораго вынули его душу — живые внутренніе стимулы и инщіативу, — потребовалъ огромное количество государственныхъ служащихъ для управленія, надзора, контроля, принужденія, распредѣленія, устрашенія. Возникли многолюдные канцелярскіе штабы. Объемъ послѣднихъ увеличивался еще ихъ спѣшной и потому — нескладной постройкой и составомъ служащихъ: послѣдніе были также рабами государства и могли давать только рабскій трудъ со всѣми его отрицательными чертами. Аппаратъ управленія сдѣлался чудовищнымъ по своимъ размѣрамъ. Государство бюрократизировалось. Его работа начала идти почти исключительно при помощи входящихъ и исходящихъ бумагъ. Появились неизбѣжные спутники бюрократизма: канцелярщина, волокита, безхозяйственность. Въ нищемъ государствѣ воцарилась безумная расточительность.

Внѣшне порабощенная, личность оставалась внутренне свободной. Она не мирилась съ гибелью хозяйства, своимъ безправіемъ, съ растущей нищетой: она остро ненавидѣла власть и неустанно боролась съ нею. На совѣтской территоріи образовывалась постоянная вооруженная «вольница», не признающая власти и вооруженно-борящаяся съ нею. Шли безпрерывныя массовыя возстанія крестьянства. Множились внутренніе заговоры. Извнѣ постоянно угрожала враждебная эмиграція. Власть жила въ напряженной обстановкѣ постоянной борьбы, угрозъ и риска потерять свои головы. Все это вызвало постепенное обостреніе охранно-полицейскихъ интересовъ государства и усиленіе его органовъ сыска и террора. Въ концѣ концовъ эти интересы и органы сдѣлались руководящей силой во внутренней государственной жизни.

Та же борьба, въ которой власть политически безпрерывно проигрывала, все полнѣе теряя поддерживающіе ее круги, привела къ выдѣленію коммунистической партіи въ высоко привилегированную группу и къ заостренію диктатуры. Послѣдняя отъ пролетаріата перешла къ коммунистической партіи, а внутри послѣдней сначала къ центральному комитету, а потомъ къ «политбюро», вѣдающему важнѣйшими вопросами государственной жизни Россіи. Диктатура класса выродилась въ диктатуру пяти человѣкъ. Наконецъ, въ значительной мѣрѣ результатомъ той-же борьбы явился анархически распыленный аппаратъ по административному управленію страной. Единой государственной власти въ современной Россіи нѣтъ; наряду съ властью центра въ ней существуетъ, отъ губерніи къ губерніи капризно мѣняющаяся въ объемѣ своихъ правъ и въ содержаніи своей политики, власть мѣстъ. Послѣдняя безпрерывно «самоопредѣляется», ведя свою собственную линію въ вопросахъ и дѣйствіяхъ даже безспорнаго общегосударственнаго значенія.

Государство выродилось.

Для полноты картины государственнаго вырожденія напомню еще о методахъ, которыми все время дѣйствовала власть. Съ первыхъ моментовъ своего появленія, она избрала путь неограниченнаго *насилія* и по немъ она двигалась, не сходя. Тяжелыя общественныя послѣдствія этого пути были усилены *беззаконіемъ*. Самое крайнее насиліе можетъ быть введено въ рамки закона и опредѣляться его писанными нормами. Совѣтская власть отвергла эти регулирующія нормы и легализовала полный произволъ. Наконецъ, послѣдней и крайней чертой, характеризующей дѣйствія власти, было прямое натравливаніе неимущихъ людей на неограниченный грабежъ болѣе состоятельныхъ группъ. Былъ достигнутъ предѣлъ въ извращеніи природы государственной власти: она превращалась въ свою полярную противоположность, въ руководителя разбойниковъ.

Возможность реэволюціи власти. Мнѣ не трудно отвѣтить теперь на послѣдній самый злободневный вопросъ этой главы — о возможности успѣшной по результатамъ реэволюціи власти. Успѣшный обратный ходъ государственной власти къ отправленію ея нормальныхъ обязанностей и функцій мнѣ представляется невозможнымъ. Народное хозяйство страны ей не поднять и не выправить даже при самомъ добросовѣстномъ выполненіи рекла-

мируемаго «новаго курса» въ экономической политикѣ. Дорога къ здоровой общественной жизни для страны лежитъ только черезъ побѣдоносную противобольшевистскую революцію. Иного пути, къ сожалѣнію, не дано.

Нормальная общественная жизнь и здоровое хозяйство страны въ качествѣ своего непремѣннаго условія требуютъ нормально дѣйствующее государство. Блестящее доказательство отъ противнаго этому положенію дано всей русской жизнью четырехъ послѣднихъ лѣтъ. Оспаривать его теперь невозможно.

Нормально функціонирующее государство не можетъ существовать внѣ, по крайней мѣрѣ, двухъ условій. Первое требуетъ населенія, большинство котораго относится къ власти, по меньшей мѣрѣ, пассивно, лойяльно. Второе условіе требуетъ группы, которая съ одной стороны понимаетъ и принимаетъ требованія государственной жизни,съ другой,—активно поддерживаетъ государственную власть, выполняющую эти требованія. Населеніе, которое по отношенію къ власти настроено активно отрицательно, которое безпрерывно и бурно противодѣйствуетъ ей, добиваясь ея сверженія и замѣны, такое населеніе не даетъ возможности государству нормально жить и дѣйствовать. Въ такой обстановкѣ власть будетъ *вынуждена* отдавать значительную часть своихъ силъ и средствъ на борьбу. Ея охранно-полицейскіе интересы неизбѣжно начнутъ превалировать надъ всѣми другими. На первое мѣсто обязательно выдвинутся органы сыска и террора. Въ такихъ условіяхъ разрушенную до основанія жизнь не возстановить, народное хозяйство не поправить. А населеніе Россіи именно таково, ненавистью и жаждой замѣны характеризуется его отношеніе къ власти. *)

Не будетъ у совѣтской власти при ея преображеніи и активно-поддерживающей группы съ необходимыми взглядами и дѣйствіями. Теперь такая группа есть: это сотни тысячъ членовъ коммунистической партіи. Но развѣ они, выросшіе въ атмосферѣ дикихъ насилій и безумныхъ представленій о государственной жизни способны превратиться въ группу государственно мыслящихъ людей. Отравленные воздухомъ неограниченнаго произвола и грабежа, развѣ они въ состояніи начать цѣнить и уважать законъ,

*) Въ слѣдующей части я дамъ обильныя доказательства этому утвержденію.

имущественные интересы другихъ, права человѣческой личности. Смотрѣвшіе на государственную службу, то какъ на коммунистически партійное дѣло, то какъ на неограниченное «кормленіе», то какъ на источникъ неограниченной охмѣляющей власти, они въ своемъ подавляющемъ большинствѣ отойдутъ отъ переродившейся власти въ первую очередь. Отходъ будетъ тѣмъ неизбѣжнѣе, что въ условіяхъ нормально функціонирующаго государства огромному большинству изъ нихъ пришлось-бы спуститься на самыя низшія ступени служебно-іерархической лѣстницы, потерявъ, такимъ образомъ, власть, свои привилегіи и свои исключительные доходы. Допустимо и весьма вѣроятно, что отошедшіе отъ власти превратятся въ ея активныхъ враговъ.

Мнѣ возражаютъ, утверждая, что преобразовавшаяся власть можетъ найти опору въ новой буржуазіи, появившейся, какъ моль, въ складкахъ коммунистической одежды. Но сколько этой буржуазіи, какова она? Малочисленная, распыленная, неразвитая, переживающая еще періодъ первоначальнаго накопленія — грабежа и еще лишенная организаціонныхъ свойствъ, лишенная даже того искуса въ дѣлѣ государственнаго управленія, какимъ обладаютъ коммунисты (эти хоть искусству террористическаго оглушенія научились), она ни въ какой мѣрѣ не уравновѣситъ потерю власти отъ отхода коммунистовъ и ни въ какой степени не заполнитъ соціальную пустоту вокругъ власти. На такую замѣну не пойдетъ и современная власть... Кто-же еще? Реакція, съ которой уже у совѣтской власти устанавливается какой-то непонятный контактъ? Но отъ такой «поддержки» большевистскія головы на плечахъ крѣпче не станутъ. Наоборотъ...

Возражаютъ и иначе. Говорятъ, что ненависть населенія является производной величиной отъ экономической политики власти. «Честная перемѣна въ политикѣ отношеніе измѣнитъ. Населеніе на худой конецъ сдѣлается безразличнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ власти. Когда ему не будутъ мѣшать въ его хозяйственной жизни, оно о возстаніяхъ забудетъ. Государственная власть проживетъ тогда и безъ активно поддерживающей группы. Проживетъ съ однимъ аппаратомъ управленія. А тамъ дальше появится и соціальная опора».

Въ основѣ послѣднихъ соображеній лежитъ невысказанная мысль, что современная власть въ современныхъ русскихъ усло-

віяхъ *можетъ* оставить въ покоѣ населеніе, можетъ не отбирать отъ него продовольствія для прокормленія служащихъ, рабочихъ и арміи; можетъ не гонять его по «принудиловкѣ» на «гужповинность» и безчисленные виды «трудповинности», можетъ не тревожить его арестами, высылками, ссылками, разстрѣлами; можетъ со своей оравой насильниковъ и вымогателей не предъявлять населенію незаконныхъ требованій; можетъ, наконецъ, создать возможность сельскому хозяйству развиваться безъ сопутствующаго развитія промышленности городовъ.

Меня перебиваютъ: «почему безъ сопутствующаго развитія промышленности? Развѣ промышленность не можетъ развиваться при совѣтской власти? Откуда это видно?» Отвѣчаю: — да, не можетъ. Установимъ прежде всего, въ качествѣ исходнаго положенія, что возстановленіе народнаго хозяйства въ Россіи можетъ идти лишь въ результатѣ одновременнаго процесса возрожденія промышленности и возрожденія сельскаго хозяйства. Тутъ даже не два процесса, а одинъ, но съ двумя сторонами. Обѣ стороны процесса взаимозависимы. Сельское хозяйство нуждается въ отливѣ своего рабочаго населенія, въ близкихъ рынкахъ, въ притокѣ продуктовъ промышленности, въ развитіи парового транспорта, который позволяетъ сельскому хозяйству каждаго района полнѣй приспособиться къ мѣстнымъ особенностямъ въ отношеніи угодій, почвы, климата и т. д. Въ современныхъ русскихъ условіяхъ сельское хозяйство особенно остро нуждается въ продуктахъ индустріи. Всѣмъ этимъ потребностямъ земледѣлія промышленность удовлетворяетъ. Безъ нихъ сельское хозяйство осуждено или на вырожденіе, или на стаціонарное состояніе. Впередъ оно двигаться не сможетъ. О значеніи развитого сельскаго хозяйства для промышленности въ русскихъ условіяхъ говорить не приходится: оно общеизвѣстно. Значеніе опредѣляется тѣмъ, что внутренній рынокъ для русской промышленности является единственнымъ. А внутренній рынокъ, — это деревня и земледѣлецъ.

Сельское хозяйство для выхода изъ современнаго паралича нуждается въ меньшемъ объемѣ общественныхъ условій, чѣмъ промышленность. Запросы послѣдней объективно больше. Къ чему-же сводятся они? Другими словами, въ какомъ minimum внутренно-политическихъ условій, создаваемыхъ государствомъ,

нуждается русская промышленность, а, слѣдовательно и народное хозяйство въ цѣломъ, чтобы стать на путь вѣрнаго подъема? Отвѣчая на вопросъ, я въ качествѣ посылки буду имѣть предположеніе, которое теперь никто не оспариваетъ: возрожденіе русской промышленности безъ частно-предпринимательской инициативы, безъ капиталовъ отдѣльныхъ лицъ и акціонерныхъ обществъ не произойдетъ.

Для возрожденія промышленности требуется четыре группы условій: 1) твердыя однообразныя для всей страны и всегда выполняемыя нормы закона, опредѣляющія имущественныя права хозяйствующихъ людей, 2) свобода хозяйственной дѣятельности, связанная со свободой передвиженія, выбора занятій, почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній, а, слѣдовательно, съ освобожденіемъ отъ всякаго рода «трудмобилизацій» и «трудповинностей», 3) увѣренность въ добросовѣстномъ выполненіи государственной властью установленныхъ ею нормъ закона и принятыхъ на себя обязательствъ, 4) минимальныя права личности и связанное съ ними ограниченіе современныхъ правъ «чрезвычаекъ» въ области ихъ политическаго сыска и политической расправы. Первыя три изъ указанныхъ условій въ комментированіи и аргументаціи не нуждаются, они ясны и безспорны. Посмотримъ съ чѣмъ связано ихъ осуществленіе для совѣтской власти.

Первое условіе, помимо выработки писанныхъ и точныхъ нормъ закона, требуетъ правильно организованнаго суда и единаго, послушнаго центральной власти, административнаго аппарата, который неукоснительно приводитъ въ дѣйствіе судебныя постановленія. Съ осуществленіемъ этого условія ликвидируется грабежъ населенія и казны носителями современной власти и уничтожается современная «власть на мѣстахъ», прекращеніе «кормленія» коммунистовъ превратитъ сплоченные ряды коммунистической партіи въ рѣдкое сито. Отъ партіи отойдетъ подавляющая часть «низовъ» и немалая часть «верховъ». Вмѣстѣ съ «кормленщиками» уйдетъ, хотя и по другимъ мотивамъ, лѣвое оголтѣло-коммунистическое крыло партіи. Опора власти ослабѣетъ въ нѣсколько разъ... Уничтоженіе самовластія мѣстъ, связанное съ значительнымъ ограниченіемъ правъ мѣстныхъ совѣтовъ и съ отборомъ отъ нихъ всѣхъ учрежденій, выполняющихъ на мѣстахъ общегосударственныя задачи , можетъ произойти

только послѣ длительной и серьезной борьбы центра съ мѣстами. Безъ новаго раскола внутри партіи и новаго отхода отъ нея членовъ дѣло не обойдется и тутъ. Произойдетъ, слѣдовательно, новая потеря власти въ своемъ общественномъ базисѣ.

Освобожденіе населенія отъ закрѣпощенности къ мѣсту жительства и службѣ, освобожденіе его отъ «трудповинности» и «трудмобилизаціи» грозитъ развалому для государственныхъ учрежденій и предпріятій, ибо въ составѣ ихъ служащихъ и рабочихъ, особенно среди послѣднихъ значительное число лицъ работаетъ лишь по принужденію. Эти уйдутъ при первой возможности. Уйдутъ и наиболѣе цѣнные работники, поступившіе по формально добровольному рѣшенію, уйдутъ отъ безтолочи, грубости, волокиты, сыска, царящихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ... Новая потеря власти въ своей базѣ — на этотъ разъ въ экономической.

Прежде, чѣмъ власть получитъ какіе-либо существенные результаты отъ своего новаго курса, она будетъ вынуждена дать доказательства искренности и стойкости его. Частный капиталъ, солидный и созидающій, одними словесными завѣреніями власти не соблазнится. Честность *этой* власти по всему ея предшествующему поведенію требуетъ ироническихъ ковычекъ. Стоитъ только вспомнить одинъ изъ самыхъ крикливыхъ лозунговъ, съ которымъ большевики шли къ власти. «Честный созывъ Учредительнаго Собранія»... Доказательства власти могутъ быть весьма различными, предусмотрѣть ихъ *конкретную форму* нельзя, но ихъ *смыслъ* заранѣе данъ: это должны быть какіе-то новые крутые повороты въ современной политикѣ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) въ сторону отъ установившихся пріемовъ управленія. Новый взрывъ, новые конфликты и новыя потери въ коммунистической партіи, которая и такъ изборождена трещинами и находится въ періодѣ интенсивнаго отлива своихъ членовъ.

Такимъ образомъ, всѣ три условія связаны съ ослабленіемъ современной власти. Одновременно будетъ происходить и другой процессъ — усиленіе работы и организаціи ея политическихъ враговъ. Всѣ облегченія въ условіяхъ жизни (свободное передвиженіе, неприкосновенность имущества, свободная перемѣна службы и т. д.) будутъ непремѣнно использованы ими, ибо ненависть къ власти глубока и распространена. Особенно поможетъ

врагамъ четвертое изъ названныхъ выше условій — гарантія минимальныхъ правъ личности и соотвѣтственное ограниченіе правъ «чрезвычаекъ».

«Чрезвычайки» съ современнымъ объемомъ правъ являются непреодолимымъ препятствіемъ для ровнаго хода экономической жизни. Возстановленіе нормальной хозяйственной жизни при нихъ немыслимо. Арестъ владѣльца предпріятія, административнаго или техническаго директора, изъятіе квалифицированныхъ рабочихъ, массовыя изъятія рядовыхъ рабочихъ и служащихъ — все это и само по себѣ и по вызываемымъ ими послѣдствіямъ въ видѣ, напр., волненія оставшихся на свободѣ товарищей будетъ вносить постоянные перебои въ жизнь предпріятій. Полная свобода «чрезвычаекъ» въ примѣненіи самаго тяжелаго наказанія (лишеніе жизни) еще болѣе увеличиваетъ отрицательное дѣйствіе ихъ «операцій». Я уже приводилъ (въ первой главѣ) фактъ бездѣйствія шести металлообрабатывающихъ заводовъ Петрограда изъ-за отсутствія квалифицированныхъ рабочихъ, а между тѣмъ послѣдніе безъ числа сидятъ по тюрьмамъ, подваламъ, концентраціоннымъ лагерямъ, посылаются въ наказаніе на рубку и пилку дровъ, выгрузку баржъ, высылаются въ ссылку и т. д. Въ современной Россіи даже коммунисты, работающіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ и на желѣзной дорогѣ не разъ отмѣчали чрезвычайно отрицательное вліяніе на работу предпріятій «выемокъ» производимыхъ «чрезвычайками».

Ограниченіе компетенціи «чрезвычайки» одними задачами политическаго сыска и террора произойдетъ легко, но этого недостаточно. Необходимо большее: экономическая жизнь требуетъ, чтобы и въ этой области права «чрезвычаекъ» были сокращены, ну, хоть до размѣра правъ прежнихъ жандармскихъ правленій, которыя не могли держать въ тюрьмѣ безъ конца, не могли разстрѣливать, не могли даже высылать и ссылать. Но ограничь власть даже такими широкими предѣлами права своихъ террористическихъ органовъ, политическая работа ея противниковъ увеличится во много разъ. И власть не удержится. Она прекрасно знаетъ это сама и потому не только на ограниченіе, но даже на ослабленіе террора она не пойдетъ. Будемъ къ ней объективны: не *можетъ* пойти.

Успѣшный экономическій результативный ходъ назадъ для со-

временной государственной власти Россіи закрыть. *) Повторяю свое глубочайшее убѣжденіе — у страны только одинъ выходъ — сверженіе современной власти. И оно произойдетъ. Какъ — помощью-ли революціи, путемъ-ли дворцоваго переворота — этого намъ знать не дано.

---

*) Какъ на выходъ, указываютъ еще на политическую коалицію большевиковъ съ другими политическими партіями. Тутъ новое и еще болѣе легкомысленное заблужденіе. Коалиція предполагаетъ договоръ. Она требуетъ какую-то программу, общую для коалирующихся сторонъ. Ни одна партія Россіи не ограничится тѣмъ минимумомъ, который указанъ выше въ качествѣ условія подъема народохозяйственной жизни. Всякая партія введетъ въ пункты договора публичныя права личности и созывъ избраннаго тайнымъ голосованіемъ правомочнаго представительнаго учрежденія. Первые же выборы при такихъ условіяхъ совершенно отбросятъ современную власть отъ управленія государствомъ... Плацдарма для политическаго маневрированія у большевиковъ нѣтъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

КУЛЬТУРА.

Культура, которая является объектомъ вниманія въ этой главѣ, берется въ условномъ и весьма суженномъ значеніи. Она ограничивается прежде всего предѣлами лишь духовной жизни современной Россіи. Культура матеріальная въ поле зрѣнія главы не входитъ. Затѣмъ, и въ предѣлахъ духовной жизни Россіи, глава оставляетъ внѣ вниманія тѣ новыя представленія, понятія и чувствованія, которыя являются непроизвольнымъ (непреднамѣреннымъ) слѣдствіемъ новыхъ условій общественной жизни и откладываются въ массовой психикѣ. Объ этихъ непроизвольныхъ и массовыхъ явленіяхъ, создающихъ новое духовное «лицо» Россіи, рѣчь будетъ итти въ слѣдующей части книги, посвященной соціально-психическимъ процессамъ и перемѣнамъ.

Культура въ употребляемомъ здѣсь смыслѣ охватываетъ только ту часть духовной жизни Россіи, которая характеризуется, во первыхъ, произвольностью (преднамѣренностью) своихъ задачъ, во вторыхъ, особымъ составомъ ея дѣятелей и, въ третьихъ, необходимостью для нея спеціальныхъ учрежденій. Задачи культуры выражаются либо въ *созданіи* духовныхъ цѣнностей, либо въ ихъ *распространеніи.* Задачи требуютъ особаго слоя людей, которые полностью или частично отдаютъ свое время и силы дѣлу ихъ выполненія и которые въ составѣ населенія отслаиваются въ особую группу *культурныхъ* работниковъ. Успѣшное выполненіе задачъ требуетъ, какъ правило, созданія спеціальныхъ учрежденій различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, обществъ, лабораторій, библіотекъ, музеевъ, театровъ и т. д.

Измѣненія, претерпѣваемыя культурой въ употребляемомъ смыслѣ, относятся къ разряду объективно-соціологическихъ явленій въ жизни современной Россіи, они мѣняютъ жизнь и строеніе общества.

Созданіе духовныхъ цѣнностей происходитъ въ результатѣ ра-

боты научной или художественной мысли.Ихъ распространеніе достигается образованіемъ(школьнымъ и внѣшкольнымъ),или самообразованіемъ. Главнѣйшимъ условіемъ и средствомъ самообразованія являются печатныя произведенія. Вотъ почему состояніе книгоиздательства, какъ и состояніе школъ, отражая размѣръ и напряженность идущей въ обществѣ культурной работы по распространенію духовныхъ цѣнностей, не можетъ быть выброшено изъ поля зрѣнія при обзорѣ культуры страны.

Этимъ тремъ явленіямъ — работѣ научной и художественной мысли, состоянію книгоиздательства и образованія, какъ отражающимъ культурную работу и культурную жизнь страны, и посвящена настоящая глава.

По распространенной оцѣнкѣ, культура Россіи вымираетъ, какъ вымираютъ ея города, народное хозяйство, населеніе. Въ общемъ эта оцѣнка правильна. Она становится неправильной, когда говорятъ, что культура въ Россіи умерла и что на долю русской эмиграціи выпала высокая задача ея сохраненія и продолженія. Тутъ и незнаніе русской дѣйствительности и ненужное преувеличеніе своей, безъ того значительной цѣнности для Россіи. Культура Россіи замираетъ въ широтѣ и темпѣ своей жизни, но она не умерла. Она и не умретъ.

Силы вырожденія культуры. Пять силъ влекутъ культуру страны по наклонной плоскости вырожденія и умиранія: 1) экономическое обнищаніе. 2) прогрессирующее разстройство внѣшнихъ условій и удобствъ ежедневной жизни, 3) тяжелыя правовыя условія, 4) острый недостатокъ въ необходимыхъ пособіяхъ (въ широкомъ смыслѣ слова) и 5) «культурная» политика *) государственной власти.

Обнищаніе страны вызвало острый недостатокъ въ такихъ основныхъ вещахъ, какъ пища, топливо и одежда. Особенно сильно недостатокъ сказался въ городахъ, являющихся очагами и центрами культуры. Экономическое оскуденіе вызвало уменьшеніе силъ, необходимыхъ для того чтобы изучать, творить, учить и учиться. Культурныя силы, какъ горящая съ обоихъ концовъ свѣча, таяли вдвойнѣ: уменьшилось количество лицъ, занятыхъ въ

---

*) Въ pendant къ политикѣ аграрной, финансовой, продовольственной и т. д.

области культуры, уменьшилась и энергія у оставшихся въ ней.— Красивые цвѣты культуры требуютъ богатую почву, на истощенной почвѣ они чахнутъ.

Въ одномъ Петроградѣ и только за послѣдніе мѣсяцы 1920 года умерло 11 ученыхъ, въ томъ числѣ одинъ академикъ и 7 профессоровъ. Въ зиму 1919-1920 г. г. одно частное собраніе профессоровъ и преподавателей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы, вставало 14 разъ, вспоминая и почитая умершихъ коллегъ. Это были жертвы смерти за одинъ только мѣсяцъ. Пражскій (въ октябрѣ 1921 г.) съѣздъ русскихъ ученыхъ, находящихся за границей, опубликовалъ списокъ въ 156 ученыхъ, погибшихъ за 4 года совѣтской власти. Большинство среди нихъ умерло преждевременной смертью отъ истощенія и эпидемическихъ болѣзней. Въ Россіи этотъ списокъ дѣлается болѣе длиннымъ и страшнымъ, количество умершихъ въ немъ опредѣляется числомъ близкимъ къ четыремъ стамъ. Діаграмма, составленная въ 1920 году отдѣломъ «Единой трудовой школы» Комиссаріата Просвѣщенія показываетъ убыль педагоговъ во всѣхъ школахъ совѣтской Россіи въ 30 проц., при чемъ по губерніямъ Одесской и Уфимской убыль поднимается до 40 о/о, по Архангельской въ 52 проц., по Царицынской до 65 проц.

А вотъ положеніе оставшихся въ живыхъ и работающихъ на культурной нивѣ: «по статистическимъ свѣдѣніямъ отдѣла Единой Трудовой школы Наркомпроса, установлено, что нищенство среди учительства въ четырнадцати губерніяхъ достигаетъ 100 проц., а въ остальныхъ 30-40 проц. Въ общемъ половина учительства буквально голодаетъ. *) Голодали и профессора, голодали и академики. Будучи въ Россіи, Уэллсъ посѣтилъ «Домъ ученыхъ» и это посѣщеніе, изъ всего видѣннаго въ Петроградѣ и Москвѣ, оставило въ немъ самое гнетущее впечатлѣніе. Онъ пишетъ: «Посѣщеніе этого учрежденія было для меня самымъ тяжелымъ моментомъ за время моего пребыванія въ Россіи. Тяжело было видѣть изможденныя, измученныя и прямо жалкія лица людей, которые являются пережиткомъ нѣкогда извѣстныхъ русскихъ ученыхъ. Здѣсь были такія лица, какъ оріенталистъ

---

*) Цитата взята изъ доклада комиссаріата просвѣщенія, предназначавшагося для 8 Всероссійскаго съѣзда совѣтовъ (декабрь 1920 г.) но такъ на съѣздъ и не попавшаго (см. объ этомъ докладѣ дальше).

Ольденбургъ, геологъ Карпинскій, получившій Нобелевскую премію Павловъ, далѣе Радловъ, Бѣлопольскій и др.,имена,пользующіяся міровой извѣстностью...» Въ Московскомъ «Главпрофобрѣ», вѣдающемъ всѣмъ спеціальнымъ образованіемъ всей Россіи, я встрѣтилъ профессора пермскаго университета,явившагося делегатомъ отъ послѣдняго. Въ рваномъ и грязномъ пальто, въ старой и рваной шапкѣ и сапогахъ, изъ которыхъ выглядывали ноги въ грязныхъ суконныхъ чулкахъ, съ мѣшкомъ на плечѣ, заросшій бородой и послѣ семидневнаго путешествія въ товарномъ вагонѣ — немытый и измученный, онъ былъ неизмѣримо далекъ отъ привычнаго вида профессора. Встрѣчалъ я не разъ профессора Государственнаго права московскаго университета С. А. Котляревскаго: у этого тоже худые сапоги, изъ которыхъ глядѣли пальцы, и какая то накожная болѣзнь отъ истощенія. В. Г. Короленко ѣлъ сухія корки чернаго хлѣба, мокая ихъ въ чай, чтобы разжевать. В. А. Мякотинъ служитъ инструкторомъ въ одномъ кооперативномъ союзѣ, А. В. Пѣшехоновъ вернулся къ старой службѣ по статистикѣ. Извѣстный профессоръ логики и философіи Петроградскаго Университета Казанскій — служитъ помощникомъ библіотекаря въ «Центросоюзѣ». Имена и примѣры тутъ безчисленны. Огромное большинство ученыхъ, писателей, преподавателей голодаетъ, мерзнетъ зимою въ нетопленныхъ комнатахъ, служитъ по совѣтскимъ учрежденіямъ, продаетъ на рынкахъ книги, бѣлье, посуду, лѣтомъ для пропитанія уходитъ работать на огородахъ и т. д. Лишь немногіе живутъ почти прежней по обезпеченности жизнью и могутъ работать, какъ работали раньше, въ годы нормальной общественной жизни.

Не въ лучшемъ состояніи и зданія, обслуживающія потребности культурной работы. Топлива и ремонтныхъ матерьяловъ не хватаетъ даже для фабрикъ и заводовъ, для необходимѣйшихъ правительственныхъ учрежденій, даже для казармъ — до зданій культуры ли тутъ. Школы всѣхъ видовъ, начиная отъ университета и кончая сельскими училищами, лабораторіи, библіотеки, музеи и т. д., остаются безъ отопленія и ремонта — онѣ то полупустуютъ, то пустуютъ и разваливаются. На лекціяхъ — профессора и слушатели въ шапкахъ, пальто, перчаткахъ.

Экономическій разгромъ страны вызвалъ прогрессирующее разстройство и внѣшнихъ условій и удобствъ жизни.Не дѣйствующее центральное отопленіе большихъ городовъ принудило ста-

вить безчисленно-разнообразныя печки—«совдепки», «буржуйки», «пчелки», «таксы», «самокладки» — всѣ одинаково дымящія и грязнящія квартиры. Недостатокъ топлива заставилъ сводить къ минимуму и это отопленіе, и люди умственнаго труда, въ лучшій для нихъ періодъ работы — зимой, ютятся со всей семьей въ одной комнатѣ. Отъ дыма и грязи комната превращается въ самоѣдскій чумъ и, какъ въ подлинномъ чумѣ, въ ней порою ложатся на полъ, чтобы спастись отъ ѣдкаго дыма. Дрова приходится держать въ квартирѣ, а потомъ ежедневно ходить съ ними внизъ во дворъ, тамъ колоть и съ вязанкой наколотой щепы снова тащиться въ квартиру наверхъ. Поднявшись съ такой вязанкой дровъ въ свою квартиру, лучшій русскій цивилистъ профессоръ I. А. Покровскій присѣлъ на стулъ,чтобы отдохнуть и...умеръ. Сердце не выдержало непосильной работы... Перестаетъ работать водопроводъ и за водой приходится тащиться ни вѣсть куда. Чтобы получить даже причитающіеся продукты — приходится часами, а то и цѣлыми днями, простаивать въ очередяхъ. Остановившіеся трамваи и невозможность пользоваться извозчиками вынуждаетъ измученныхъ, часто пожилыхъ и больныхъ людей,отдавать часы на передвиженіе пѣшкомъ. Въ Москву по дѣламъ академіи наукъ часто пріѣзжалъ ея президентъ — Ольденбургъ. Старый и слабый человѣкъ, извѣстный и крупный ученый, онъ съ мѣшкомъ на плечахъ бывалъ вынужденъ тащиться зимой отъ Николаевскаго вокзала до конца Остоженки, почти на Зубовскую площадь. За этотъ пяти-шести верстный зимній путь ученый уставалъ. Слабый и понурый, съ исхудавшимъ лицомъ и безконечной усталостью въ глазахъ, Ольденбургъ часами сидѣлъ потомъ въ пріемной комиссаріата Просвѣщенія, дожидаясь пріема у какого нибудь бойкаго «дѣятеля» изъ коммунистовъ. Потомъ, послѣ пріема, снова версты пути съ тѣмъ же мѣшкомъ за плечами. «Еслибъ я даже захотѣлъ заниматься литературной работой» сообщалъ писатель Гусевъ-Оренбургскій, выбравшись за границу, «то это было бы физически невозможно, т. к. съ утра до вечера я былъ занятъ бѣготней, добывая по карточкамъ съ величайшимъ трудомъ немного соли или кусочки хлѣба. Единственно, чѣмъ я сумѣлъ заниматься — это веденіемъ дневника»... Если прибавить ко всему сказанному еще недостатокъ свѣта, который одинаково остро, за исключеніемъ Москвы, ощущается во всѣхъ городахъ и особенно въ деревняхъ, то мы получимъ картину пол-

наго развала и разлада въ условіяхъ ежедневной жизни. Культурная работа не могла вестись даже и въ мѣру уменьшившихся силъ для нея.

Дальше на сцену выступаетъ недостатокъ пособій: нѣтъ книгъ, приборовъ, химической посуды, не хватаетъ даже чернилъ, бумаги, кнопокъ, карандашей и перьевъ. Уэллсъ посѣтилъ Глазунова. «Отъ представительной наружности знаменитаго русскаго композитора не осталось и слѣда; изсохшій, худой, сгорбленный, въ оборванномъ пальто, висящемъ, какъ на вѣшалкѣ». Глазуновъ между прочимъ сообщалъ Уэллсу, что его «творчество ограничено недостаткомъ нотной бумаги». На этотъ же недостатокъ бумаги Уэллсу жаловались ученые въ «Домѣ ученыхъ»: «нѣтъ не только новыхъ инструментовъ, но нѣтъ и простой бумаги». Мнѣ извѣстенъ одинъ экономистъ, ученый, который добывалъ коробку кнопокъ, необходимыхъ для его чертежей, въ теченіи нѣсколькихъ дней. Онъ получилъ ее, лишь добившись личнаго свиданія съ завѣдующимъ «Главпрофобромъ» и личнаго распоряженія послѣдняго о выдачѣ кнопокъ. Въ моихъ запискахъ о Совѣтской Россіи записаны слова другого ученаго: «Я занимаюсь научной дѣятельностью, я хочу ею заниматься и потому вынужденъ воровать. Приборовъ и препаратовъ, которые необходимы для работы, я достать никакъ не могу. А тамъ то они есть и я могу взять, ну и беру. Противно, конечно, заниматься подлиннымъ воровствомъ, но иначе не могу».

Нѣтъ книгъ, купить ихъ и негдѣ, и нѣтъ средствъ. Библіотеки зимой недоступны — такой въ нихъ холодъ. Зайдя однажды въ зимній день въ ту часть Румянцевской библіотеки, которая отведена для научныхъ занятій, я съ изумленіемъ увидалъ настежь раскрытыя окна. Выдававшая книги объяснила мнѣ, что на улицѣ гораздо теплѣе, чѣмъ въ помѣщеніи и потому она рѣшила немного согрѣться и согрѣть помѣщеніе.

Новыхъ книгъ выходитъ мало, а то что выходитъ, въ руки дѣятелей культуры почти не попадаетъ. Самымъ цѣннымъ изъ того, что было издано государственнымъ издательствомъ, является «полное собраніе сочиненій и писемъ А. И. Герцена». По «плановому» распредѣленію, Герценъ попалъ въ Москвѣ только двумъ профессорамъ — Сакулину и кому то еще. Настойчивыя хлопоты другихъ профессоровъ остались безрезультатными. Герценъ не достался даже тѣмъ изъ нихъ, которые занимаютъ каѳедры исто-

ріи русской литературы. Знаю это со словъ профессора А. Е. Грузинскаго, занимающаго какъ разъ такую кафедру и тщетно добивавшагося для себя Герцена. Все изданіе пошло по библіотекамъ «компартовъ», «профсоюзовъ», «политпросвѣтовъ», «комсомоловъ» и тому подобныхъ гиблыхъ мѣстъ.

Довольно широко проведенный въ провинціи «отъемъ» книгъ изъ личныхъ библіотекъ, если онѣ имѣли свыше 500 томовъ, сдѣлалъ недостатокъ книгъ у культурныхъ работниковъ еще болѣе ощутительнымъ. Недостатокъ учебниковъ и письменныхъ принадлежностей въ школахъ принялъ настолько чудовищные размѣры, что нормальныя занятія въ низшей школѣ стали невозможными уже по одной этой причинѣ. (см. объ этомъ дальше.)

Гнетутъ культуру и правовыя условія. Кромѣ общей тяжести, падающей на всѣ круги и слои населенія, для культурныхъ работниковъ прибавляются еще добавочныя испытанія. Нельзя собирать, чтобы хранить въ частной квартирѣ, «контръ-революціонныхъ матеріаловъ», нельзя ихъ обрабатывать, нельзя писать никакихъ работъ художественныхъ, историческихъ, экономическихъ и т. д., въ которыхъ бы давалось обобщеніе русской дѣйствительности, неугодное власти: за всѣ эти матеріалы и работы, если «чрезвычайка» обнаружитъ ихъ при обыскѣ, придется безъ конца сидѣть въ подвалахъ и тюрьмахъ. Опасно держать даже рукописи нейтральныя, весьма далекія отъ современной совѣтской дѣйствительности. У князя С. Д. Урусова, автора «Записокъ губернатора», — «чрезвычайка» отобрала рукопись цѣннѣйшей трехтомной работы, посвященной прошлой жизни русскаго общества и русскаго государства, по впечатлѣніямъ автора.*)

Всѣ попытки князя послѣ его оправданія по суду и выхода

---

*) «Я эту работу не ставлю ни въ какое сравненіе съ «Записками губернатора», говорилъ мнѣ Урусовъ, «послѣднія похожи на разсказы Лейкина, они для легкаго послѣобѣденнаго чтенія. А то была серьезная и цѣнная работа. Я многихъ видѣлъ и многое знаю. У меня было что разсказать. Развѣ не интересны мои свиданія съ Николаемъ II? При первомъ же свиданіи я отчетливо установилъ, что разница между земскимъ собраніемъ и земской управой царю неизвѣстна. Въ это же свиданіе, царь, вообще недалекій, но порою весьма хитрый человѣкъ безъ всякаго повода съ моей стороны сказалъ мнѣ слѣдующую неожиданную фразу: «Вамъ, князь, монархія, конечно, не нужна. Не нужна она и мнѣ, но она нужна народу и потому мы *обязаны* поддерживать ее». Развѣ все это не интересно и для будущаго историка не важно?»

изъ тюрьмы **) добиться возвращенія рукописи, кончились ничѣмъ. Чрезвычайка молчала... Погибли въ чрезвычайкѣ рукописные матеріалы, собиравшіеся въ теченіи 3 лѣтъ по 8-10 губ., и у меня. Они относились къ крестьянской интеллигенціи и охватывали періодъ *до* 1917 года. Интересамъ «государственной безопасности» они не противорѣчили и, однако, добиться ихъ возвращенія я не могъ... Разсказанные случаи, конечно, не единственные. и потому пишущій людъ Россіи, въ особенности пишущій по общественнымъ вопросамъ, въ заботахъ о сохраненіи своихъ матеріаловъ и рукописей проявляетъ не менѣе энергіи и изобрѣтательности, чѣмъ прячущіе свой хлѣбъ крестьяне. Не мало людей избѣгаетъ собирать и записывать «опасныя» вещи.

Послѣдней силой, разрушающей культуру Россіи, является «культурная» политика власти. Въ отличіе отъ экономической, эта политика государственной власти отличается гораздо меньшей опредѣленностью и стройностью. Разница объясняется тѣмъ, что общесоціалистическая мысль, отдавая максимумъ вниманія экономическимъ вопросамъ, оставляла въ тѣни и почти внѣ своихъ теоретическихъ интересовъ проблемы, связанныя съ созданіемъ и распространеніемъ духовныхъ цѣнностей. Тутъ сказалась основная слабость соціалистическаго міросозерцанія, почти цѣликомъ сосредоточивающагося на общественныхъ институтахъ и почти забывшаго фундаментъ послѣднихъ — человѣческую личность. Усиленно заботясь о преобразованіи методами государственнаго воздѣйствія *отношеній* людей, тутъ забывалась душа человѣка, являющаяся тѣмъ темнымъ грунтомъ, на которомъ выростаютъ и соками котораго питаются эти самыя отношенія. Большевизмъ, являющійся буйнымъ сыномъ революціоннаго соціализма, цѣликомъ отразилъ эту особенность своего родителя. Онъ вошелъ хозяиномъ въ русскую жизнь съ яснымъ знаніемъ основъ своей экономической политики и полнымъ отсутствіемъ представленій о своей политикѣ въ области культуры.

«Культурная» политика большевиковъ въ своемъ декларативномъ изложеніи является поэтому пестрымъ конгломератомъ, составленнымъ частью изъ пунктовъ обще-демократической программы: безплатность. всеобщность, единство и свѣтскій харак-

**) С. Д. Урусовъ былъ арестованъ и судимъ по дѣлу «тактическаго центра» въ 1920 году.

теръ образованія и пр., частью изъ собственныхъ,не находящихся ни въ какой связи съ соціализмомъ и коммунизмомъ, измышленій большевиковъ (отмѣна языковъ въ средней школѣ, прикрѣпленность каждаго отдѣльнаго преподавателя къ опредѣленной группѣ учащихся — классу, универсализмъ его преподаванія — по всѣмъ предметамъ программы, и т. д.), частью изъ «коммунизаціи», удуманной также большевиками, науки,искусства, публицистики, преподаванія и состава учащихся. Въ своемъ фактическомъ проведеніи эта тактика большевиковъ дала моральную порчу и прямое физическое уничтоженіе дѣтей въ государственныхъ дѣтскихъ домахъ, гибель первоначальнаго образованія, упадокъ средней и частью высшей — (университеты) школъ, убійство прежде богатой русской литературы — научной, художественной и публицистической, общее и сильное съуженіе кругозора подрастающихъ поколѣній. Со всѣми этими слѣдствіями въ конкретныхъ ихъ проявленіяхъ читатель встрѣтится на дальнѣйшихъ страницахъ книги.

Совокупное дѣйствіе пяти названныхъ силъ привело прежде богатую и интенсивно развивавшуюся культуру Россіи къ состоянію и виду сгорѣвшаго лѣса. Остались обгорѣвшіе пни, всюду зола, недогорѣвшіе сучья,трупы поваленныхъ деревьевъ, обожженная молодая поросль. Кое гдѣ еще стоятъ могучіе дубы, почернѣвшіе отъ дыма и огня. Кое гдѣ еще сохранились островки зеленой листвы. Но жизни, зеленаго шума, живой громады деревьевъ уже нѣтъ. Шумный лѣсъ превратился въ скорбное лѣсное кладбище.

Пройдемъ по отдѣльнымъ,указаннымъ выше, частямъ культурной жизни современной Россіи.

Образованіе дошкольное. До страшнаго голода 1921-22 года изъ Москвы на весь міръ шелъ малиновый звонъ, возвѣщающій о раѣ, созданномъ государственной властью для дѣтей Россіи. Дѣтскіе дома, ясли, дѣтскіе сады, спеціальныя продовольственныя выдачи для дѣтей, дѣтскія колоніи. Жизнь ребенка рисовалась устроенной и обезпеченной. Особенно жизнь дѣтей, попавшихъ на иждивеніе государства. Въ подтвержденіе власть сыпала цифрами, сообщала «факты», гостямъ изъ Европы и Америки, подъ видомъ рядовыхъ и типическихъ, показывалось нѣ-

сколько прекрасно обставленныхъ дѣтскихъ колоній подъ Москвой и Петроградомъ.

Отношеніе къ дѣтямъ коммунисты дѣлали пробнымъ камнемъ, на которомъ сравнивался буржуазный строй Европы и коммунистическая Россія. Результаты сравненія были не въ пользу перваго. Жившіе въ Россіи и имѣвшіе возможность заглядывать за кулисы показной жизни, знали, что дѣйствительность ни въ какой мѣрѣ не соотвѣтствуетъ рекламѣ. Подлинная жизнь, какъ изъ рога изобилія, сыпала ужасающими фактами. Дѣтскіе дома, въ которыхъ въ серединѣ 1921 года жило и воспитывалось около 350.000 дѣтей, одновременно были «фабриками ангеловъ» и домами разврата. Отъ плохого питанія, неодѣтыя, безъ ухода дѣти умирали десятками тысячъ. Выживавшія морально калѣчились изо дня въ день. Воспитателями были необразованныя, вороватыя и развратныя женщины, не скрывавшія свою жизнь, свои оргіи и пороки отъ дѣтей. Пороки взрослыхъ переходили къ дѣтямъ и среди послѣднихъ царило воровство, проституція, хулиганство.

Одинъ изъ такихъ домовъ былъ посѣщенъ моей близкой знакомой. Онъ расположенъ въ Полтавскомъ уѣздѣ въ бывшемъ имѣніи Трепова и называется «Дитячій Будынокъ імені Коллонтай». «Будынкомъ» занятъ господскій домъ. За два года до революціи Треповъ, готовясь къ пріему у себя одного изъ великихъ князей, превратилъ домъ въ дворецъ. Въ этотъ дворецъ и въѣхалъ «будынокъ». Одновременно съ нимъ туда переселился и волостной «Ревкомъ» (Революц. комитетъ съ назначенными членами). При осмотрѣ помѣщенія одна стѣна при ударѣ по ней издала глухой звукъ. Заподозрили пустоту и спрятанныя сокровища. Стѣну проломали, но ничего не нашли. Осматривающими, однако, овладѣло подозрѣніе и азартъ. Расковыряли, и также безрезультатно, еще нѣсколько стѣнъ. Чтобы исправить сдѣланное разрушеніе, всѣ дыры были задѣланы желтой глиной. Знакомая утверждала, что глина удивительно подошла къ эмалевой краскѣ и стѣнной художественной живописи.

Такъ домъ былъ «обновленъ». Дальше пошло въ томъ-же родѣ: черезъ мѣсяцъ перестали дѣйствовать водопроводъ, канализація, не горѣло электричество, стѣны были разукрашены надписями, ванны оказались разбитыми и въ экстренныхъ случаяхъ замѣняли уборныя. Обычно взрослые и дѣти, мужчины и женщины удобряли роскошный паркъ, окружавшій дворецъ.

Въ нижнемъ этажѣ дома вмѣстѣ съ канцеляріей «Ревкома» и жилищемъ его членовъ, находились и комнаты «керівниць» (воспитательницъ дѣтей)—грубыхъ,грязныхъ и ворующихъ женщинъ. Всѣ онѣ-пылкія коммунистки. Въ нижнемъ этажѣ часты вечеринки, на которыя въ качествѣ зрителей допускаются и дѣти. Вечеринки проходятъ весело, оживляются онѣ виномъ, музыкой и присутствіемъ «керівниць». Вечеринки подъ конецъ превращаются въ Афинскіе вечера. На глазахъ дѣтей разыгрываются неописуемыя сцены. Когда знакомая, въ чрезвычайно осторожной формѣ, указала въ Полтавѣ уѣздному инструктору по дошкольному воспитанію и образованію на неудобство такихъ вечеринокъ на глазахъ дѣтей, то получила горячій отпоръ. «Мы даемъ дѣтямъ *реальное* воспитаніе»,заявила коммунистка—инструкторъ.«Мы не желаемъ устраивать буржуазныхъ закрытыхъ заведеній прежняго времени, гдѣ дѣти были замурованы отъ подлинной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ частности — законы природы и естественное влеченіе мужчины къ женщинѣ, должны быть извѣстны имъ»...

Педагогическіе взгляды «керівниць», повидимому, не расходятся со взглядами инструктирующаго дѣтское образованіе и воспитаніе въ цѣломъ уѣздѣ и керівниці стойко проводятъ ихъ въ жизнь. И не только на вечеринкахъ. Когда учителю села Чутова, расположеннаго недалеко отъ дворца Трепова, потребовалось сходить къ старшей изъ «керівниць», чтобы попросить изъ «будынка» рояль на школьный праздникъ, его предупредили — «безъ предварительнаго и сильнаго стука въ комнату керівниці не входите». Учитель такъ и сдѣлалъ. На его стукъ раздалось приглашеніе войти. «Я вошелъ» разсказывалъ учитель, «глянулъ и вылетѣлъ, какъ пуля изъ ружья. «Керівниця» мнѣ кричала вслѣдъ—товарищъ, что-же вы, какіе предразсудки!» Учитель не разсказывалъ, что именно увидѣлъ онъ въ комнатѣ завѣдующей «будынкомъ», онъ только жаловался, что «эти «керівниці» не различаютъ дня отъ ночи и возможнаго отъ невозможнаго». Повидимому, наткнулся на проявленіе какого-то «закона природы».

Будынокъ не имѣетъ ни собственнаго хозяйства, ни регулярнаго снабженія необходимымъ. Онъ живетъ почти исключительно реквизиціями продуктовъ и предметовъ у населенія села Чутова. Вотъ, напр., сборъ молока для дѣтей. Рано утромъ изъ «будынка» выходятъ два вооруженныхъ солдата съ ведрами и идутъ по селу. Заходятъ въ тѣ, или иныя избы и требуютъ молока. Если хозяйка

не даетъ, заявляя, что молока нѣтъ, или что съ нея берутъ больше, чѣмъ съ другихъ, солдаты отправляются на поиски молока сами. Найденное въ погребѣ или въ сѣняхъ молоко выливается въ ведро. Побьютъ или только хорошенько «обложатъ» хозяйку и идутъ дальше. — «Постой — кричитъ имъ въ иной избѣ хозяйка —не лей въ ведро, молоко скисло». — «Ничего — успокаиваетъ солдатъ—слопаютъ!» И кислое молоко опрокидывается въ ведро. Такъ вмѣстѣ сливается молоко только еще подоенное, еще парное, молоко скисшее, сырое и кипяченое. Наполнивъ ведра до краевъ, солдаты идутъ назадъ.

Не мудрено,что у дѣтишекъ постоянно болятъ животы, что лѣтомъ среди нихъ то и дѣло вспыхиваетъ дезинтерія, что часты смертные случаи.

За счетъ населенія идетъ снабженіе дѣтей бѣльемъ и верхнимъ платьемъ: полновластный ревкомъ облагаетъ населеніе холстомъ и трудовой повинностью по шитью изъ него верхнихъ и нижнихъ рубахъ и штанишекъ. Когда въ «будынкѣ» выходитъ хлѣбъ, крупа,сало,—то населеніе облагается экстраординарнымъ сборомъ того, другого и третьяго.

Воспитанія въ полномъ смыслѣ слова въ «будынкѣ» нѣтъ, если не считать ознакомленія дѣтей съ «законами природы» и частаго битья воспитанниковъ за ихъ шалости и провинности.

Нѣтъ надобности приводить дальнѣйшіе конкретные примѣры изъ жизни дѣтскихъ домовъ: въ моемъ распоряженіи имѣется сводный докладъ,*составленный въ Комиссаріатѣ Просвѣщенія и посвященный положенію дѣтей въ Совѣтской Республикѣ. Докладъ, по распоряженію Луначарскаго, былъ написанъ для восьмого съѣзда совѣтовъ (въ Декабрѣ 1920 г)*, но свѣта онъ не увидѣлъ. Луначарскій призналъ докладъ «крайне безтактнымъ» и приказалъ тщательно и немедленно изъять его изъ обращенія. Докладъ начали усердно разыскивать и уничтожать: его вынимали изъ подъ машинокъ, отбирали у служащихъ и жгли, машинистки спеціальной роспиской должны были удостовѣрить, что онѣ сдали *всѣ* имѣвшіеся у нихъ экземпляры и сообщили о *всѣхъ* розданныхъ ими. Привожу этотъ, такъ ревностно уничтожавшійся, но не уничтоженный докладъ въ его части, относящейся къ дошкольному воспитанію и образованію дѣтей.

«Война, голодъ и эпидеміи съ каждымъ часомъ все больше и больше уносятъ въ могилу отцовъ и матерей. Количество сиротъ

и безпризорныхъ дѣтей растетъ съ ужасающей быстротой. Дѣти, какъ это наблюдается во всѣхъ, не только голодныхъ, но и производящихъ губерніяхъ (Пензенской, Тамбовской и многихъ другихъ) ходятъ голодными и холодными по міру за подаяніемъ, научаются разврату, обворовываютъ и наводятъ панику и ужасъ на села и деревни.

Съ тѣмъ-же фактомъ дѣтской бездомности и заброшенности встрѣчаемся и во всѣхъ, недавно освобожденныхъ отъ фронта мѣстностяхъ, — на Дону, на Кубани. Дѣтская безпризорность за послѣднее время достигла ужасающихъ размѣровъ. Дѣти не организованно—безпорядочной массой идутъ куда-то на югъ, гдѣ они знаютъ, что тепло и сытно. По дорогѣ они соединяются, образуя настоящіе эшелоны, раскидываютъ на большихъ узловыхъ станціяхъ цѣлые лагери.

Такъ, на станціи Тихорѣцкой осенью 1920 г. былъ такой лагерь въ 300 человѣкъ дѣтей, а въ Пятигорскѣ сразу прибыло 500 дѣтей. Этотъ дѣтскій потокъ съ каждымъ днемъ увеличивается и принимаетъ страшный, грозный характеръ.

Въ поискахъ за выходомъ изъ создавшагося положенія, начальникомъ эвакуаціоннаго пункта Кавказскаго фронта былъ отданъ совершенно непріемлемый приказъ: поставить заградительные отряды и не пропускать ни одного такого ребенка въ предѣлы Кавказа. Такіе-же заградительные отряды поставлены на Дону и другихъ губерніяхъ. Ребенокъ попадаетъ, какъ въ мышеловку: куда-бы ни бросился онъ, всюду встрѣчаетъ оружіе.

Ребенокъ становится дикимъ, звѣрѣетъ, начинаетъ изыскивать всѣ возможности пробить эту брешь какимъ-бы то ни было путемъ, хотя-бы оружіемъ. Мѣстные продорганы отказываются кормить этихъ дѣтей, а милиція и желѣзнодорожныя власти, подбирая эту голодную, озвѣрѣвшую массу, нерѣдко въ количествѣ 100-130 человѣкъ, какъ это случалось въ Ростовѣ, Кубани и другихъ мѣстахъ, препровождаютъ ихъ въ отдѣлъ Народнаго Образованія. Послѣдній не въ силахъ справиться съ этой дѣтской лавиной и дѣти цѣлыми сутками простаиваютъ у воротъ отдѣла, поютъ, желая разжалобить, «Интернаціоналъ» и здѣсь-же спятъ на тротуарахъ и лѣстницахъ.

Есть еще одна группа дѣтей, двадцать тысячъ человѣкъ, передъ которыми государство въ долгу и которыя начинаютъ властно требовать вниманія и заботы къ себѣ — это питомцы быв-

шихъ воспитательныхъ домовъ Петербурга и Москвы, разсѣянные по Петроградской, Новгородской, Псковской, Тульской и Калужской губерніямъ. Крестьяне, и такъ обремененные своими семьями, отказываются кормить этихъ дѣтей, собираютъ ихъ иногда, какъ, напр., въ Малоярославскомъ уѣздѣ Калужской губ., десятками и приводятъ въ отдѣлъ народнаго образованія, причемъ Исполкомъ приказываетъ, грозя арестомъ, немедленно принять этихъ дѣтей. Отдѣлъ безсиленъ это сдѣлать, дѣти остаются у озлобленныхъ крестьянъ, начавшихъ травить, какъ мышей, этихъ несчастныхъ дѣтей. Смертность среди нихъ за послѣдній мѣсяцъ приняла совершенно исключительные катастрофическіе размѣры.

Не лучше и положеніе тѣхъ дѣтей, которыя попадаютъ въ дѣтскіе дома, т. к. они представляютъ изъ себя кошмарное зрѣлище. Это какіе-то этапные пункты, до того перегруженные, что дѣтскіе дома, открытые на 40-50 человѣкъ, принуждены вмѣщать 150-200 человѣкъ.

Дѣтей кладутъ по 6-8 человѣкъ на одну кровать и это въ лучшемъ случаѣ. Обычно, какъ это наблюдается въ Саратовской, Тамбовской губ. (Кирсановскій уѣздъ), на Дону и Кубани, дѣти спятъ на голомъ полу или на охапкахъ соломы, стружкахъ, которыя мѣняются крайне рѣдко и всѣ кишатъ паразитами, заживо съѣдающими дѣтей. Ни о какомъ оборудованіи не можетъ быть здѣсь и рѣчи. Цѣлые дни дѣти проводятъ, сидя въ лохмотьяхъ прямо на голомъ полу. Посуды нѣтъ. Дѣти ѣдятъ изъ какихъ-то грязныхъ баночекъ отъ консервовъ или отъ мази, часто подобранныхъ ими съ улицы. Ложекъ нѣтъ и дѣти ѣдятъ супъ безъ ложекъ, прямо руками, дѣлая изъ нихъ лодочки.

Острый недостатокъ кухонной посуды заставляетъ персоналъ, какъ это наблюдается въ Курскѣ, Ростовской, Пензенской и другихъ губерніяхъ, готовить обѣдъ, зачастую одинъ только супъ, въ двѣ-три смѣны. Такимъ образомъ, приготовленіе одного лишь обѣда отнимаетъ цѣлыя сутки, въ теченіе которыхъ дѣти, какъ голодные звѣрьки, часами простаиваютъ у дверей кухни, ожидая своей очереди, толкаются, кричатъ, дерутся и рвутъ свою долю, ѣдятъ, обжигаясь и давясь.

Ужина у дѣтей нѣтъ и это въ то время, какъ столовыя для служащихъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ вполнѣ удовлетворительно оборудованы и кончаютъ свою работу въ два часа.

Всюду (въ Орловской, Вятской, Псковской, Алтайской, Ниже-

городской, Челябинской губ.), дѣти разуты, раздѣты и это не удивительно, т. к. цифровыя данныя и Отдѣла Дѣтскаго Обезпеченія Народнаго Комиссаріата просвѣщенія съ достаточной яркостью показываютъ, что иного и ждать нельзя. Такъ, ткани на каждаго ребенка въ 1920 году выдано по 6 вершковъ, вмѣсто нормальныхъ 16 аршинъ; одна катушка нитокъ на каждые 29 человѣкъ, вмѣсто одной катушки на ребенка; полъ золотника ваты на ребенка, вмѣсто одного фунта; одна пара холодной обуви на 39 человѣкъ и одна пара валенокъ на 312 человѣкъ; одно одѣяло на 3124 человѣка, вмѣсто испрашиваемаго одного одѣяла на 43 человѣка; одна пара чулокъ на 264 человѣка, вмѣсто 6 паръ, испрашиваемыхъ на 10 человѣкъ. Нигдѣ нѣтъ даже и одной перемѣны бѣлья. Такъ, въ Орловской губ. на каждые 5000 человѣкъ дѣтей была выдана одна пара обуви и на человѣка 0,031 арш. мануфактуры. Въ Оренбургскомъ уѣздѣ дѣти едва прикрываются какими-то лохмотьями, ходятъ полуголыми и стыдятся показаться новому человѣку. Лѣтомъ было легче: дѣтей просто раздѣвали до нага, бѣлье стиралось и здѣсь-же сушилось на солнцѣ. Зимою, когда температура въ комнатахъ не выше 3 градусовъ, дѣлать это немыслимо и бѣлье не мѣняется по 3-4 мѣсяца. Оно имѣетъ видъ грязной сѣрой тряпки до того ветхой, что расползается при одномъ поползновеніи вымыть его. Обуви нигдѣ нѣтъ абсолютно. Кое гдѣ въ дѣтскихъ домахъ приладили деревянныя колодки, обмотавъ какимъ-то тряпьемъ ноги ребенка, но это счастливое исключеніе. Въ другихъ губ., какъ въ Алтайской, Курской и Саратовской, буквально нечѣмъ обмотать ногъ и дѣти бѣгаютъ босыми, обмораживая и ознобляя руки и ноги. Отъ ознобленія тѣло ребенка покрывается язвами. Къ этому надо прибавить еще, что всюду дѣти страдаютъ чесоткой и тѣло ребенка — сплошная язва, сплошные струпья, усѣянные вшами. Ребенокъ гніетъ и разлагается заживо. Ночью, когда зудъ становится нестерпимымъ, когда боль достигаетъ крайнихъ предѣловъ, ребенокъ кричитъ и стонетъ отъ ужаса и боли. Въ Пензѣ, напр., въ коллекторѣ въ настоящемъ 1920 году мальчикъ 6 лѣтъ сошелъ съума отъ того, что его заѣла вошь. Сначала онъ ловилъ, кусалъ и ѣлъ ее, но потомъ въ его больномъ воображеніи вошь достигла такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что онъ не могъ съ ней бороться и цѣлые дни кричалъ и бился въ судорогахъ.

Холодъ въ Дѣтскихъ Домахъ кошмарный. Дѣтскія комнаты

нигдѣ (въ Симбирской, Саратовской, Пензенской, Владимірской и др. губ., на Дону, Кубани) не отапливаются, по угламъ цѣлые сугробы снѣга. Освѣщенія нѣтъ никакого, нѣтъ керосина, нѣтъ электрическихъ лампочекъ и дѣтей даже 13-15 лѣтнихъ въ 5 часовъ укладываютъ спать.

И все это ночью, подъ своими грязными вшивыми лохмотьями, кричитъ и стонетъ, а рано утромъ пробуджается и занимается считаніемъ вшей на своихъ рубахахъ, — конкурируя въ ихъ количествѣ другъ съ другомъ.

Воздухъ въ дѣтскихъ комнатахъ ужасный.

Уборныхъ нѣтъ и дѣти все дѣлаютъ здѣсь-же, въ комнатахъ или даже на кроватяхъ. Дѣти до такой степени пропитаны смрадомъ, что когда они случайно попадаютъ на свѣжій воздухъ, имъ дѣлается дурно.

Всюду не только въ голодающихъ губ., какъ въ Казанской и Владимірской, но и въ производящихъ (Тамбовской, Пятигорской, Челябинской и др.), дѣти буквально голодаютъ, получая паекъ ниже всякой голодной нормы. Такъ напр., въ Курскѣ дѣти получаютъ четверть фунта хлѣба въ день и не ржаного, а изъ проса, или (въ Калужской губ.) изъ костреца — суррогатъ, отравляющій весь организмъ, признанный абсолютно негоднымъ, даже для скота.

Овощи, если и попадаютъ дѣтямъ, то гнилые,промерзлые и совершенно негодные къ употребленію.

Дѣтская смертность огромна. Такъ, въ Курскѣ врачами было заявлено сотрудникамъ агитвагона, по проведенію недѣли ребенка, что въ распредѣлителѣ 5 человѣкъ должно умереть отъ голодной смерти въ ближайшіе дни. Заявленіе врачей Уфимской губ. отъ 8 декабря 1920 г. ярко рисуетъ весь ужасъ дѣтскаго положенія. Изъ Бѣлозерска, Череповецкой губ., поступила просьба Отдѣла распустить дѣтей по міру, т. к. нечѣмъ кормить.

Въ Аткарскѣ, Саратовской губ., отвѣтственные работники говорили, что лучше вывести дѣтей изъ дѣтскихъ домовъ за городъ и тамъ ихъ разстрѣлять, чѣмъ такъ ихъ мучить.

Стыдно даже говорить о какой-либо воспитательной работѣ среди такого ужаса и кошмара: дѣти ничего рѣшительно не дѣлаютъ. Старшія дѣти занимаются развратомъ, играютъ въ карты, курятъ, пьютъ «Николаевскую». Дѣвочки 16-17 лѣтъ торгуютъ собой.

Но все это меркнетъ передъ тѣмъ ужасомъ дѣтской развращенности, полнаго духовнаго обнаженія, въ которомъ находятся морально дефективныя дѣти. На мѣстахъ смотрятъ на этихъ дѣтей, какъ на настоящихъ преступниковъ, вредныхъ для общества, съ которыми все равно ничего нельзя сдѣлать и примѣняютъ къ нимъ тѣ же мѣры воздѣйствія, какъ и ко взрослымъ преступникамъ. Такъ же сажаютъ ихъ въ тюрьмы, бьютъ и гноятъ. Среди этихъ дѣтей много сифилитиковъ. Такъ, въ Екатеринодарѣ на 299 человѣкъ дѣтей въ домѣ морально дефективныхъ — 60 дѣтей сифилитиковъ. И эти, часто талантливыя, дѣти, только съ особо повышенной чувствительностью, буквально гибнутъ, заживо схороненныя здѣсь. Даже въ Москвѣ въ пріютѣ на Подкопаевскомъ, положеніе этихъ дѣтей ужасное. Письма дѣтей отъ 21 ноября 1920 г. Тутаева и Смирнова изъ Подкопаевскаго пріюта съ достаточной ясностью говорятъ это: «Вѣдь мы заброшены, какъ щенки, которые родятся слѣпые, вѣдь мы здѣсь воровать научимся. Скажите всѣмъ ребятамъ, что кто сюда попадетъ, то все равно калѣкой будетъ на весь вѣкъ».

Стыдно сказать, что эти дѣти наше будущее, наша опора, наша гордость и сила. Дѣтскіе дома являются не очагомъ коммунизма, а возбудителями контръ-революціонерныхъ настроеній, вооружающими населеніе. Такъ, во время грандіознаго пожара въ Саратовѣ, когда дѣти гибли въ пламени, родители не допускали спасать ихъ, говоря, что пусть лучше сгорятъ они, чѣмъ будутъ мучиться и заживо гнить въ Дѣтскихъ Домахъ».

Такъ,уничтоженный для свѣта,«крайне безтактный» докладъ, составленный по *оффиціальнымъ* документамъ, находящимся въ дѣлахъ Комиссаріата Просвѣщенія, рисуетъ призрѣніе дѣтей, дошкольное дѣтское образованіе и воспитаніе въ рукахъ совѣтской власти. И весь этотъ безпримѣрный кошмарный ужасъ дѣтскихъ домовъ былъ сдѣланъ «рабоче-крестьянской» властью предлогомъ для пышной и шумной саморекламы на весь міръ. Кошмарнѣйшее изъ совершенныхъ преступленій власть превратила въ свою заслугу и славу, въ міровой образецъ для подражанія. Цинизму и наглости этихъ политическихъ шулеровъ нѣтъ предѣловъ, нѣтъ примѣровъ и нѣтъ оправданія.

Преступленія противъ дѣтей Россіи въ январѣ и февралѣ 1921 г. были дополнены новымъ актомъ — въ это время властью

была уничтожена послѣдняя изъ независимыхъ общественныхъ организацій, честно работавшая надъ дѣломъ спасенія гибнущихъ дѣтей — «Лига Защиты Дѣтей».

А безпризорность дѣтей растетъ. Въ 1917 г. она для дѣтей Москвы равнялась 1-2 проц., а въ серединѣ 1920 г., въ результатѣ гражданской войны, разрушенія народнаго хозяйства и растущей нищеты, она поднялась до 25-30 проц. по однимъ подсчетамъ и до 40 проц. по другимъ.

Школьное образованіе. Въ тяжеломъ состояніи находится и школьное образованіе подрастающихъ поколѣній Россіи. Со времени октябрьской революціи оно, вмѣстѣ со всей русской жизнью, быстро и безостановочно катилось внизъ. Начнемъ съ государственныхъ ассигнованій на образованіе.

Годы	Сумма расходовъ (въ рубляхъ)	%% отношеніе ко всему государств. бюджету
1912	170.206.000	6,37
1914	258.605.000	7,21
1916	270.775.000	8,24
1918	3.074.343.000	6,58
1919	17.279.374.000	8,02
1920	114.366.070.000	10,95

Какъ видимъ, только въ 1920 году *относительный* размѣръ ассигновокъ на образованіе превысилъ ихъ размѣръ въ послѣдній годъ царскаго режима. Если, однако, по совѣту К. Пруткова, «смотрѣть въ корень вещей» и принимать въ расчетъ не *ассигнованія,* а дѣйствительные *расходы,* то врядъ-ли самодержавіе не тратило и относительно больше. Дѣло въ томъ, что ассигнованія прежняго времени выполнялись полностью и въ смыслѣ отпуска средствъ и въ смыслѣ ихъ расходованія, а теперь деньги отпускаются государственнымъ казначействомъ въ меньшемъ противъ ассигновокъ количествѣ и еще меньше онѣ расходуются на мѣстахъ. Въ первой половинѣ іюля 1920 года Государственнымъ Казначействомъ вмѣсто 1,5 милліардовъ рублей, подлежавшихъ переводу на мѣста для расходовъ по образованію, было переведено только *1,2 милліарда* руб., во второй половинѣ іюля вмѣсто тѣхъ-же 1,5 милліарда перевели только 500 милліоновъ. На мѣстахъ, гдѣ всегда чувствуется недостатокъ въ «дензнакахъ», переведенныя суммы только частично пошли на дѣло образова-

нія, часть ихъ пошла на болѣе экстренныя надобности. Если перевести совѣтскіе милліарды руб. на золотую валюту, то суммы, ассигнуемыя на образованіе, окажутся совершенно ничтожными: 47,3 милліона золотыхъ руб. въ 1918 г., 43,5 милліона зол. руб.— въ 1919 г. и 24,3 милліона золотыхъ руб.—въ 1920 г. Въ послѣднемъ году расходовалось въ 11 разъ меньше, чѣмъ въ 1916 году.

Упадочное состояніе современнаго образованія выступаетъ еще ярче изъ цифръ, относящихся къ снабженію учащихся средствами обученія. Послѣднія въ 1920 г. испрашивались и были отпущены въ такихъ количествахъ:

	Испрашивалось на 1 учащагося	Отпущено
Бумаги	30 листовъ	15 листовъ
Тетрадей	6 штукъ	1 на двухъ учен.
Карандашей	3 »	1 на 60 уч.
Перьевъ	17 »	1 на 22 уч.
Чернильницъ	1 »	1 на 100 уч.

Къ этой краснорѣчивой таблицѣ надо прибавить, что всѣ поименованные въ ней предметы на «вольномъ рынкѣ» почти отсутствовали, а если имѣлись, то только въ большихъ городахъ и по очень высокимъ цѣнамъ. Учащіеся Россіи въ своемъ огромномъ большинствѣ должны были довольствоваться тѣмъ, что выдавало государство. Образованіе при такихъ условіяхъ дѣлалось для преобладающей части дѣтей и подростковъ школьнаго возраста невозможнымъ.

Особенно тяжкіе удары нанесены первоначальному образованію. Въ этой области мы вездѣ видимъ неремонтируемыя и неотапливаемыя школьныя зданія, отсутствіе учебниковъ, классныхъ досокъ, мѣла, чернилъ, всеобщая острая нехватка бумаги, почти нѣтъ карандашей и перьевъ. Занятія идутъ въ тѣсныхъ и душныхъ крестьянскихъ избахъ, въ которыя набивается по 30-40 школьниковъ. Учителя разуты, раздѣты, нищенствуютъ и порой (женская часть) проституируютъ; мѣсяцами, часто по полугоду, они не получаютъ жалованья; какъ правило, не получаютъ пайка. Все наиболѣе энергичное среди учителей бѣжитъ съ голодной и тернистой «нивы просвѣщенія». И учителей не хватаетъ. Составъ учительской арміи рѣзко измѣнился и качественно понизился. «Теперешнихъ учителей самихъ учить надо», говорятъ крестьяне... и они отказываются посылать дѣтей въ казенныя школы, не

видя отъ современнаго ученья никакого проку... *) Распространены случаи, когда обученіе письму производится на выровненной площадкѣ снѣга (зимой), или песка (весной и осенью). Учитель и ученики пишутъ палками. Плохо одѣтые, истощенные учитель и ученики мерзнутъ и синѣютъ отъ зимняго холода на этихъ площадкахъ. Въ болѣе оборудованныхъ школахъ пишутъ углемъ на выбѣленной стѣнѣ.

«Ликвидація безграмотности», такъ гласитъ одинъ изъ лозунговъ, выброшенныхъ совѣтской властью. Крестьяне перевели его по своему — «ликвидація грамотности». И переводъ гораздо лучше отражаетъ дѣйствительность, чѣмъ оригиналъ: прежніе грамотные крестьяне, за отсутствіемъ книгъ, теряютъ умѣніе читать, умираютъ, а новыхъ «грамотѣевъ» современныя школы не даютъ.

Цитированный выше докладъ, составленный въ комиссаріатѣ просвѣщенія, но не увидѣвшій въ Россіи свѣта, подтверждаетъ развалъ первоначальнаго школьнаго образованія. «Съ болью приходится сказать», пишется въ немъ, что и школы... забыты и заброшены. Всѣ лучшія школьныя зданія заняты учрежденіями военнаго вѣдомства, а если освобождены, то представляютъ собой груды развалинъ, гдѣ всѣ стекла выбиты, двери сорваны съ петель, полъ и потолокъ разобраны. Мы видѣли это на Дону и на Кубани, гдѣ даже тѣ школьныя зданія, которыя уцѣлѣли отъ сырости и холода сдѣлались совершенно негодными для занятій. Въ школахъ царитъ холодъ, т. к. зданія совершенно не отапливаются, никакихъ завтраковъ, даже куска хлѣба, дѣти не получаютъ. Даже тамъ, гдѣ школьное дѣло могло-бы наладиться, оно гибнетъ, т. к. нѣтъ совершенно работниковъ, учителя бѣгутъ изъ школъ, благодаря полной матеріальной необезпеченности. По свѣдѣніямъ отдѣла Единой школы, выяснилось, что положеніе школьныхъ работниковъ катастрофическое. Отъ 2140 руб. до 2618 руб. жалованья въ мѣсяцъ и ничего больше. Никакого пайка учитель не получаетъ. Но и это нищенское жалованье учитель получаетъ неаккуратно, оно задерживается ему по 6-8 мѣсяцевъ, объ этомъ го-

*) «Не любитъ крестьянинъ нашей школы и не чувствуетъ къ ней никакого уваженія» — признавался Луначарскій на первомъ Всеросс. Совѣщаніи по партійной работѣ въ деревнѣ (1920 г.). Помимо низкаго качества учителей, эта нелюбовь крестьянина вызывается еще уничтоженіемъ преподаванія Закона Божія.

ворятъ намъ телеграммы изъ всѣхъ центральныхъ губерній, съ Поволжья и съ сѣвера.

Такая матеріальная необезпеченность заставляетъ учителя искать другого заработка, а въ селахъ и деревняхъ идти въ кабалу къ крестьянину. За кусокъ хлѣба для семьи учитель выпужденъ учить дѣтей тому,что диктуетъ ему кулакъ крестьянинъ. Немудрено, что въ школахъ преподается и Законъ Божій и Евангеліе... — Многіе честные педагоги либо буквально умираютъ съ голоду, либо кончаютъ самоубійствомъ, какъ объ этомъ говорятъ свѣдѣнія изъ Брянска, Гомеля, Рязанской губ. и др. Въ Нижегородской, Череповецкой, Рязанской губ., учительство бросаетъ школы и идетъ по міру».

Эти данныя оффиціальнаго доклада не оставляютъ сомнѣнія, что сельская низшая школа въ Россіи, на созданіе которой въ прошломъ положено столько силъ и любви со стороны прежнихъ земствъ, теперь разгромлена и погибла. Организованнаго первоначальнаго образованія въ современной Россіи почти нѣтъ.

А въ то же время отношеніе къ образованію и оцѣнка его среди крестьянъ измѣнились, — выросли. «Развѣ-бы насъ большевики опутали, если-бы мы были грамотны», говорятъ крестьяне. Тутъ проявляется неизвѣстный крестьянину раньше политическій мотивъ въ оцѣнкѣ образованія. «Какъ-же безъ грамоты? книжку-ли про земледѣліе почитать, записать-ли что, письмо-ли написать», отвѣчаютъ въ другихъ случаяхъ. Характерно это упоминаніе про книжку о земледѣліи: тутъ отраженіе новой психологіи крестьянина, какъ хозяйствующаго человѣка. О ней я буду дальше говорить... «Тяга къ просвѣщенію колоссальна», пишетъ отчетъ комиссаріата Просвѣщенія. «Несмотря на всѣ трудности, несмотря на разруху и послѣдствія гражданской войны, волна которой смыла всю образовательную сѣть, несмотря на голодъ, мы ежедневно получаемъ свѣдѣнія, что силами самихъ крестьянъ строятся новыя школы»... На югѣ Россіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ появились дѣти крестьянъ и порой они составляютъ отъ 40-60 проц. всѣхъ учениковъ. Прежде ихъ не было... На Волыни 3-4 крестьянскихъ семьи, складываясь, приглашаютъ изъ города къ своимъ дѣтямъ «гувернантку»... Въ массѣ губерній появились сельскія школы, содержимыя крестьянами въ «складчину». Черты новой грядущей Россіи сквозятъ изъ этого крестьянскаго движенія къ свѣту знанія.

Движеніе нашло отраженіе и на страницахъ заграничной русской печати. Вотъ отрывокъ изъ разговора русскаго эмигранта-интеллигента, живущаго у самой границы, съ крестьяниномъ: «Мы въ свою деревню привезли изъ города одного. Тоже раньше паномъ былъ. Учителемъ его поставили. Кормимъ его, комнату и школу ему отапливаемъ. Хорошо, очень даже хорошо съ нимъ живемъ.... Такихъ учителей и учительницъ по деревнямъ порядочно есть. Привозимъ. Потому, большевики своихъ школъ содержать не могутъ, такъ мы сами позаботились. Надо-же ребятъ учить». («Воля Россіи» 18/I 1921 года).

Великую роль крестьянскаго образовательнаго движенія и великое значеніе образованія по новому оцѣниваетъ и русская интеллигенція. Дѣло образованія она кладетъ въ основу будущей дѣятельности здоровой государственной власти Россіи. «За дѣломъ энергичнаго подъема образованія во всѣхъ формахъ и на всѣхъ ступеняхъ послѣдняго», читалъ я въ Россіи въ одномъ наброскѣ новой политической программы, «должна быть признана такая-же степень важности и экстренности, которой обладаетъ защита государства во время оборонительныхъ войнъ».

Пострадала, хотя и меньше, чѣмъ низшая, и средняя школа. Всѣ частныя школы упразднены. Упразднены 7 и 8 классы. Въ цѣляхъ воспитательныхъ было введено «прикрѣпленіе» учителя къ опредѣленной группѣ учащихся (классу), преподаваніе имъ всѣхъ предметовъ школы, начиная съ перваго и до послѣдняго класса. Съ 1920-1921 г. педагогамъ удалось добиться ограниченія этого правила: съ 5 класса оно теперь не дѣйствуетъ. Въ 1919-20 г. было уничтожено преподаваніе языковъ, зато введена соціологія. Усиленно примѣняются «трудовые процессы» и учащіеся надрываются надъ мойкой половъ въ классахъ, коридорахъ, уборныхъ, надъ чисткой снѣга и льда, надъ доставкой, пилкой и ноской дровъ, часами, а то и днями, они простаиваютъ у складовъ, изъ которыхъ надо получить чернила, бумагу, карандаши и т. д. Учащіеся прикомандировываются къ учрежденіямъ и, — плохо одѣтые и голодные, они днями бѣгаютъ съ пакетами по городу. Не рѣдки случаи массоваго исключенія учащихся по мотивамъ «неблагонадежности». Обратный пріемъ производится послѣ тщательныхъ анкетныхъ и устныхъ изысканій въ отношеніи «контръ-революціи»... Помѣщенія среднихъ учебныхъ заведеній часто (особенно въ провинціи) заняты правительственными уч-

режденіями (обычно военными) и въ остающихся зданіяхъ занятія идутъ съ утра до поздняго вечера. Черезъ классъ проходятъ 3, а то и 4 группы. Классную комнату нѣтъ времени какъ слѣдуетъ провентилировать.

Прямолинейно проведенный принципъ совмѣстнаго обученія, когда въ общемъ классѣ сразу были соединены подростки, въ возрастѣ 15-16 лѣтъ, далъ въ результатѣ сильный половой развратъ. Его предвидѣли и о немъ предупреждали педагоги, возражая противъ механическаго проведенія въ жизнь принципа совмѣстнаго обученія, но власть настояла на своемъ.

Въ общемъ, среднія школы и среднее образованіе пострадали гораздо меньше первоначальныхъ школъ и низшаго образованія.

Еще меньшій уронъ понесла *высшая* школа. Къ ея коммунизаціи власть вплотную подошла только въ самомъ концѣ 1920 г. До того времени прежній строй высшей школы *въ общемъ* оставался неприкосновеннымъ. Шло зато безпрерывное увеличеніе числа высшихъ учебныхъ заведеній. Вмѣсто прежнихъ 10 университетовъ, ихъ къ началу 1921-22 учебнаго года было 23. Всего на съѣздѣ представителей высшихъ учебныхъ заведеній, происходившемъ въ первой трети 1921 года въ Москвѣ, было представлено 90 высшихъ учебн. заведеній. Но что за преподавательскія и административныя силы работали въ нихъ! Вотъ Велико-Устюгскій университетъ. Во главѣ его стоитъ нѣкто Горовой — человѣкъ съ уголовнымъ прошлымъ (сжегъ домъ, чтобы получить страховую премію, укралъ у любовницы деньги, были и еще какія-то «художества»). Прошлое его всѣмъ извѣстно, но Горовой (теперь коммунистъ) — ректоръ, ибо онъ обладаетъ, по оффиціальной оцѣнкѣ мѣстныхъ властей, «организаціонными способностями». Лекціи, какъ правило,читали учителя среднихъ учебныхъ заведеній, агрономы и лица, никогда не имѣвшія никакого отношенія ни къ ученой, ни къ преподавательской дѣятельности. А вмѣстѣ съ тѣмъ какой размахъ! Екатеринбургскій совдепъ постановилъ учредить въ столицѣ Урала (Екатеринбургѣ) университетъ о 32 факультетахъ. И такъ какъ въ сосѣдствѣ съ такимъ университетомъ-солнцемъ было безсмысленно существованіе стараго и налаженнаго университета въ Перми, то послѣдній рѣшено было закрыть. Еле-еле удалось отстоять въ Москвѣ существованіе Пермскаго университета.

Декретомъ 8 декабря 1920 г. была сбразована комиссія для

коренного пересмотра програмы общественныхъ наукъ, преподаваемыхъ въ высшихъ школахъ. Во второй половинѣ декабря того-же года комиссія приступила къ работѣ. Главнымъ объектомъ ея вниманія явились университеты. Задачей было поставлено превратить ихъ изъ общеобразовательныхъ школъ, развивающихъ *пониманіе* и воспитывающихъ научные методы мышленія, въ утилитарныя школы, для подготовки практическихъ работниковъ, нужныхъ совѣтской республикѣ въ разныхъ областяхъ жизни. Изъ школы, развивающей и дисциплинирующей мысль, университеты должны были сдѣлаться питомникомъ чиновниковъ. Задача была выполнена. Современные университеты *формально* перестали быть тѣмъ, чѣмъ они были раньше. *)

Въ преобразованномъ университетѣ наименьшей ломкѣ подвергся медицинскій факультетъ. Наибольшей—факультеты юридическій и историко-филологическій. Послѣдніе два факультета упразднены и замѣнены факультетомъ общественныхъ наукъ **) съ четырьмя отдѣленіями — правовымъ, экономическимъ, педа-

---

*) Фактически старые университеты еще надолго останутся со своими прежними задачами и прежними методами дѣятельности. Власть безсильна смѣнить прежнія преподавательскія силы университетавъ, ибо ихъ некѣмъ замѣнить. А прежніе работники, сложившіеся въ своихъ представленіяхъ о задачахъ университетовъ и о пріемахъ работы въ нихъ, будутъ вести свою работу, какъ и вели ее до сихъ поръ. «Чертъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ».

Въ началѣ 1921 г. самый «вѣрноподданный» и найболѣе усердный въ «коммунизаціи» высшей школы Боголѣповъ, перешедшій во время революціи въ профессора непосредственно съ должности помощника присяжнаго повѣреннаго, писалъ: «Надо признать, что красныхъ «спецовъ» у насъ еще долго не будетъ. Тѣмъ болѣе важно вполнѣ овладѣть высшей школой, однако, здѣсь передъ нами стоятъ громадныя трудности. Профессура, представляющая собой найболѣе реакціонную, найболѣе политически затхлую и, вмѣстѣ съ тѣмъ ,найболѣе сознательную часть буржуазіи, превосходно понимая важность для пролетаріата овладѣнія высшей школой, прилагаетъ всѣ усилія, чтобы не допустить до этого.

Нужно сознаться, къ нашему стыду, что она это дѣлаетъ далеко не безуспѣшно. За три съ лишкомъ года существованія совѣтской власти высшая школа жила своей обособленной жизнью.

**) Безсистемная ломка юридическаго и историко-филологическаго факультетовъ съ замѣной ихъ факультетомъ общественныхъ наукъ началась, если не ошибаюсь, еще съ 1919 года. Но тогда эта ломка сводилась почти исключительно къ перемѣнѣ названія. Прежнія программы остались почти безъ измѣненія. Словесное отдѣленіе историко-филологическихъ факультетовъ во многихъ университетахъ (Москва, Саратовъ, Казань) оставалось совершенно нетронутымъ.

гогическимъ и словеснымъ. Первое отдѣленіе должно готовить судей и служащихъ для совѣтскихъ учрежденій, второе — работниковъ въ области профессіональнаго движенія, промышленности, сельскаго хозяйства и статистики, третье — работниковъ организаторовъ въ области школьнаго и внѣшкольнаго дѣла, четвертое — преподавателей языковъ, по преимуществу русскаго.

Для всѣхъ факультетовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній введенъ обязательный общеобразовательный минимумъ, включившій въ себя «совѣтскую конституцію», «Дарвинизмъ», «историческій матеріализмъ», «исторію соціализма» и «исторію русской революціи». Предметы этого курса, за исключеніемъ нейтральныхъ, съ точки зр.нія «государственныхъ интересовъ», могутъ читаться только патентованными марксистами. Для подготовки послѣднихъ въ 1921 году въ Москвѣ открытъ «Институтъ для подготовки красной профессуры».

Въ результатѣ реформы высшихъ школъ 1921 г. въ Лазаревскомъ институтѣ Восточныхъ языковъ (въ Москвѣ) была упразднена общая исторія восточныхъ народовъ, зато введена исторія ихъ революціонныхъ движеній.

Реформа покончила со свободой преподаванія. «Въ сферѣ высшей школы», пишетъ Луначарскій въ отчетѣ комис. просвѣщенія за періодъ 1917-20 годовъ «мы совершенно порвали съ благожелательнымъ отношеніемъ къ автономіи науки. Мы, конечно, и теперь признаемъ ее желательной и естественной, но не въ атмосферѣ пролетарской диктатуры. Борьба противъ автономіи при нынѣшнихъ условіяхъ есть борьба противъ порабощенія науки буржуазіей и ея придатками».

Въ воззваніи упомянутой выше комиссіи по пересмотру программы гуманитарныхъ наукъ этотъ отказъ отъ свободы научной мысли былъ мотивированъ и подтвержденъ. «Въ обществѣ, состоящемъ изъ классовъ», говорилось въ воззваніи, «свободы и нейтралитета науки нѣтъ и быть не можетъ. Научная, художественная и философская мысли отражаютъ міросозерцаніе борющихся классовъ. Россія, свергнувъ буржуазію, переживаетъ переходный моментъ, характеризующійся борьбой съ остатками прошлаго и требующій величайшаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ. При такихъ условіяхъ совѣтское правительство совершило бы самоубійство, если-бы провозгласило свободу научнаго преподаванія и изслѣдованія (Sic!) Провозгласивъ диктатуру проле-

таріата въ политической и экономической областяхъ, совѣтская власть должна столь же откровенно заявить, что та же диктатура распространяется и на науку».

Проводя эту «диктатуру пролетаріата надъ наукой» въ жизнь, современный ректоръ Московскаго университета Боголѣповъ, твердо и послѣдовательно ставитъ предъ собой задачу заставить профессоровъ читать по одобреннымъ властью учебникамъ и отнюдь не выходитъ за ихъ предѣлы. Руководясь той же «культурной» политикой, — А. А. Кизеветтеру разрѣшено читать въ Московскомъ университетѣ курсъ русской исторіи только до Севастопольской обороны, т. к. послѣдующій періодъ русской жизни является благопріятной средой для разводки бациллы «контръ-революціи». «Благонадежнаго» лектора для послѣдняго періода русской революціи не нашлось, и Россіи послѣ 1854 года фактически выбыла изъ университетской программы.

На томъ же основаніи преподавателю одной изъ высшихъ с.-х. школъ въ провинціи изъ мѣстнаго губ. отдѣла народнаго образованія пришло письменное предписаніе читать его предметъ (экономика сельскаго хозяйства) въ «Марксистскомъ освѣщеніи». Въ случаѣ несогласія грозили увольненіемъ. Преподаватель попросилъ разъяснить темный для него смыслъ требованія, а также настаивалъ на присылкѣ ему научныхъ руководствъ, освѣщенныхъ лучезарнымъ свѣтомъ марксизма. До отвѣта на его вопросъ и до присылки руководствъ, онъ не можетъ отвѣтить на требованіе начальства ни согласіемъ, ни отказомъ. Отвѣта не послѣдовало и преподаватель продолжалъ благополучно читать свой курсъ безъ «марксистскаго освѣщенія».

Слава Рунича и Магницкаго больше не сіяетъ въ исторіи нашего просвѣщенія: современные коммунистическіе душители свободной мысли затмили ее.

Гораздо лучше, чѣмъ университеты, сохранилась высшая техническая школа. Она все время была лучше обезпечена матеріально, меньшимъ ломкамъ подвергались ея учебные планы, какъ правило, ненарушенной была свобода преподаванія. Среди нихъ успѣшностью и напряженностью ученой и учебной дѣятельности выдѣлялась Петровско-Разумовская с. х. Академія. Выборное правленіе академіи, состоявшее изъ профессоровъ, все время твердо отстаивало права школы и мужественно отбивалось отъ всѣхъ нападеній на нихъ. Въ началѣ декабря 1921 года,

послѣ трехдневнаго обыска и арестовъ среди студентовъ и обыска въ помѣщеніяхъ академіи и въ квартирахъ профессоровъ, (Дояренко) прежнее правленіе должно было уйти. На сцену появилось правленіе новое, сильно «коммунизированное». Жизнь и работа академіи вступили въ новый и гораздо худшій фазисъ.

Книгоиздательство. Печатный станокъ въ Россіи націонализированъ и служитъ только коммунистической партіи. Оттого новая книга — большая рѣдкость; книга же, вдумчиво откликающаяся на быстро текущую и сложную жизнь, исчезла вовсе.

Книгоиздательство, какъ и все въ Совѣтской Россіи, разваливается: нѣтъ бумаги, красокъ, не хватаетъ рабочихъ, пала производительность типографскаго труда. Количество оттисковъ неуклонно понижается. Ихъ было (въ тысячахъ), въ 1916 г. — 16.240, въ 1917 г. — 12.297, въ 1918 г. — 7.522, въ 1919 г. —3.827, въ 1920 г. — 2.488.

Ко времени моего отъѣзда изъ Москвы существовало около десятка еще не закрытыхъ частныхъ издательствъ, но они влачили жалкое незамѣтное существованіе. Иначе не могло и быть: чтобы издать книгу, надо было пройти черезъ коммунистическую цензуру и получить разрѣшеніе отъ государственнаго издательства, затѣмъ отъ полиграфическаго отдѣла необходимо было имѣть разрѣшеніе на пользованіе типографіей. Когда книжка, наконецъ, была отпечатана, власть произвольно калькулировала ея стоимость и установленная ею цѣна книжки для издательства была обязательной. Издавать было трудно.

При такой абсолютной зависимости отъ государственной власти частныхъ издательствъ, судьба и работа послѣднихъ, очевидно, вполнѣ опредѣляется государственной политикой въ области книгоиздательства. Какова же она?

Государственные органы, вѣдающіе издательство произведеній печати и всегда, (какъ въ центрѣ такъ и на мѣстахъ) возглавлявшіеся коммунистами, свою основную цѣль видѣли въ использованіи могучаго орудія общественной жизни — книги —для упроченія вводимаго въ Россіи коммунистическаго строя. Книги, удовлетворявшія этой задачѣ, довольно безпрепятственно получали возможность выхода, на книги-же, противорѣчащія ей, какъ бы содержательны и хороши по формѣ онѣ ни были, накладывалось безусловное «veto». Вотъ первое и основное начало поли-

тики «Госиздата» (Государственнаго Издательства), какъ въ центрѣ (въ Москвѣ), такъ и на мѣстахъ.

Второе начало вытекало изъ вѣдомственно-корпоративныхъ интересовъ. Заинтересованные, какъ всѣ учрежденія, въ успѣшности своей работы, органы «Госиздата» видѣли въ частныхъ издательствахъ своего конкуррента, ограничивающаго размѣры работъ государственныхъ органовъ и уменьшающаго значеніе послѣднихъ. Отсюда у «Госиздата» родилась естественная тенденція «ущемлять» своего соперника.

Прибавлялся и третій мотивъ: писатели съ большой неохотой и лишь при крайней нуждѣ обращались со своими работами въ государственное издательство, а частныя издательства были завалены рукописями. По свѣдѣніямъ, даннымъ Всероссійскимъ союзомъ писателей, частныя издательства въ концѣ 1920 г. имѣли болѣе полуторы тысячъ рукописей только художественныхъ и литературно-критическихъ работъ. Такое отношеніе писателя къ государственнымъ органамъ вызвало у послѣднихъ желаніе «ущемить» и его.

Совокупное дѣйствіе этихъ трехъ руководящихъ мотивовъ и опредѣляло политику «Госиздата». Какъ и другіе виды государственной политики, она была напоена произволомъ, полна самодурствомъ и часто противорѣчила собственнымъ интересамъ государственной власти. Вышедшая полулегально и, во всякомъ случаѣ, безъ разрѣшенія коммунистической цензуры, въ 1920 г. брошюра П. Витязева «Частныя издательства Совѣтской Россіи» переполнена иллюстрирующими примѣрами этой политики самодурства, произвола и удушенія независимой печати въ Россіи. Въ брошюрѣ сообщается, что книгоиздательство «Колосъ», въ отвѣтъ на просьбу издать полное собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго, получило совѣть «употребить имѣющуюся въ издательствѣ бумагу на печатаніе литературы агитаціоннаго характера»; издательству «Алконостъ» было запрещено печатать уже набранныя и выпускать уже напечатанныя книги, не заключавшія въ себѣ ничего противорѣчащаго «государственнымъ интересамъ»; «Воспоминанія В. Н. Фигнеръ», проданныя ею издательству «Задруга». «Госиздатъ» пытался взять себѣ для изданія подъ собственной фирмой; съ книжки Страсбургера «Учебникъ ботаники», издававшейся М. В. Сабашниковымъ, «Госиздатъ» прика-

залъ типографіи снять фирму издательства (Сабашникова) и поставить свою собственную; тому же М. В. Сабашникову запретилъ издавать «Курсъ статической физики» проф. Круткова, мотивировавъ запрещеніе словами «мы издадимъ ее сами»; потребовавъ у «Задруги» для просмотра рукопись книги проф. Стеріопуло «Терапія внутреннихъ болѣзней», «Госиздатъ» не вернулъ рукописи назадъ, рѣшивъ издать ее подъ собственной фирмой.— Согласія ни у автора, ни у «Задруги», конечно, не спрашивалось. И такъ далѣе. Повторяю, брошюра П. Витязева изобилуетъ подобными примѣрами, въ ней десятки случаевъ, подобныхъ приведеннымъ.

Вотъ въ добавленіе къ нимъ неопубликованный еще эпизодъ, связанный съ сочиненіями П. А. Крапоткина. Послѣдній въ 1920 г. разрѣшилъ частному издательству анархистовъ переиздать три свои книги: («Взаимопомощь, какъ факторъ эволюціи», «Поля, фабрики и мастерскія», и «Великая французская революція»). «Госиздатъ», желая издать эти книги самъ, отказалъ въ разрѣшеніи на изданіе ихъ частнымъ издательствамъ. Безъ согласія Крапоткина, жившаго въ Димитровѣ, книгъ издавать было нельзя — это былъ все-таки Крапоткинъ. «Госиздатъ» обратился къ автору съ предложеніемъ продать ему право на изданіе всѣхъ своихъ книгъ. Гонораръ предлагался въ размѣрѣ,если мнѣ не измѣняетъ память, въ 1 милліонъ руб. (тогда это были еще крупныя деньги). Несмотря на свою нужду, Крапоткинъ отклонилъ предложеніе, заявивъ, что въ государствѣ онъ всю свою сознательную жизнь видѣлъ врага человѣчества и своего личнаго врага. «Всю жизнь я словомъ и перомъ боролся съ нимъ и я измѣнилъ бы дѣлу всей жизни, продавъ право на изданіе своихъ книгъ худшему изъ всѣхъ видовъ государства». Такъ былъ мотивированъ отказъ. Получивъ такой отвѣтъ,«Госиздатъ», при повторныхъ переговорахъ съ анархистами, сдѣлался еще рѣшительнѣе въ своемъ несогласіи на изданіе ими книгъ П. А. Крапоткина. Такъ книги и остались неизданными.

Политика «Госиздата» и ея послѣдствія получили свою характеристику и оцѣнку въ докладной запискѣ «Всероссійскаго союза писателей» (художниковъ), поданной въ декабрѣ 1920 года Луначарскому. Записка очень сдержана по формѣ, но гнѣвный крикъ боли и протеста удушаемой, но не задушенной, еще

живой и страстной писательской души, въ ней слышится ясно и чувствуется сильно. Вотъ выдержка изъ нея: «Нынѣ закрываютъ издательства, отбираютъ наши послѣдніе запасы бумаги, запираютъ наши типографіи, прекращаютъ наборъ рукописей, аннулируютъ уже данныя разрѣшенія на изданія, даже отказываются отъ контрактовъ, которые органы власти... заключили съ писательскими коллективами... Доступъ къ типографіямъ не расширяется, а суживается. Послѣднія рукописи снимаются съ очередей и возвращаются авторамъ. Русская книга — художественная, критическая, историческая и философская — окончательно замуровывается. Русская литература перестаетъ существовать. Изъ явленія мірового значенія она превратилась въ явленіе комнатнаго обихода для небольшой группы лицъ, имѣющихъ возможность услышать другъ друга за чтеніемъ своихъ рукописей. Исторія не забудетъ отмѣтить того факта, что въ 1920 году, въ первой четверти двадцатаго вѣка, русскіе писатели, какъ много вѣковъ назадъ, еще до открытія книгопечатанія, переписывали отъ руки свои произведенія въ одномъ экземплярѣ и такъ выставляли ихъ на продажу..., ибо никакого другого пути къ общенію съ читателями имъ дано не было...

.....Политика государственнаго издательства, монополизировавшаго все русское книгопечатаніе,дѣлаетъ молчаніе живой русской литературы явленіемъ *принципіальнымъ:* для русскаго писателя книги нѣтъ, ибо онъ долженъ молчать. Мы съ негодованіемъ видимъ, что *невольное стѣсненіе* литературы превращается въ ея *сознательное умерщвленіе.*»

«Соціализація мысли», которую когда то, какъ слѣдствіе соціализма, предсказывалъ въ черносотенно-погромной статьѣ Шмаковъ, была утверждена въ Россіи. Лишь незначительное количество книгъ увидѣло свѣтъ, помимо казеннаго издательства. Изъ нихъ, въ качествѣ наиболѣе интересныхъ, могу вспомнить только слѣдующія: два тома «Основаній соціологіи» Сорокина: сборникъ въ память П. Л. Лаврова «Впередъ»; «Парижская коммуна» и «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ» Лаврова; сборникъ старыхъ статей Иванова-Разумника о Герценѣ; интересную книгу Н. П. Макарова «Эволюція крестьянскаго хозяйства»; книжку Виппера по исторіи Россіи,доведенной включительно до большевистскаго переворота 1917 г.; нѣсколько то-

ненькихъ книжечекъ о декабристахъ; романъ Мережковскаго «14 декабря»; романъ Анатоля Франса «Боги жаждутъ»; Диккенса «Повѣсть о двухъ городахъ»; новый томикъ «статей Гершензона», *) шестую книгу «Пропиллеевъ»; новый томикъ «Исторіи моего современника» Короленко; брошюрку Дживилегова «Крестьянскія движенія на западѣ»; да еще сборникъ журнала «Русская Мысль», « De profundis », отпечатанный еще въ 1918 году, потомъ запрещенный и только въ 1921 году выкраденный рабочими изъ склада и пущенный въ продажу. Вотъ и все существенное, что дали частныя издательства за 1919, 1920 годы и первую половину 1921 г. Дальше идетъ оффиціально покровительствуемая стихотворная нелѣпица имажинистовъ, книжки государственнаго издательства, прославляющія прелести коммунизма и заушающія буржуазный строй, да книжки нашихъ классиковъ. Единственно цѣнное новое, что выпустило казенное издательство—это 18 томовъ «Полнаго собранія сочиненій и писемъ А. И. Герцена», начатые изданіемъ еще Стасюлевичемъ.

«Умерщвленіе русской литературы», констатированное въ докладной запискѣ Всероссійскаго союза писателей, проводится не только путемъ запрещенія къ выходу новыхъ книгъ; умерщвляютъ и прежнюю, уже существующую литературу. Продѣлывается это, то въ результатѣ безумнаго и безотвѣтственнаго фанатизма, то въ силу темноты, то въ результатѣ нескладной работы чудовищно нагроможденныхъ бюрократическихъ аппаратовъ государства.

---

*) Съ этой книжкой Гершензона, вступившаго въ противоположность огромному большинству русскихъ писателей въ дружественный контактъ съ сов. властью, получился скандалъ, долго потѣшавшій литературную Москву. Книга начиналась статьей «Мудрость Пушкина». Центромъ этого введенія была статья Пушкина, открытая Гершензономъ въ какомъ то старомъ журналѣ. Она была безъ подписи. Гершензонъ утверждалъ, что въ этой статьѣ выражены самыя глубокія и дорогія мысли поэта. Въ ней сказалась «мудрость Пушкина». Онъ утверждалъ далѣе, что только онъ, Гершензонъ, интуитивно и глубоко проникшій въ основы міровоззрѣнія и міроощущенія поэта, могъ установить принадлежность статьи перу Пушкина. И... о ужасъ! — открытая статья оказалась принадлежащей Жуковскому и помѣщенной въ собраніи его сочиненій. Когда Гершензону указали на это, онъ сначала былъ потрясенъ, а потомъ бросился въ лавку писателей вырѣзывать изъ непроданныхъ книгъ злополучную статью. Въ «Мудрости Пушкина», острила Москва, проявилась мудрость Гершензона».

Въ самомъ концѣ 1920 г. «Главполитпросвѣтъ» издалъ циркуляръ, въ которомъ онъ требовалъ отъ своихъ мѣстныхъ органовъ («губполитпросвѣты») пересмотра книгъ въ книгохранилищахъ публичнаго пользованія, въ цѣляхъ изъятія оттуда книгъ: 1) порнографическихъ, 2) духовно-религіозныхъ, 3) контръ-революціонныхъ, 4) книгъ по общественнымъ вопросамъ, если мысли автора расходятся съ интересами существующаго строя. Отобранныя книги, въ количествѣ пяти экземпляровъ каждая, должны были храниться въ особыхъ запечатанныхъ складахъ, а остальныя, сверхъ пяти экземпляровъ, подлежали отправкѣ въ «Главбумъ» (глав. писчебумаж. производства) для переработки въ бумагу. Сколько книгъ погибло въ результатѣ этого циркуляра! Особенно пострадали старо-печатныя книги религіозно-нравственнаго содержанія, хранившіяся при церквахъ и монастыряхъ.

По отношенію къ библіотекамъ прежнихъ низшихъ школъ (церковно-приходскихъ, земскихъ и министерскихъ) такая же «работа» была продѣлана уже въ 1918, 1919 и 1920 годахъ волостными «ревкомами», «совдепами», «комбѣдами» по собственной инпціативѣ.. Всѣ книги религіозно-нравственнаго содержанія, вплоть до Библіи и Евангелія, извлекались изъ шкаповъ, выносились на улицу и жглись. Никто не подсчиталъ количества этихъ костровъ и число погибшихъ въ нихъ книгъ, но оно должно быть огромно.

А вотъ такая же по существу работа совѣтскихъ канцелярій. «Красная газета» въ январѣ 1921 года писала: «Въ 1919 году мы прибѣгли къ героической мѣрѣ. Въ связи съ недостаткомъ бумаги, рѣшили использовать старые архивы. Въ результатѣ, вся бумага, на которой мы теперь читаемъ и пишемъ, на 50 и даже 70 проц. сдѣлана изъ архивнаго хлама. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, на ряду съ канцелярской завалью, въ зубы бѣгуну на бумажной фабрикѣ попадали такія вещи, какъ правительственные акты 18 вѣка. Однажды, изъ той же пасти вытащили десятки пудовъ роскошнаго изданія Тургенева на французскомъ языкѣ. Безъ счету попадаютъ туда же томы Пушкина и Лермонтова, съ такимъ усердіемъ издаваемые вновь «Наркомпросомъ». И все это не томиками, а сотнями пудовъ. Попадается масса учебниковъ и спеціальныхъ изданій, въ которыхъ чувствуется острая нужда, а временами библіографическія рѣдкости. Туда же летитъ и революціонная литература 1918 года, изданная Петросовѣтомъ. Въ

сентябрѣ 1920 года на фабрику «Коммунаръ» привезли 60 пудовъ книжекъ: «Труды съѣзда по животноводству», состоявшагося въ январѣ того-же 1920 года. Когда сообщили объ этомъ одному изъ участниковъ съѣзда, то онъ заявилъ: «этого не можетъ быть: изданіе разошлось все цѣликомъ и теперь мы приступили къ печатанію второго изданія».

Научное и художественное творчество. Переходя къ творчеству новыхъ духовныхъ цѣнностей — научныхъ и художественныхъ — въ современной Россіи, я съ самаго начала долженъ сознаться, что достаточно знаній, позволяющихъ полно и убѣдительно характеризовать происходящую здѣсь работу у меня нѣтъ. «Умерщвленіе литературы», констатированное Всероссійскимъ союзомъ писателей, распространяется не только на книги художественныя, публицистическія, историческія и философскія; исчезла и научная литература. Прекратился выходъ всевозможныхъ «записокъ»,которыя въ прежнее время выпускали наши высшія ученыя и учебныя заведенія и различныя общества; прекратилось изданіе книгъ, дающихъ новую постановку или новое рѣшеніе научныхъ проблемъ и ставящихъ новыя проблемы. Необходимо было бы принадлежать самому къ средѣ ученыхъ и дѣятелей искусства въ его разнообразныхъ проявленіяхъ, необходимо было бы находиться въ живыхъ и широкихъ личныхъ сношеніяхъ съ работниками въ этихъ областяхъ мысли и жизни, чтобы имѣть полное представленіе о происходящемъ среди нихъ. Оба условія знанія у меня отсутствовали. Мой очеркъ по необходимости можетъ быть лишь общимъ, весьма неполнымъ и, я боюсь, не очень убѣдительнымъ. Я, однако, не былъ въ Россіи вовсе лишенъ необходимыхъ связей и притока соотвѣтствующихъ свѣдѣній и я считаю необходимымъ передать читателю свои знанія о мірѣ Россіи, въ которомъ идетъ созданіе цѣнностей «ихъ же ни моль не точитъ, ни ржа не ѣстъ»: этого требуетъ и полнота книги, и общій, наиболѣе дорогой для меня, выводъ объ общемъ психологическомъ состояніи Родины.

Всѣ свѣдѣнія, которыя доходили до меня въ Россіи черезъ Комиссаріаты Земледѣлія и Просвѣщенія, черезъ моихъ знакомыхъ, принадлежащихъ къ средѣ ученыхъ и художниковъ слова и,наконецъ, свѣдѣнія черезъ лицъ, посредственно связанныхъ съ послѣдними кругами — всѣ они *единогласно* свидѣтельствовали о

бодромъ состояніи духа въ этихъ кругахъ и, несмотря ни на что, непрекращающейся работѣ мысли тамъ, о неустанно идущихъ исканіяхъ.

Пока я служилъ въ коммиссаріатѣ земледѣлія—до меня все время доходили вѣсти о бодрой и дѣятельной работѣ опытныхъ с. х. полей и станцій Россіи. Тамъ продолжалась работа надъ старыми задачами и ставились новыя. Работа по изысканію новыхъ методовъ и новыхъ пріемовъ для подъема производительности земли не замирала и не умерла. Опытное дѣло, несмотря на трудныя условія личнаго существованія работниковъ, ни на всеобщій недостатокъ всякаго вида пособій, приборовъ, сѣмянъ, денежныхъ средствъ, не только не падало, но развивалось. Въ маѣ въ Москвѣ состоялся Всероссійскій съѣздъ представителей с. х. опытныхъ учрежденій Россіи. Мнѣ лично не довелось быть на съѣздѣ, но нѣсколько участниковъ съѣзда перебывали у меня. Всѣ они приходили со съѣзда съ бодрымъ впечатлѣніемъ и радостнымъ діагнозомъ: опытное дѣло идетъ, растетъ. За четыре года всероссійской разрухи добыты новые и крупные результаты въ области засухоустойчиваго земледѣлія, чередованія растеній, техническихъ пріемовъ по обработкѣ почвы и даже выведенія новыхъ сортовъ растеній. Участники съѣзда отмѣчали большую научную работу, продѣланную профессорами Петровско-Разумовской с. х. академіи Д. Н. Прянишниковымъ и А. Г. Дояренко — первымъ въ области питанія растеній, вторымъ въ области изслѣдованія влажности почвъ.

Вотъ знакомый агрономъ, ушедшій пять-шесть лѣтъ отъ общественной агрономіи въ опытно-научную работу, связанную съ метереологическими проблемами. Началъ свою работу съ изслѣдованія прежде загадочнаго явленія *мги* въ нашихъ юго-восточныхъ степяхъ. Теперь явленіе имъ изучено и понято какъ въ его происхожденіи, такъ и въ его вліяніи на культивируемыя человѣкомъ растенія.. Въ настоящее время онъ работаетъ надъ изученіемъ засухъ, время отъ времени тяжело поражающихъ сельское хозяйство Россіи. Онъ уже установилъ эмпирическую закономѣрность въ чередованіи засушливыхъ и влажныхъ періодовъ, и получилъ возможность опредѣлять районы захвата засухой. Теперь онъ пытается познать силы, вызывающія ее и тѣмъ обосновать и уточнить свои эмпирическія обобщенія. Читателю ясна огромная практическая важность этой работы для нашей земле-

дѣльческой страны, она даетъ возможность предвидѣть время и районы засухъ и, готовясь къ ней, принимать предупредительныя мѣры. Успѣхи знакомаго таковы, что еще въ январѣ 1921 г. онъ весьма близко къ дѣйствительности предсказалъ метереологическія условія весны и лѣта минувшаго года и очертилъ границы засушливой полосы. *)

Вотъ молодой ученый экономистъ, ученикъ одного изъ самыхъ крупныхъ политико-экономовъ Россіи. За минувшіе годы онъ написалъ работу, которая является философіей экономической политики государства и продолжаетъ работать надъ проблемами народно-хозяйственной жизни. Неустанно занимается, въ частности, изученіемъ экономическихъ конъюнктуръ въ ихъ происхожденіи и ихъ вліяніи на хозяйственную жизнь.

Вотъ другой ученый, тоже молодой, но уже извѣстный Россіи. Въ трудныхъ современныхъ условіяхъ матеріальной необезпеченности и неустроенности онъ предпринялъ весьма большую,научно-самостоятельную работу по выработкѣ и изложенію основъ наиболѣе сложной и наименѣе разработанной изъ гуманитарныхъ наукъ. Дѣля время между кабинетомъ и долгой утомляющей бѣготней по лекціямъ въ нѣсколькихъ высшихъ школахъ, успѣлъ почти на половину закончить свой трудъ.

Вотъ извѣстный Россіи писатель-художникъ. Я много разъ и подолгу видѣлъ его. Живетъ матеріально чрезвычайно тяжело. Недоѣдаетъ, зимой мерзнетъ и ютится съ семьей въ одной комнатѣ. Никакой крупной работы пока не дѣлаетъ, но неустанно и вездѣ собираетъ и записываетъ матеріалы. Бодръ духомъ, полонъ планами. Имѣлъ возможность уѣхать заграницу и тѣмъ избавиться отъ тяжелой матеріальной маяты, отказался и не уѣхалъ. И не жалѣетъ. Говоритъ, что жизнь въ Россіи дала ему такъ много, что пріобрѣтенное значительно превышаетъ пережитыя лишенія и потери въ здоровьѣ.

Вотъ старикъ агрономъ, общественный дѣятель, членъ одной

---

*) Это предсказаніе, напечатанное въ февралѣ 1921 года въ «Извѣстіяхъ ВЦИК'а», никакого вліянія на политику власти не оказало: продовольственная разверстка въ районахъ, которые подпадали подъ дѣйствіе засухи, продолжалась съ такой же безразсудной жестокостью, какъ и до этого предсказанія. Весну и лѣто засушнаго года крестьяне пораженнаго района встрѣтили съ пустыми закромами: всѣ старые запасы продовольственныхъ и кормовыхъ хлѣбовъ были безпощадно отняты.

изъ Государственныхъ Думъ. Когда для легальной общественной работы въ Россіи возможность исчезла, онъ ушелъ въ преподавательскую дѣятельность, создалъ при своей кафедрѣ въ высшемъ учебномъ заведеніи научный кабинетъ и, вотъ уже годы, занятъ изученіемъ производительности труда и земли въ крестьянскихъ хозяйствахъ различныхъ типовъ и въ различныхъ странахъ. Онъ пытается открыть основные факторы, обусловливающіе различную продукцію земледѣльческаго труда и различную степень использованія силъ природы.

Вотъ безвременно и трагически погибшій В. М. Хвостовъ, создавшій въ годы революціи Институтъ соціальной психологіи (въ Москвѣ) и дѣятельно работавшій въ немъ надъ изученіемъ общественной жизни. Для открытія соціологическихъ законовъ, управляющихъ жизнью человѣческаго общества, В. М. Хвостовъ рѣшилъ широко воспользоваться методомъ наблюденія общественной жизни въ ея объемно-мелкихъ, «молекулярныхъ» проявленіяхъ. Этотъ, по опредѣленію Зиммеля, «микроскопическій методъ» Хвостовъ предполагалъ особенно сильно использовать на явленіяхъ кооперативной жизни. Выполняя свой планъ Хвостовъ вошелъ въ тѣсныя отношенія съ кооператорами, кооперативными учрежденіями и инструкторскими институтами въ послѣднихъ. Въ періодъ моихъ встрѣчъ съ Хвостовымъ, онъ дѣятельно работалъ надъ разработкой плана, анкетъ и вопросниковъ для сборки матеріаловъ. Декретъ 27 января 1920 г. «объ объединеніи» всѣхъ видовъ коопераціи подъ эгидой уже изуродованныхъ властью потребительскихъ обществъ, дѣлавшій неизбѣжнымъ разгромъ россійской коопераціи, повидимому, тяжело поразилъ Хвостова. На другой день послѣ изданія декрета я встрѣтилъ Хвостова съ совершенно убитымъ лицомъ и какими то мертвыми глазами. Первое, о чемъ онъ заговорилъ со мною, былъ декретъ, который разбивалъ въ дребезги планъ его научныхъ работъ въ «Институтѣ соціальной психологіи». Черезъ нѣсколько дней В. М. Хвостова нашли повѣсившимся въ помѣщеніи основаннаго имъ института. Этотъ не выдержалъ безобразныхъ условій русской жизни, но изъ всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ, дѣятелей науки и искусствъ, онъ былъ единственнымъ, не устоявшимъ.

Довольно часто я встрѣчался съ однимъ служащимъ Комиссаріата Просвѣщенія. Знакомый, занимая тамъ большое мѣсто, имѣлъ отношеніе къ высшимъ учебнымъ и ученымъ учрежде-

ніямъ Россіи и къ научной работѣ, продѣлывавшейся въ нихъ. Я не записалъ, къ сожалѣнію, конкретныхъ фактовъ, которые онъ мнѣ разсказывалъ о работѣ русскихъ ученыхъ, но хорошо помню то основное настроеніе удивленія и, пожалуй, піэтета, которымъ были проникнуты его разсказы. — Его удивленіе и піэтетъ вызывали русскіе ученые, работающіе такъ много и такъ продуктивно, несмотря на мучительно-трудныя условія ихъ личной жизни и на отвратительную обстановку ихъ научной работы.

Большая работа продѣлана въ Россіи по изученію состоянія сельскаго хозяйства въ ней и по районированію страны, въ зависимости отъ ея естественно-историческихъ и производственно-экономическихъ особенностей. Эта работа, являющаяся условіемъ здоровой сельско-хозяйственной политики государства и условіемъ раціональнаго рѣшенія аграрной проблемы, вывела вопросъ о районахъ Россіи изъ того состоянія неопредѣленности и нерѣшенности, въ которомъ онъ находился даже послѣ работъ А. И. Скворцова и А. Челинцева.

О большой неослабѣвающей работѣ духа говорятъ и эти 1.500 рукописей только художественнаго и литературно-критическаго содержанія, находящіяся въ портфеляхъ однихъ частныхъ издательствъ, о которыхъ упоминаетъ докладная записка Всероссійскаго Союза Писателей.

То, что я нашелъ въ заграничной печати о русскихъ ученыхъ и писателяхъ, подтверждаетъ мои стойкія и неизмѣнно-бодрящія впечатлѣнія, полученныя во время моей жизни въ Совѣтской Россіи.

Уэльса въ «Домѣ ученыхъ» начали прежде всего разспрашивать «объ успѣхахъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ послѣдняго времени внѣ предѣловъ Россіи.»Отмѣтивъ ужасающія условія для научныхъ работъ въ Россіи (нѣтъ инструментовъ, бумаги, холодныя лабораторіи), Уэльсъ продолжаетъ: «удивительно, что они еще могутъ работать.Павловъ продолжаетъ обширное и удивительно остроумное изслѣдованіе мыслительной способности животныхъ. Манухинъ утверждаетъ, что онъ открылъ дѣйствительное средство противъ туберкулеза,даже въ его развитыхъ формахъ и т.д. и т.д. Научный духъ — удивительная вещь»... Лоллій Львовъ, послѣ встрѣчи съ кѣмъ-то, только что перебравшимся изъ Россіи, пишетъ (въ «Рулѣ»): «въ Москвѣ обѣщающе свѣтитъ наше изуми-

тельное солнце. Вѣдь вотъ самъ-же Н... везетъ съ собой много рукописей и среди нихъ есть имъ же самимъ написанныя въ обстановкѣ этого ада... Изъ разговоровъ съ нимъ я понялъ, что все-же этотъ адъ не въ силахъ былъ испепелить нашу русскую душу, и тамъ голодные, физически полуживые люди все-же находятъ въ себѣ силы продолжать творческую работу въ области духа»... Дальше авторъ приводитъ записку одного изъ этихъ творцовъ новыхъ духовныхъ цѣнностей. «Тѣломъ утомлены, но духомъ бодры и непоколебимы» пишется въ ней. «Все вниманіе уходитъ вглубь, на открытіе первоисточниковъ міроваго кризиса. Больше, чѣмъ когда-либо, считаю эти причины религіозно-историческими и духовно-культурными. Кризисъ долгъ и глубокъ,но каждый можетъ вымѣрять его только изъ нѣдръ своей родины... Для здѣсь сидящихъ, не гніющихъ и не мрущихъ, испытаніе почти непосильное, бремя почти подвижническое, но выковывающее характеры силы и стойкости, почти несломимой. Но вѣдь въ этомъ какъ разъ и нуждалась наша чудесная родина»..... Наконецъ, вотъ третье свидѣтельство лица, о которомъ я выше упоминалъ, какъ о живущемъ у самой границы и добросовѣстно перехватывающемъ выходцевъ *оттуда* съ ихъ настроеніями, свѣдѣніями и впечатлѣніями. «Жизнь тамъ была безконечно тяжелой», говорилъ ему, видимо, совсѣмъ недавній бѣженецъ изъ Москвы. «Я, привыкшій работать всегда у себя въ кабинетѣ, пилилъ дрова. Стоялъ часами за пайкомъ въ холодъ и слякоть, и это казалось мнѣ тогда счастьемъ. Я предвкушалъ, что принесу домой нѣсколько селедокъ. Мы не могли читать ни книгъ, ни газетъ, ни иностранной литературы, ибо ихъ не было. Мы вообще не знали, что дѣлается «за кордономъ», за той непроницаемой стѣной, которой насъ отдѣлили отъ всего міра. Но вотъ, видите, здѣсь въ мѣшкѣ моя рукопись. Я написалъ тамъ работу. Не «воспоминанія», не «дневникъ», а настоящую работу. И наши съ вами друзья — такіе-то и такіе-то тоже «заодно съ дровами» сумѣли работать. Конечно, мы сдѣлали только ничтожную часть того, что могли-бы сдѣлать при другихъ условіяхъ. И, если я на это указываю, то только, чтобы подчеркнуть, что дѣйствительно тамъ жизнь... жизнь русской интеллигенціи *«не умерла»* («Воля Россіи» № 3 статья Зрителя).

Всѣ приведенные факты и свидѣтельства далеки, конечно, отъ опредѣленія объема и качества духовно-творческой работы, идущей въ современной Россіи. Но всѣ они дружно устанавлива-

ютъ, во-первыхъ, фактъ этой работы, во-вторыхъ, упругую и бурями не сломленную психику лицъ, дѣлающихъ ее. Творческій духъ Россіи не погибъ подъ обломками рухнувшей жизни. Онъ живъ и бодръ, онъ ищетъ и работаетъ.

Еще ярче тѣ же черты живой несогнувшейся души въ новой, по преимуществу устной, литературѣ Россіи. Эта литература весьма далека отъ длительныхъ и прочныхъ духовныхъ цѣнностей. Она примитивна по формѣ и бѣдна содержаніемъ. Съ паденіемъ совѣтской власти отъ нея въ памяти населенія очень скоро не останется, вѣроятно, никакихъ слѣдовъ. Говорить о ней непосредственно, вслѣдъ за страницами, посвященными работѣ научной и художественной мысли, кажется даже неумѣстнымъ, но не говорить о ней нельзя. Характеризуя современную Россію, новую литературу нельзя обойти молчаніемъ: она развита, широко извѣстна, безпрерывно вспоминается, въ созданіи ея принимаютъ участіе широкіе образованные и полуобразованные круги. Она, конечно, не отражаетъ работы «мозга націи», но зато въ ней отражается вся нація въ своемъ отношеніи къ современной власти. Интересная отражающимися въ ней настроеніями населенія, литература составляетъ естественный переходъ къ слѣдующей части книги, посвященной новому духовному лицу Россіи.

Новая литература. Зимой 1920-21 года, въ витринахъ книжной лавки писателей въ (Москвѣ),появились маленькія книжечки стихотвореній. Онѣ были переписаны рукой писателя и отъ руки же были разукрашены виньетками ихъ сѣрыя обложки. Грустно и тепло становилось отъ нихъ. Онѣ напоминали о грубомъ неуваженіи къ правамъ человѣческой личности, а въ то же время онѣ говорили о незадавленной мысли и живомъ сердцѣ, которыя въ попыткахъ добиться общенія съ мыслью и сердцемъ другихъ готовы идти на старые, до-Гуттенберговскіе методы.

Эти книжки были легальны. Безконечно больше нелегальныхъ произведеній, передающихся то устно, то перепечатывающихся на пишущей машинкѣ. Этого рода произведеніями современная русская жизнь насыщена: попробуйте разсказать кому-нибудь одно или два произведенія изъ этой литературы и собесѣдникъ въ отвѣтъ засыплетъ васъ дюжиной. Изъ крупныхъ произведеній этого рода мнѣ извѣстны два: «Кому на большевизіи живется хорошо» (передѣлка поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хоро-

шо») и «Мистическая поэма о похожденіи Карла Маркса въ совѣтской Россіи». Первое произведеніе запоемъ читаетъ деревня, второе ходитъ по городамъ. Обѣ поэмы довольно внушительны по своимъ размѣрамъ. Онѣ ходятъ въ переписанномъ (на машинкѣ) видѣ. Часть второй я видѣлъ, впрочемъ, и отгектографированной. Въ переписанномъ видѣ ходятъ выдержки изъ заграничныхъ русскихъ газетъ, нѣкоторыя стихотворенія, пѣсни, изрѣдка анекдоты.

Развитѣе словесная литература. Она безконечно разнообразна по своему содержанію — новыя пѣсни, частушки, передѣланные революціонные гимны, загадки, анекдоты, стихотворенія, расшифровки инціаловъ различныхъ совѣтскихъ учрежденій, отдѣльныя мѣткія слова, разсказы и т. д. Знаю одну злободневную оперетку «Засѣданіе Совнаркома». *) Съ каждымъ мѣсяцемъ число произведеній этого рода растетъ.

Вотъ небольшая частица этой литературы, сохранившаяся въ памяти и отмѣченная въ моихъ запискахъ:

Автомобиль называется «хамовозомъ», электрофикація «электрофикціей» и въ Москвѣ утверждаютъ, что не перемѣнятъ этого названія,пока не будетъ электрофицированъ бездѣйствующій Московскій трамвай; передовая статья Стеклова называется «стекловицей»; когда Гредескулъ обнаружилъ свѣтлыя стороны россійскаго коммунизма, Москва немедленно создала новый глаголъ «гредескулить». «Ну, загредескулилъ», говорили о всѣхъ, кого хотѣли обвинить въ солидарности съ большевиками. «Комъячейка» именуется «комищейкой»; распространяемые слухи называютъ «шептограммой»; первый и третій Петроградскіе Университеты, примѣнительно къ оффиціальному языку, называютъ «перпетунъ» и «трепетунъ» и т. д. Много упражняются надъ расшифровкой инціаловъ совѣтскихъ учрежденій. «Р.С.Ф.С.Р.» переводится въ нѣсколькихъ варіантахъ: 1) «рѣдкій случай феноменальнаго сумасшествія расы». 2) «россійская, совершенно фантастическая спекулятивная республика». 3) передается въ видѣ загадки — «по краямъ розы, посрединѣ слезы, внутри фига — что это та-

---

*) Изъ оперетки помню короткіе отрывки только двухъ арій — Коллонтай и Троцкаго. «Десять я любила, девять позабыла, только Дыбенко забыть не могу» — постъ первая. У второго арія звучитъ торжественнѣй — «Я всѣмъ извѣстный Троцкій, я красной арміи кумиръ».

кое?». Я слышалъ и четвертый — дѣтскій варіантъ. Меня везли арестованнымъ съ Урала въ Москву. Къ вагону, въ которомъ я ѣхалъ, на одной станціи, точно стая воробьевъ, подлетѣла веселая толпа дѣтишекъ, возвращающихся изъ школы. Одинъ изъ стайки, медленно водя пальцемъ по буквамъ моего вагона, читалъ: «Русскій совѣтъ фальшивый, стоитъ разогнатъ». Дѣтишки весело разсмѣялись и побѣжали дальше. Р.К.И. (рабоче-крестьянская инспекція) читается — «рѣдкая коллекція идіотовъ»; В. С. Н. Х. (Высшій совѣтъ народнаго хозяйства) «воруй скорѣй, или воруй смѣло, нѣтъ хозяина»; Е. П. О. (единое потребительское общество) — «ѣдимъ послѣдніе остатки», и т. д.

Изъ новыхъ пѣсенъ самая популярная въ солдатскихъ и крестьянскихъ слояхъ «яблочко»:

«Ой, яблочко, куда котишься?
Попадешь въ чрезвычайку, не воротишься...»

Пѣсня обладаетъ безчисленными куплетами, варьирующими отъ мѣста къ мѣсту и откликающимися на мѣстныя злобы дня.

Изъ совершеннно новыхъ пѣсенъ слышалъ еще «слезную» и передѣланныхъ «коробейниковъ». Изъ первой пѣсни я выше уже привелъ одну строфу, заканчивая вторую главу. Изъ послѣдней помню такіе куплеты:

Ой, пустымъ пуста коробушка,
Нѣтъ ни ситца, ни парчи,
Нѣтъ ужъ хлѣбушка ни крошечки,
Вздорожали всѣ харчи.
Дайте, братцы, зелья хмельнаго
Съ горя вдребезги напьюсь —
Отъ раскосаго Ульянова
Погибаетъ наша Русь.
Нѣтъ путей, нѣтъ сообщенія,
Пѣшеходная страна,
Бога нѣтъ, нѣтъ просвѣщенія
И коммуна введена —
«Трудовая», распрекрасная
И безъ всякаго труда,
Вся въ крови, вся ярко-красная
И безъ всякаго стыда.

Дальнѣйшихъ куплетовъ пѣсни не помню. Сохранились въ памяти лишь два послѣднихъ:

Ну, кончайся пѣсня длинная (нудная)
Объ Раскосаго дѣлахъ,
Пропадаетъ Русь былинная (безпутная) —
Заблудилась въ трехъ соснахъ.
Эхъ, сбылись-бы грезы вольныя,
Радъ еще терпѣть и ждать,
Чтобъ кремлевскую компанію
На тѣхъ соснахъ увидать.

Оффиціальный гимнъ совѣтской республики — «Интернаціоналъ» — имѣется въ двухъ передѣлкахъ — рабочей и крестьянской. Помню изъ нихъ только по одному куплету. Петроградскіе рабочіе поютъ:

«Вставай Зиновьевымъ надутый,
Весь міръ голодныхъ и рабовъ,
Кипитъ нашъ разумъ обманутый,
И въ смертный бой идти готовъ.

Куплетъ изъ крестьянской передѣлки звучитъ такъ (въ Сибири):

Лишь мы работники всеміриой,
Великой арміи труда
Владѣть землей имѣемъ право,
Но *урожаемъ* никогда.

На всякое новое явленіе во внутренней жизни народъ немедленно откликается частушкой. Вотъ два примѣра такихъ злободневныхъ частушекъ — крестьянской и рабочей.

Черезъ двѣ недѣли послѣ опубликованія декрета о продналогѣ, мнѣ сообщили изъ одной сѣверной губерніи крестьянскую оцѣнку реформы:

«Ленинъ ловкій малый,
Не повѣрю ни наперстка;
Съ весны вводитъ продналогъ,
Къ осени разверстка».

Чтобы успокоить рабочее движеніе въ Москвѣ, была начата выдача рабочимъ фасоли, закупленной заграницей, и соли. Че-

резъ нѣсколько дней послѣ начала выдачъ, проходя вечеромъ по Красной площади, наткнулся на группу молодыхъ рабочихъ, которые громко распѣвали:

«Ленинъ «дурочку» играетъ,
Троцкій пляшетъ трепака.
Дали соли и фасоли —
Обманули дурака».

Въ Тамбовской губ., въ отвѣтъ на Антоновское движеніе поютъ:

«Во Разсказовѣ метель,
А въ Тамбовѣ склизко.
Что лютуешь (или берегися) коммунистъ,
Вѣдь Антоновъ близко».

И еще: «Я на печкѣ сижу,
Ножки свѣсила,
Антонъ коммунистовъ бьетъ,
А мнѣ весело».

Разсказываютъ о новогоднемъ гаданіи въ Кремлѣ: «Ну, чѣмъ вся наша каша кончится?», спросилъ Ленинъ у старика, приглашеннаго для гаданія. «А чѣмъ началось?» спросилъ тотъ. «Гербъ-то у васъ какой?» — Молотъ и серпъ». — «Ну, напиши — молотсерп». Ленинъ написалъ. «Этимъ у васъ началось, читай теперь наоборотъ и увидишь, чѣмъ кончится». — «Престоломъ», прочелъ Ленинъ.

А вотъ басня, часто передаваемая въ видѣ загадки. Къ веснѣ 1921 г. большинство населенія было лишено пайковъ изъ-за нехватки продовольствія. Высшіе — «ударные» пайки выдавались съ большимъ разборомъ. Къ комиссару продовольствія, наряду съ людьми, потянулись и животныя. «Товарищъ комиссаръ», говорить пришедшая лошадь, — вы мнѣ должны выдать паекъ». — «Это почему?», спрашиваетъ комиссаръ. «Не выдадите, перестану дрова возить и станутъ ваши желѣзныя дороги». — «Нѣтъ, мнѣ, а не ей», перебиваетъ корова. — «Тебѣ?» — «Да, вѣдь главный вашъ козырь — это дѣтское дѣло, а такъ какъ теперь всѣ дѣти должны воспитываться не родителями, а въ пріютахъ, то они всѣ вымрутъ, если я не буду давать молока. — «Надо это обсудить».—

сказалъ Цурюпа. Вдругъ развязно вваливается оселъ. «Тебѣ что надо?», набросился на него озабоченный комиссаръ. «За пайкомъ пришелъ, товарищъ комиссаръ». — «Это за что-же? Вотъ лошади и коровѣ, такъ тѣ, дѣйствительно»... «Да, вѣдь, безъ меня не прожить вамъ, увѣренно перебилъ комиссара оселъ. Если-бы поменьше насъ было, давно-бы и васъ уже не было». Комиссаръ не сталъ раздумывать дальше. «Выдать ослу ударный паекъ», приказалъ онъ.

Въ устныхъ произведеніяхъ отражается и крупная роль, которую въ органахъ власти играютъ евреи и ненависть къ нимъ населенія.

«Если снять штаны съ шести комиссаровъ, что получится?» Отвѣтъ: «двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ». «Почему названіе нашей республики Р. С. Ф. С. Р. можно читать справа налѣво и слѣва направо?» — «Чтобы удобно было Ленину и Троцкому». «Почему въ составѣ третьяго конгресса интернаціонала нѣтъ представителя отъ готтентотовъ?» — спрашивали въ Москвѣ во время послѣдняго съѣзда 3-го интернаціонала. «Потому, что не нашлось ни одного еврея, который согласился-бы продѣть черезъ носъ кольцо». Въ одномъ рабочемъ кварталѣ Москвы я слышалъ, какъ мальчишка во все горло распѣвалъ:

«На дворѣ стоитъ кадушка, на кадушкѣ каша.
Вы не думайте, жиды, что Россія ваша».

«За это, вѣдь, арестуютъ», — сказалъ я пѣвцу. — «Не арестуютъ, отвѣтилъ онъ, у меня отецъ коммунистъ». Кремль называютъ «центрожидомъ».

Не ограничиваясь разговорами, переходятъ и къ остроумнымъ дѣйствіямъ. Въ 1920 г., по моимъ подсчетамъ, было проведено 29 полныхъ и частичныхъ трудовыхъ мобилизацій. Въ связи съ этимъ какой-то остроумецъ вывѣсилъ въ самомъ началѣ 1920 г. въ Юшковомъ переулкѣ въ Москвѣ большой аншлагъ, объявлявшій, что, въ дополненіе къ имѣвшимъ мѣсто мобилизаціямъ, назначается новая — «мобилизація всѣхъ рыжихъ». Дальше объявлялись мотивы мобилизаціи (своей окраской рыжіе должны были демонстрировать глубокое вліяніе красныхъ идей на населеніе совѣтской Россіи), мѣсто и время сбора.

Въ Кубанской области казаки повѣсили ночью передъ зданіемъ мѣстнаго коммунистическаго «ревкома» курицу и къ ея по-

гамъ привязали записку: «повѣсилась, въ силу невозможности выполнять государственную повинность: нести два яйца въ сутки». Это было мѣтко. Объектомъ обложенія при яичной повинности является десятина и потому, когда много десятинъ и мало куръ, послѣднимъ приходится, дѣйствительно, плохо... Это расхожденіе между характеромъ повинности и объектомъ обложенія дало основаніе крестьянамъ Вологодской губерніи сдѣлать слѣдующее ироническое предположеніе: «яйца берутъ съ десятины, грибы требуютъ съ лошади. Скоро, должно быть, масло затребуютъ съ собакъ, а гужевую повинность съ пѣтуховъ»... Въ двухъ уѣздахъ Орловской губерніи, въ цѣляхъ увеличенія «мѣховото фонда республики», мѣстной властью была введена натуральная повинность на кошекъ. «Ну, — острили крестьяне, — скоро до бабьяго волоса доберутся: овецъ осталось мало, будутъ бабъ стричь».

Въ Сибири просвѣтительно-политическую работу, возглавляемую «Сибполитпросвѣтомъ», оцѣниваютъ такъ: «ученье свѣтъ, а неученье Сибполитпросвѣтъ». Сравнивая свое положеніе при Колчакѣ и совѣтской власти, сибирскіе крестьяне съ иронической усмѣшкой говорятъ: «Промѣняли Колчака на губчека, а теперь хлѣбъ и масло возами на придачу возимъ». Оцѣниваютъ прежнее и нынѣшнее положеніе и иначе: «Прежде жили съ плачемъ, теперь живемъ съ ревкомомъ». *)

Смѣхъ-то безпредметно-зубоскальствующій, то ироническій, то переходящій въ сатиру, — вотъ основное настроеніе, которое проникаетъ въ словесную литературу современной Россіи. И это добрый знакъ: когда человѣкъ смѣется, онъ живъ; когда, въ тягчайшіе годы своего историческаго бытія, смѣется измученный народъ — онъ не подавленъ, не убитъ. Его душа бодра.

Съ многочисленными проявленіями той-же живой души русскаго населенія, съ ея активностью и твердой вѣрой въ лучшее будущее мы встрѣтимся и въ слѣдующихъ главахъ второй части книги.

---

*) Игра словъ: «ревкомъ» — революціонный комитетъ замѣняющій въ Сибири совѣтъ, и «ревкомъ» отъ слова «ревъ».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Общій смыслъ всѣхъ объективно-соціологическихъ перемѣнъ, пережитыхъ Россіей въ послѣдніе четыре года подъ управленіемъ «рабоче-крестьянской» совѣтской власти, резюмировать не трудно: онъ точно и полно опредѣляется однимъ короткимъ словомъ — *распадъ*. Но сколько потерь, жертвъ, страданій, крови и... грязи таитъ за собой это короткое слово! Глубокимъ, неизмѣримо-большимъ и зловѣщимъ смысломъ напоено оно. Нѣтъ края, нѣтъ общественнаго слоя, нѣтъ области жизни, въ которыхъ итогъ происшедшихъ перемѣнъ не измѣрялся-бы огромными отрицательными величинами. Потери и утраты шли всюду. «Не жизнь, а кладбище», характеризовала Россію чехо-словацкая делегація рабочихъ, подышавъ ея воздухомъ разложенія и смерти.

Напомнимъ и суммируемъ потери, начавъ съ наиболѣе важныхъ изъ нихъ — съ потерь въ живой силѣ страны, въ ея *населеніи.*

Какъ указывалось въ первой главѣ, населеніе деревень въ 22 губ. Европ. Россіи и въ ея 90 городахъ за три года совѣтской власти (1917-1920 гг.) уменьшилось на 2.250.000 человѣкъ. При 30 милліонахъ населенія во взятомъ районѣ убыль равняется 7,5 проц. за три года, или 2,5 проц.. за одинъ средній годъ. Ежегодная убыль одного сельскаго населенія меньше: она выражается числомъ, лежащимъ гдѣ-то между 2,0 и 2,5 проц. Допустимъ, что ежегодная убыль *всего* населенія совѣтской Россіи равняется низшей изъ приведенныхъ цифръ — 2 проц. Примемъ, затѣмъ, что количество населенія, находившагося подъ управленіемъ совѣтской власти, равняется въ среднемъ за три первыхъ года 100 милліонамъ человѣкъ *) и 130 милліонамъ человѣкъ въ 1921 г. При этихъ двухъ предположеніяхъ потеря въ числѣ населенія отъ превышенія смертности надъ рож-

*) Въ процессѣ гражданской войны территорія совѣтскаго государства то сокращалась, то увеличивалась. Въ зависимости отъ ея размѣровъ мѣнялось и количество населенія, управляемаго совѣтской властью, въ 1919 г. оно на короткое время опускалось до 65 милліоновъ, въ началѣ 1921 г. поднялось до предѣльно-высшей цифры въ 130,7 милліоновъ.

даемостью будетъ равняться 8,6 милліоновъ человѣкъ за 4 года... Но передъ войной населеніе Россіи росло, ежегодно увеличиваясь на 1,7 проц. по однимъ подсчетамъ, на 1,37 проц. по другимъ и на 1,35 проц. по третьимъ. За время войны рождаемость уменьшилась, а смертность увеличилась, но отрицательнымъ движеніе населенія все-таки не сдѣлалось: оно оставалось положительнымъ. Я не имѣю матеріаловъ, чтобы точно возстановить процентъ прироста населенія въ военный періодъ, но онъ былъ, во всякомъ случаѣ, не ниже 0,4 проц. Если принять послѣднюю цифру,то населеніе за 1918 годъ должно было увеличиться на 400.000 человѣкъ. Въ концѣ 1918 г. война окончилась. Въ 1919 г. въ арміяхъ всѣхъ воевавшихъ странъ демобилизація шла полнымъ ходомъ. Въ этомъ году приростъ населенія долженъ былъ увеличиться. Примемъ его въ 0,6 проц. Въ 1920 и 1921 гг. при нормальной общественной жизни приростъ населенія долженъ былъ подняться до уровня довоеннаго времени. Примемъ послѣдній въ 1,35 проц. За три года послѣ фактическаго окончанія войны (1919-1921) населеніе Россіи должно было, слѣдовательно, увеличиться на 3.700.000 человѣкъ, а за всѣ четыре года существованія совѣтской власти на 4.100.000 человѣкъ...

Такимъ образомъ, общая потеря населенія Россіи, явившаяся послѣдствіемъ революціи, равняется, по крайней мѣрѣ,12.700.000 человѣкъ. Преуменьшена, однако, и эта цифра. Въ нее необходимо внести поправку на повышенную смертность въ голодающихъ районахъ. Въ зиму 1920-1921 года остро голодало населеніе 7-9 губерній; въ зиму 1921-1922 года голодаетъ тридцать три милліона человѣкъ. Примемъ, что голодъ увеличилъ «нормальное» (для совѣтскаго періода) вымираніе населенія во всю первую зиму всего лишь на 500.000 человѣкъ, а во вторую зиму *(до начала 1922 года)* только на одинъ милліонъ человѣкъ. Общая убыль населенія Россіи возрастаетъ до 14.200.000 человѣкъ. Вотъ стоимость большевистской революціи, исчисленная въ человѣческихъ жизняхъ.

Не кончена еще и послѣдняя цифра; она относится только къ населенію Россіи, находившейся подъ мудрымъ управленіемъ совѣтской власти. Усиленно гибло, однако, и населеніе, жившее подъ властью антибольшевистскихъ правительствъ — гибло въ результатѣ гражданской войны, вызванной октябрьскимъ переворотомъ и всей послѣдовавшей за нимъ политикой совѣтской вла-

сти. Упорный и стойкій врагъ послѣдней — Донская область въ результатѣ этихъ потерь обезкровлена. Она одна потеряла нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ—300.000 по однимъ подсчетамъ и 600.000 по другимъ. А кромѣ Донской Области длительное участіе въ гражданской войнѣ принимало населеніе Сибири, Урала, Поволжья, Сѣвера, Кубани,Терека, Ставропольской губ.... Конечная цифра населенія, погибшаго въ результатѣ большевистской революціи, не будетъ преувеличена, если я опредѣляю ее въ 15 милліоновъ человѣкъ.

За 4 года совѣтской власти Россія потеряла такое количество жизней, которое превышаетъ населеніе средняго по размѣрамъ государства, какъ напримѣръ, Чехо-Словацкая Республика. Потери равняются тремъ восьмымъ населенія Великой Французской державы; а съ присоединеніемъ къ нимъ милліоновъ, обреченныхъ на голодную смерть зимой и весной въ началѣ 1922 года, потери Россіи за 4,5 послѣдніе года будутъ равны *половинѣ* населенія Франціи.

Помимо огромныхъ утратъ въ *количествѣ* населенія, безмѣрно много страна потеряла въ структурѣ послѣдняго. Соціальное строеніе населенія упростилось и понизилось. Разгромлены такіе важные для нормальнаго хода общественной жизни пласты, какъ пролетаріатъ и буржуазія. Численность рабочаго класса уменьшилась вдвое, по сравненію съ его численностью даже въ 1897 году: тогда было 9,2 милліона чел., въ 1920 г. — только 4.775.000 чел. Указанная численность рабочаго класса въ 1897 г. относится къ Россіи съ Польшей. Въ Россіи безъ Польши рабочихъ было почти 8 милліоновъ человѣкъ въ 1897 г. и около 10 милліон. въ 1906 г. (подсчеты И. Чернышева). Гораздо сильнѣе, чѣмъ численность *всѣхъ* рабочихъ, уменьшилось ядро пролетаріата, состоявшее изъ *квалифицированныхъ* рабочихъ: послѣднихъ къ концу 1920 г. въ промышленности осталось врядъ-ли больше 25 проц. отъ кадровъ 1916-17 г.г.

Понизилось строеніе населенія и съ точки зрѣнія его разселенія между городомъ и деревней. Населеніе городовъ разбѣжалось и вымерло. За три года совѣтской власти (1917-1920г.г.) оно сократилось на 30 проц.,и современная Россія не отличается отъ Россіи 1897 г. Въ городахъ 12 губерній, названныхъ мною въ первой главѣ, въ 1897 г. жило — 3.993.998 чел., а въ 1920 г. — 3.851.487 человѣкъ. Двадцатичетырехлѣтній періодъ въ развитіи

страны вычеркнуть революціей... Упадокъ городовъ Россіи, вслѣдствіе разрушенія и порчи жилищъ, будетъ долгимъ. Десятилѣтіе пройдетъ прежде, чѣмъ города вновь поднимутся до прежнихъ размѣровъ и пріобрѣтутъ свое прежнее значеніе.

Послѣдней чертой, характеризующей потери въ населеніи, являются усиленныя географическія перемѣщенія человѣческихъ массъ. Въ теченіи 1921 г. только изъ двухъ губерній (Казанской и Саратовской) съ привычныхъ и насиженныхъ мѣстъ поднялось и двинулось въ другія «сытыя» мѣста 750.000 чел. Если къ переселенцамъ этихъ двухъ губерній прибавить переселенцевъ 2-3 другихъ губерній, пораженныхъ голодомъ, то человѣческій потокъ, вышедшій только за одинъ годъ и только изъ 4-5 губерній, будетъ равенъ переселенческому потоку, вышедшему въ прошломъ Россіи изъ 50 губерній и за 16-лѣтній періодъ (1885-1900 г.г.). Таковъ размѣръ современныхъ передвижекъ человѣческихъ массъ! А между тѣмъ, переселеніе шло безпрерывно во всѣ годы совѣтской власти и имъ захвачено не меньше 20 губерній. Передвинулись, бросивъ на произволъ судьбы свое недвижимое имущество, многіе милліоны людей...

Еще разительнѣе *экономическія* потери Россіи.

Народный доходъ въ 50 губ. Европ. Россіи въ 1913 году равнялся 11.805 милліонамъ рублей, что при 116.484.000 человѣкъ населенія въ этомъ районѣ давалъ средній годовой доходъ на душу населенія въ 101 рубль 35 коп. Къ концу 1920 и началу 1921 г.г. народный доходъ упалъ, ибо въ десять разъ сократилась продукція промышленности, на 60 проц. понизилась производительность сельскаго хозяйства, впятеро сократилась работа парового транспорта, вовсе исчезло строительное дѣло, приблизительно вдвое меньше дохода давало лѣсоводство и рыболовство *) и не

---

*) Когда писалась первая глава, я не имѣлъ цифръ, характеризующихъ сокращеніе улова рыбы. Теперь въ моемъ распоряженіи имѣется брошюрка «Очеркъ экономическаго и финансоваго положенія современной Россій ро оффиціальнымъ даннымъ» извѣстнаго экономиста Россіи, скрывшагося подъ псевдонимомъ Ракетова. Авторъ сообщаетъ, что за продовольственную компанію 1919-1920 года власть, несмотря на объявленную ею націонализацію всей рыбы, собрала послѣднюю лишь въ количествѣ 7 милліоновъ пуд., т. е. «разъ въ десять меньше поступленія рыбы до войны на рынокъ изъ отечественнаго улова». Цифра Ракетова, указывающая паденіе улова, преувеличена: въ 1913 г. уловъ рыбы въ Европ. Россіи по подсчетамъ Кевдина далъ 45.377.000 пудовъ, т. е. меньше не въ 10, а въ 6,5 разъ.

меньше, чѣмъ вчетверо сократилась торговля. При такихъ коэффиціэнтахъ сжатія отдѣльныхъ сторонъ народнаго хозяйства, народный доходъ равнялся лишь 26 проц. довоеннаго размѣра, т. е. въ среднемъ давалъ на душу населенія 26 р. 35 к. въ годъ. Передъ большевистскимъ переворотомъ въ 1917 г. народный доходъ, вслѣдствіе потрясеній хозяйственной жизни, вызванныхъ войной, былъ ниже дохода 1913 года. Допустимъ, что онъ упалъ на 25 проц. — цифра несомнѣнно преувеличенная, такъ какъ основа экономической жизни Россіи сельское хозяйство — сжалось гораздо меньше: посѣвная площадь въ 1917 г. сократилась, противъ 1913 г., не больше, чѣмъ на 10-12 проц. При допущенномъ предположеніи доходъ на душу населенія передъ большевистскимъ переворотомъ равнялся 76 р. 1 коп. *) За три года совѣтской власти онъ уменьшился, слѣдовательно на 49 руб. 66 коп. на душу населенія. Преуменьшая потери, предположимъ дальше, что народный доходъ въ 1921 г. сохранился на уровнѣ 1920 г., а доходъ въ два первые года коммунистической власти — въ 1918 и 1919 годахъ въ своей суммѣ равнялся доходу 1917 г. При принятой нами средней численности населенія, находившагося на совѣтской территоріи, въ 100 милліоновъ человѣкъ для трехъ первыхъ годовъ и въ 130 милліоновъ для послѣдняго года, утраты въ доходѣ населенія за 4 года будутъ равны:

для 1918 и 1919 г. г.	4.966 милліон. руб.
для 1920 г.	4.966 милліон. руб.
для 1921 г.	6.456 милліон. руб.

Общая потеря въ народномъ доходѣ за 4 года равняется 16.388 милліонамъ золотыхъ рублей.

Послѣднюю цыфру необходимо увеличить: къ ней надо прибавить еще уменьшеніе дохода той части населенія, которая находилась на антисовѣтской территоріи и хозяйство которой подвергалось также депрессіи, вызываемой гражданской войной. Это населеніе при допущенныхъ нами предположеніяхъ, для первыхъ трехъ годовъ совѣтской власти равнялось 30 милліонамъ человѣкъ. *) У меня нѣтъ основаній, чтобы хоть съ далекимъ прибли-

*) По цѣнамъ товаровъ 1913 г.

**) Все населеніе совѣтской Россіи въ предѣлахъ территоріи 1921 г. равно 130,7 милліоновъ человѣкъ, среднее число населенія, находившагося во всѣ годы подъ совѣтской властью, мы приняли въ 100 милліоновъ чел. Остатокъ приходится на долю антисовѣтской территоріи.

женіемъ установить дѣйствительный размѣръ недобора въ доходѣ у этого населенія. Очевидно только одно; тутъ паденіе дохода было гораздо меньшимъ, чѣмъ въ совѣтской Россіи, ибо меньшему разрушенію тутъ подвергалось хозяйство. Опредѣляю сокращеніе дохода совершенно произвольной, но отнюдь не преувеличенной цыфрой, въ 10 руб. въ годъ на душу населенія. Общій размѣръ потеряннаго народнаго дохода за три года для населенія антисовѣтской территоріи тогда выразится въ 900 милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ, все населеніе современной Россіи за 4 послѣднихъ года потеряло въ своемъ доходѣ 17.288 милліоновъ золотыхъ рублей.

Не выражаетъ всѣхъ экономическихъ потерь Россіи и послѣдняя цыфра: за годы совѣтской власти шло сокращеніе не только количества и напряженности хозяйственнаго труда; одновременно происходило «проѣданіе» и разрушеніе основного капитала страны. Изнашивались зданія и машины, портились желѣзнодорожные, рѣчные и шоссейные пути. погибалъ скотъ, ухудшалась земля, вырождались сѣмена, ломался с. х. инвентарь, вырубались фруктовые сады и искусственныя древесныя насажденія, на дрова валились цѣннѣйшія корабельныя рощи, лѣсъ свозился, какъ это было, напримѣръ, въ Воронежской губ., съ делянокъ 1940 и даже 1950 года, обваливались сооруженія въ копяхъ и шахтахъ, на ж. д. «кладбища» безъ числа отправлялись вагоны и паровозы, гибли морскія и рѣчныя суда—паровыя и непаровыя и т. д. безъ конца. Вездѣ и безпрерывно уничтожались важнѣйшія хозяйственныя цѣнности, созданныя тяжелымъ и долгимъ трудомъ безчисленныхъ поколѣній. Гибли *устои* матеріальной культуры. Нѣтъ данныхъ, чтобъ подсчитать *эти* потери. Ихъ нельзя опредѣлить, даже приблизительно, даже произвольно. Но онѣ должны быть огромны. Исчисляться онѣ могутъ только въ милліардахъ золотыхъ рублей.

Чтобы дать представленіе о колоссальныхъ размѣрахъ потерь въ основномъ капиталѣ страны, попробуемъ, хотя бы приблизительно, установить ихъ только въ одной сторонѣ народнаго хозяйства, въ хозяйствѣ сельскомъ. Мы и тутъ, однако, безсильны высчитать и оцѣнить потери выродившихся сѣмянъ, истощенной земли, износившагося инвентаря, обветшавшихъ зданій и т. д. Подсчеты возможны только въ *одной* отрасли сельскаго

хозяйства — въ скотоводствѣ. Произведемъ ихъ по отношенію къ важнѣйшимъ родамъ животныхъ — лошадямъ, крупному рогатому скоту (коровы, быки, волы), овцамъ и свиньямъ.

По с. х. переписи 1916 г. на 100 душъ сельскаго населенія животныхъ было: лошадей — 27,2 головы, крупнаго рогатаго скота—44,5, овецъ—71 и свиней—19,3. Допускаемъ, что то-же количество скота было у сельскаго населенія всей Россіи въ концѣ 1917 г., когда у власти стала коммунистическая партія.

За первые три года совѣтской власти скотъ, по оффиціальнымъ совѣтскимъ подсчетамъ (на основаніи переписей въ 1917 и 1920 годахъ), сократился слѣдующимъ образомъ: лошади на 19 проц., коровы на 7,5 проц., овцы на 42 проц., свиньи на 45 проц.... Подсчетъ убыли скота *къ концу 1921 г.* мы имѣемъ только по отношенію къ лошадямъ. — Разсчеты проф. Придоротина здѣсь показали, что къ августу 1921 г. въ Европейской совѣтской Россіи лошадей оставалось 12 милліоновъ головъ изъ 21 милліона, бывшихъ въ 1916 г. Убыль лошадей за 45 мѣсяцевъ совѣтской власти, равняется, такимъ образомъ, 43 проц.; предполагая равномѣрный темпъ уменьшенія лошадей въ остальные 5 мѣсяцевъ 1921 г. (августъ-декабрь), убыль лошадей должна увеличиться еще почти на 5 проц. Въ нормальный годъ она была бы меньше, такъ какъ половину этого періода лошади могутъ подкармливаться на жнивьяхъ и лугахъ и ихъ убыль должна пріостанавливаться. Но конецъ 1921 г. не былъ нормальнымъ: около 6 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ было поражено тягчайшимъ голодомъ. Падежъ и убой лошадей съ наступленіемъ морозовъ начался въ нихъ въ огромныхъ размѣрахъ. Я принимаю, поэтому, убыль лошадей къ концу 1921 г. въ 48 проц.... По отношенію къ остальнымъ видамъ скота, я предполагаю для 1921 г. такой-же темпъ въ сокращеніи его количества, какимъ онъ былъ въ среднемъ для трехъ предшествующихъ годовъ. Убыль къ концу 1921 г. будетъ равняться: для овецъ — 56 проц., для свиней — 60 проц., для коровъ—7,5 проц.. Такъ какъ статистическихъ данныхъ спеціально о коровахъ въ прежней Россіи не было и онѣ всегда учитывались вмѣстѣ съ волами и быками («крупный рогатый скотъ»), а убыль воловъ и быковъ была гораздо большей, чѣмъ коровъ, то для всей группы рогатаго скота я буду считать убыль въ 8 проц..

Предполагаю далѣе, что эти цыфры потерь въ скотѣ относятся

къ населенію въ 100 милліоновъ человѣкъ, изъ которыхъ, по даннымъ послѣдней демографической переписи 1920 г., сельскихъ жителей было 83,7 проц. Убыль скота среди остальныхъ 30 милліоновъ *) населенія произвольно считаю въ 4 раза меньшей: 12 проц. для лошадей, 15 проц. для свиней, 14 для овецъ, и 2 проц. для крупнаго рогатаго скота.

Принимаю затѣмъ, что помимо прямого уменьшенія скота, на credit въ счетѣ четырехъ послѣднихъ революціонныхъ годовъ необходимо поставить и то увеличеніе скота, которое страна имѣла бы въ условіяхъ своей нормальной жизни. Увеличеніе для лошадей и крупнаго рогатаго скота въ среднемъ за 45 лѣтъ (1869-1913) равняется приблизительно 1 проц. въ годъ, а для свиней, по даннымъ за 17-лѣтіе (1900-1916 г.г.) больше 2 проц. въ годъ. *) Абсолютное количество овецъ въ Россіи давно уже почти стаціонарно; увеличенія ихъ не было бы и при нормальныхъ условіяхъ общественной жизни.

Потери Россіи на возможномъ приплодѣ я считаю для лошадей и рогатаго скота въ 2,5 проц. (0 проц. — въ 1918 г., 0,5 проц. — въ 1919 г., и по 1 проц. — въ 1920 и 1921 г.г.), а для свиней въ 5 проц. (1 проц. — въ 1919 г. и по 2 проц. — въ 1920 и 1921 г. г.) При всѣхъ указанныхъ предположеніяхъ убыль скота за 4 года на территоріи совѣтской Россіи въ предѣлахъ 1921 г. будетъ равняться:

	Прямая убыль: У 100 милліоновъ населенія	Прямая убыль: У 30 милліоновъ населенія	Потеря въ приплодѣ скота у всего населенія	Всего (Въ тысячахъ головъ)
	Въ тысячахъ головъ			
Лошади	10.880	819	750	12.449
Крупн. рогат. скотъ	2.980	223	1210	4.413
Овцы	33.279	2.524	0	35.803
Свиньи	9.692	727	2000	12.419
Итогъ	56.831	4.293	3960	65.084

---

*) Сельскихъ жителей среди нихъ считаю столько-же какъ и во *всей* Россіи — 83,7% или въ абсолютной цифрѣ — 25.110.000 человѣкъ.

*) Свиноводство послѣ первой русской революціи 1905-1907 г. г. начало быстро развиваться въ нашихъ крестьянскихъ хозяйствахъ. Въ 47 губ. Европ. Россіи число свиней за 16-17-лѣтній періодъ между 1900 и 1916 г. выросло съ 10.559.000 до 16.290.000, т. е., увеличилось на 54%.

Двѣнадцать съ половиной милліоновъ лошадей, четыре съ половиной милліона головъ крупнаго рогатаго скота, почти тридцать шесть милліоновъ овецъ, и почти двѣнадцать съ половиной милліоновъ свиней, а всего 65 милліоновъ головъ — таковъ размѣръ гибели основного капитала страны въ одной части одного сельскаго хозяйства!

Эти умопомрачительныя цыфры отнюдь не преувеличены. Наоборотъ, онѣ, по общему правилу для всѣхъ дѣлаемыхъ въ этомъ заключеніи подсчетовъ, преуменьшены и преуменьшены значительно. Мнѣ было бы не трудно доказать это, но, экономя мѣсто, доказывать не буду. Чтобы читатель *почувствовалъ* пониженность исчисленныхъ потерь въ скотоводствѣ, напомню лишь указанную во второй главѣ убыль скота только въ Туркестанѣ — изъ 24.100.000 головъ въ 1915 г. къ 1921 году здѣсь осталось лишь 5.700.000, т. е. меньше на 18.400.000 головъ. А эти цыфры взяты мной изъ оффиціальнаго экономическаго органа совѣтской власти.

Попробуемъ прикинуть въ рубляхъ, что унесла революція изъ основного капитала страны въ одномъ скотоводствѣ. Если считать среднюю стоимость лошади въ 60 руб., коровы въ 40 руб., овцы въ 6 руб., свиньи въ 10 руб., то всѣ 65 милліоновъ головъ убывшаго скота будутъ стоить 1.262 милліона рублей.

Повторяю, нѣтъ возможности учесть величину экономическихъ цѣнностей, потерянныхъ Россіей изъ ея средствъ и условій народо-хозяйственной жизни, но уже сдѣланные неполные и преуменьшенные разсчеты показываютъ ихъ потрясающе-огромный размѣръ. Если сложить потери въ народномъ доходѣ страны, и потери въ ея основномъ капиталѣ, и гибель двухмилліарднаго золотого фонда государства, *) то мы получили бы величину, превышающую сумму денежно-золотого запаса, накопленнаго всѣмъ человѣчествомъ за все время его существованія. **)

Считаютъ, что міровая война, въ которой участвовало свыше 60 милліоновъ человѣкъ, направлявшихъ всѣ силы своего духа

---

*) Отъ прежняго золотого запаса россійскаго государства къ 15 маю 1921 года въ распоряженіи совѣтской власти оставалось 230 милліоновъ руб. Къ началу 1922 года остатокъ долженъ былъ окончиться.

**) Считаю денежно-золотой запасъ міра въ 24 милліарда рублей.

и тѣла на уничтоженіе противника, отняла у человѣчества 37 милліоновъ жизней. Революція, цѣлью которой было благо людей, а вовсе не истребленіе ихъ, отняла 15 милліоновъ человѣческихъ жизней у одной только страны. Уже отняла, а сколько еще отниметъ! Въ перспективѣ новые милліоны неизбѣжныхъ человѣческихъ труповъ — *неизбѣжныхъ* въ ближайшіе мѣсяцы, при всякой власти, при всѣхъ мыслимыхъ условіяхъ...

Потери въ населеніи и въ народномъ хозяйствѣ сопровождались разгромомъ *Россійскаго государства,* слагавшагося вѣками. Государство не исчезло, но оно уменьшилось и выродилось. Исчезъ его налаженный рабочій аппаратъ, смѣнившись безобразной и несвязной громадой новыхъ учрежденій; исчезли регулирующіе общественную жизнь нормы закона, смѣнившись произволомъ; неограниченное насиліе надъ населеніемъ представителей власти и натравливаніе послѣдними голытьбы на грабежъ болѣе обезпеченныхъ группъ были положены въ основу управленія государствомъ; охранно-полицейскіе интересы и террористическія задачи власти сдѣлались руководящими въ ея внутренней политикѣ; государственная власть оказалась анархически децентрализованной и, номинально единая, Россія фактически превратилась въ такое количество полунезависимыхъ феодовъ, сколько въ ней было губерній; поскольку центральная власть сохранялась и дѣйствовала, она въ важнѣйшихъ вопросахъ государственной жизни безконтрольно сосредоточилась въ рукахъ «пятерки», выдѣляемой подъ именемъ «политбюро» Центральнымъ комитетомъ коммунистической партіи; безмѣрно расширившись въ своихъ задачахъ, государственное хозяйство въ то же время сжалось въ объемѣ своихъ фактическихъ операцій, если мѣрять послѣднія величиной государственнаго бюджета.

Всѣ эти явленія были слѣдствіемъ экономической программы власти и методовъ ея проведенія. Власть въ концѣ концовъ пришла къ сознанію краха своей политики и необходимости во имя собственнаго спасенія рѣзкой перемѣны послѣдней. Возстанія крестьянства и, въ особенности, Кронштадтская гроза помогли оформленію этого сознанія. Былъ объявленъ «новый курсъ» въ экономической политикѣ. Вмѣстѣ съ нимъ, власть, продолжая заявлять себя представителемъ пролетаріата и декларируя интересы послѣдняго въ качествѣ единственныхъ, руководящихъ ея

дѣятельностью, по существу перенесла свои надежды на буржуазію.

«Новымъ курсомъ» власть поставила передъ собой задачу сложную и противорѣчивую: требовалось, съ одной стороны, безраздѣльно удержать политическую власть въ рукахъ коммунистической партіи, а съ другой стороны заманить буржуазію — русскую и иностранную — на энергичную работу по возстановленію народнаго хозяйства, разрушеннаго въ конецъ; требовалось, не мѣняя по существу методовъ политическаго управленія страны, приведшихъ къ открытой и напряженной борьбѣ населенія съ властью, такъ измѣнить ихъ форму, чтобы общественная жизнь страны вошла въ нормально-покойные берега; требовалось въ *раздробленной* странѣ создать *единое* хозяйство; требовалось, вообще, возсоздать общественную жизнь, основанную на твердомъ и единомъ правѣ, въ атмосферѣ безправія и съ людьми, привыкшими къ неограниченному насилію и грабежу...

Появился злободневный и волнующій вопросъ о возможности постепеннаго перерожденія коммунистической партіи въ нормально функціонирующую государственную власть. Я на этотъ вопросъ далъ рѣшительный отрицательный отвѣтъ: путь къ возрожденію страны лежитъ *внѣ* коммунистической власти, онъ откроется только *послѣ* уничтоженія послѣдней.

Безчисленныя утраты понесены страной и въ области ея *культуры*.

Здѣсь, прежде всѣхъ и больше всѣхъ, пострадало молодое поколѣніе, переживавшее въ годы революціи періодъ своего дошкольнаго воспитанія и школьнаго образованія. Революція со всѣми ея послѣдствіями, въ видѣ гражданской войны, обнищанія, огрубѣнія нравовъ и распада прежняго стойкаго быта, вызвала усиленное разложеніе семьи и быстрый численный ростъ безпризорныхъ дѣтей. Съ уничтоженіемъ прежнихъ муниципальныхъ учрежденій (городскихъ и земскихъ), съ принудительной ликвидаціей и самоликвидаціей благотворительныхъ обществъ, государство осталось единственной организаціей, которая могла и *должна* была взять на себя заботу о безпризорныхъ дѣтяхъ. Государство это сдѣлало, но въ такихъ формахъ, съ такимъ преступнымъ пренебреженіемъ къ интересамъ и правамъ, къ здоровью и жизни дѣтей, что организованное призрѣніе послѣднихъ превра-

тилось въ ихъ организованное истребленіе и нравственное калѣченіе. Власть нашла, однако, возможнымъ превратить безчисленные дѣтскіе трупики въ свой пьедесталъ, съ котораго она хвастливо вѣщала міру о своихъ огромныхъ заслугахъ передъ дѣтьми Россіи.

Нищета страны и государства, школьныя «реформы» власти разгромили и низшую школу. «Революція смыла школьную сѣть», признавался Луначарскій. *) Первоначальное образованіе, созданное совмѣстными усиліями прежняго государства, земствъ, городскихъ самоуправленій и отдѣльныхъ лицъ, исчезло. Усилія крестьянъ, по новому оцѣнивающихъ значеніе грамотности, организовать обученіе своихъ дѣтей въ порядкѣ частной иниціативы и добровольныхъ личныхъ затратъ, не могли возмѣстить потерь отъ распада прежней сѣти школъ. Отмѣчу попутно, что эта частная иниціатива преслѣдовалась властью: учащимъ, подъ угрозой тяжелыхъ наказаній, было запрещено *платног* обученіе дѣтей.

Средняя школа сохранилась гораздо лучше низшей, но «реформы» власти изуродовали и ее. Пагубное дѣйствіе «реформы» отразилось не только на программѣ школъ, но и на бытѣ, складывавшемся среди учащихся.

Результаты работы власти, направленной на воспитаніе и образованіе растущаго молодого поколѣнія Россіи, были по достоинству оцѣнены въ рѣчи извѣстнаго въ Россіи доктора Горна.

«Я»,говорилъ докторъ,«готовъ простить большевикамъ многое, почти все. И разгонъ Учредительнаго Собранія, и разстрѣлы, и принудительныя работы, даже тѣ испытанія, которымъ подвергли они русскую науку и ученыхъ. Одного я не могу простить имъ и не прощу. Это — тѣхъ экспериментовъ, положительно преступныхъ, достойныхъ развѣ только дикихъ негритянскихъ племенъ, что продѣлывали и продѣлываютъ до сихъ поръ большевики надъ молодымъ поколѣніемъ, надъ дѣтьми. Этому ихъ преступленію— нѣтъ равнаго въ мірѣ. *Они загубили — морально и физически —*

*) Такъ-же революція смыла и другія, прежде развитыя и налаженныя, сѣти — медицинскую, агрономическую, кооперативную, страховую. Отъ всѣхъ этихъ учрежденій, создавшихся напряженнымъ и часто воодушевленнымъ трудомъ, какъ послѣ пожара, осталось только пепелище.

цѣлое россійское поколѣніе, загубили безвозвратно и, увы, непоправимо!»

Высшая школа, особенно школа техническая, сравнительно уцѣлѣла. Но 1921 г. ознаменовался и здѣсь введеніемъ «диктатуры пролетаріата», что на языкѣ россійской дѣйствительности обозначаетъ диктатуру коммунистической партіи надъ «научнымъ преподаваніемъ и *изслѣдованіемъ*». Какъ ни чудовищенъ и внутренно ни нелѣпъ былъ этотъ принципъ диктатуры надъ научнымъ изслѣдованіемъ, власть сдѣлала все, что могла и умѣла, чтобы провести его въ жизнь. Общее высшее образованіе, въ результатѣ этихъ мѣропріятій власти *формально* было упразднено.

Экономическая политика власти заставила деградировать и выродиться технику книгопечатанія: въ 1920 г. типографіи Россіи выпустили печатныхъ произведеній въ 6,5 разъ меньше, чѣмъ въ 1916 г. Объявленная націонализація всѣхъ типографій и всей бумаги дала государственной власти неограниченную возможность контролировать и «регулировать» книгоиздательское дѣло. Власть воспользовалась этой возможностью, чтобы убить независимую русскую литературу. Право имѣть читателя у писателя было отнято. Онъ, если не служилъ перомъ коммунистической власти, *долженъ* былъ молчать.

А наряду съ этимъ ослабленіемъ книгоиздательства и «сознательнымъ умерщвленіемъ» независимой коммунистической литературы, въ огромномъ размѣрѣ шло уничтоженіе прежней книги. Книга, то по сознательному разсчету коммунистовъ, то по невѣжеству созданныхъ ими учрежденій, въ большихъ количествахъ отправлялась въ перемолъ на писчебумажныя фабрики, она сжигалась коммунистами въ деревняхъ на кострахъ, шла на курительную бумагу, въ городахъ ею нерѣдко растапливали, а то и топили печи.

Несмотря на безправность и беззащитность ученаго и писателя-художника, несмотря на жестокія насилія надъ законнѣйшими изъ ихъ интересовъ и правъ, несмотря, наконецъ, на безумно-трудныя условія ихъ матеріальнаго существованія, научная и художественная мысль въ Россіи не убита. Творчество новыхъ духовныхъ цѣнностей продолжается. Это кажется невѣроятнымъ, почти чудомъ. Но это—фактъ. Духъ умственныхъ «верховъ» русскаго населенія не сломленъ. Онъ не только живъ, но часто и

бодръ. И большой вопросъ, гдѣ продѣлана большая духовная работа — въ русской ли интеллигентной эмиграціи, живущей въ сравнительно сносныхъ матеріальныхъ и правовыхъ условіяхъ, среди ли интеллигенціи, оставшейся въ отвратительныхъ и мучительныхъ условіяхъ русской жизни. Мои личныя наблюденія и знанія говорятъ не въ пользу первой.

То бодрое настроеніе духа, съ которымъ живутъ интеллигентные «верхи» Россіи, особенно отчетливо чувствуется въ широкихъ образованныхъ и полуобразованныхъ кругахъ Россіи, создавшихъ многочисленную и разнообразную новую литературу, преимущественно устную. Я привелъ выше примѣры этой литературы — обычно весьма мелкой по содержанію и бѣдной по формѣ, но дорогой и показательной въ смыслѣ отражаемыхъ ею общихъ настроеній населенія.

.....Безконечно, безумно много потеряла Россія. Тягчайшія утраты вездѣ — въ человѣческихъ жизняхъ, въ хозяйственныхъ цѣнностяхъ, въ культурѣ, въ содержаніи и формахъ общественной жизни. Только двѣ цѣнности сохранила Россія — живой духъ своего народа и свой изначальный соціальный пластъ — крестьянство. Общественное значеніе послѣдняго, въ результатѣ потерь страны, а также вслѣдствіе прямыхъ психическихъ пріобрѣтеній крестьянства въ революціонные годы, выросло въ значительной мѣрѣ. Крестьянство въ концѣ 1920 года составляло 83,7 проц. всего населенія, оно давало 79 проц. всего народнаго дохода, оно вносило государству 90 проц. всѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, поступавшихъ въ его распоряженіе. Эта выросшая общественная роль крестьянства дѣлаетъ неизбѣжнымъ для будущей власти Россіи искать свою соціальную опору прежде всего въ крестьянствѣ. Внѣ поддеджки а тѣмъ болѣе при противодѣйствіи послѣдняго, грядущая власть Россіи удержаться врядъ-ли сможетъ.

Силы, которыя вызвали крестьянство къ активной политической жизни въ цѣломъ рядѣ странъ, — въ Юго-Славіи, Румыніи, Польшѣ, Латвіи, Эстоніи, Болгаріи и Чехо-Словакіи, — дѣйствовали и въ Россіи. Но въ послѣдней онѣ были увеличены еще возбуждающимъ дѣйствіемъ революціи на крестьянскую психику, исчезновеніемъ класса помѣстнаго землевладѣнія и огромными потерями класса рабочихъ и класса буржуазіи. «Россія будетъ или крестьянской державой, или ея вовсе не будетъ».

Потери страны въ своей послѣдовательности и размѣрахъ подчиняются тому общему закону, который управляетъ распадомъ всего живого. Я о немъ уже упомянулъ, говоря о народномъ хозяйствѣ Россіи. Распадъ идетъ сверху внизъ, отъ сложнаго къ простому, отъ позднѣйшихъ пріобрѣтеній человѣчества къ болѣе раннимъ. Чѣмъ функціи общественной жизни выше, а формы ихъ проявленія сложнѣй, тѣмъ раньше и скорѣй онѣ начинаютъ замирать и тѣмъ быстрѣе умираютъ. Такъ, умираніе городовъ началось раньше и шло быстрѣй, чѣмъ умираніе деревни; болѣе поздніе по своему происхожденію общественные классы Россіи потеряли больше, чѣмъ классъ изначальный—крестьянство; паровой транспортъ разрушенъ сильнѣе гужевого; паденіе добычи высшихъ категорій топлива (минеральнаго и жидкаго) значительнѣе, чѣмъ паденіе добычи топлива примитивнаго — дровяного; въ крупной промышленности распадъ шелъ скорѣй, чѣмъ въ промышленности мелкой и сельскомъ хозяйствѣ; въ послѣднемъ наиболѣе сильный уронъ понесли высшія, т. е. въ прогрессивной хозяйственной эволюціи появившіяся позднѣе, отрасли хозяйства: культура техническихъ растеній упала сильнѣе, чѣмъ культура кормовыхъ хлѣбовъ, а посѣвъ послѣднихъ сократился значительнѣе, чѣмъ посѣвъ хлѣбовъ продовольственныхъ; промысловыя отрасли скотоводства разгромлены больше, чѣмъ отрасли, обслуживающія потребительскія нужды хозяина и хозяйства.

Тотъ-же законъ управляетъ потерями въ области государственной и культурной жизни. Государство, сдѣлавшее въ своемъ историческомъ развитіи огромный пробѣгъ отъ военно-полицейскаго къ правовому, а потомъ къ культурно-цѣлевому, наиболѣе потеряло въ двухъ своихъ послѣднихъ свойствахъ; объективно оно снова превратилось въ военно-полицейское, въ «ночного сторожа» по выраженію Лассаля, но и въ этомъ своемъ качествѣ оно потеряло признаки, характерные для высокой степени развитія военно-полицейскаго типа государства — свои военныя и полицейскія цѣли государство осуществляетъ не во имя интересовъ населенія, а во имя интересовъ правящей группы; государство потеряло единую административную власть, единыя и писанныя нормы права, правильно организованный и нормально-дѣйствующій судъ и т. д. Оно приблизилось къ анархически децентрализованному государ-

ству средневѣковья, потерявъ черты, пріобрѣтенныя имъ въ позднѣйшую пору его развитія.

Въ культурной жизни изъ трехъ видовъ образованія — низшаго, средняго и высшаго — наиболѣе пострадалъ тотъ, который развернулся и окрѣпъ въ позднѣйшій періодъ — образованіе начальное; болѣе позднее по времени развитія систематическое творчество въ области матеріальной культуры упало сильнѣе, чѣмъ творчество въ области культуры духовной; книгопечатаніе уменьшилось сильнѣе, чѣмъ производство рукописныхъ произведеній, а писанныя произведенія сократились больше, чѣмъ устныя.

Отмѣчаемый законъ имѣетъ довольно много противорѣчащихъ фактовъ. Такъ, напр., производство конечныхъ и наиболѣе сложныхъ продуктовъ въ металло-обрабатывающей промышленности сократилось меньше, чѣмъ производство полу-фабрикатовъ; высшее техническое образованіе, несмотря на то, что оно появилось въ исторіи человѣчества позднѣе, чѣмъ образованіе общее, пострадало меньше послѣдняго и т. д. Противорѣчащіе примѣры не подрываютъ, однако, факта существованія и дѣйствія закона, ибо они объясняются дополняющимъ законъ воздѣйствіемъ богатаго и разнообразнаго наслѣдства, полученнаго (въ видѣ матеріальныхъ предметовъ, общественныхъ пластовъ, привычекъ, навыковъ и мнѣній людей и т. д.) «коммунистическимъ» періодомъ жизни отъ предшествовавшаго «буржуазнаго». Дѣйствіе этого наслѣдства и отклоняетъ ходъ русской жизни отъ пути, опредѣляемаго указаннымъ закономъ распада.

Отмѣченный законъ своими многочисленными проявленіями доказываетъ, что та ближайшая причина, которая вызвала этотъ всеобщій распадъ русской общественной жизни и ея откатъ въ далекое историческое прошлое — политика государственной власти, проводимая при помощи всѣхъ рессурсовъ государства — не мирится съ современными формами и современнымъ содержаніемъ общественной жизни. Это указаніе коммунисты, въ концѣ концовъ, восприняли. Но урокъ данъ не только россійскимъ коммунистамъ, его значеніе, конечно, больше — передъ нами урокъ міpового значенія. Онъ обращенъ ко всѣмъ, кто вѣрилъ и вѣритъ въ методъ революціонно-насильственной перестройки *основъ* жизни, пользуясь государственнымъ аппаратомъ разнообразнаго принужденія. Урокъ подтверждаетъ старую истину, что сами по себѣ революціи не творятъ, онѣ только разрушаютъ. Ихъ смыслъ и оправ-

даніе только въ задачахъ отрицательнаго значенія — лишь въ устраненіи *препятствій* для творчества. Революціи законны лишь въ мѣру содѣйствія подлиннымъ «локомотивамъ исторіи» — эволюціоннымъ процессамъ, дѣйствительно перестраивающимъ жизнь и творящимъ ея новыя здоровыя формы.

Урокъ безмѣрно дорогой цѣной данъ въ частности революціоннымъ соціалистамъ, которые основной источникъ современныхъ болей и бѣдъ видѣли въ институтѣ частной собственности на средства производства и которые *механическую* замѣну его институтомъ общественной собственности считали необходимымъ и *достаточнымъ* условіемъ для излеченія общественныхъ язвъ и для созданія «Царства Божія на землѣ».

Теперь, послѣ страшнаго русскаго опыта, сдѣлалось очевиднымъ, что источникъ общественныхъ бѣдствій бьетъ не изъ формъ собственности, во всякомъ случаѣ, не только изъ нихъ. Сдѣлалось очевиднымъ, что одной перемѣной формъ собственности общественное благополучіе не создается.

Урокъ данъ и всѣмъ соціалистамъ, которые были повинны то въ исключительномъ, то въ незаконно большомъ фиксированіи вниманія на трудѣ исполнителей, и въ забвеніи о трудѣ инициіаторовъ и организаторовъ. Всѣ соціалисты недооцѣнивали общественную важность инициіативно-организаціоннаго труда и его живыхъ носителей. А эта важность огромно велика. Велика настолько, что властное подавленіе ихъ интересовъ и правъ разрушаетъ все народное хозяйство, а вмѣстѣ съ нимъ и всю общественную жизнь.

Одностороннее вниманіе соціалистовъ въ сторону исполнительнаго труда вытекало изъ другого, болѣе основного дефекта въ ихъ міросозерцаніи, — изъ ихъ перенапряженныхъ интересовъ къ явленіямъ и проблемамъ *распредѣленія* и изъ соотвѣтствующей недооцѣнки явленій и проблемъ *производства*. Русскій опытъ заставляетъ ярко почувствовать всю ненормальность этого размѣщенія интересовъ: забытое производство мститъ такими страшными явленіями въ распредѣленіи, передъ которыми меркнутъ всѣ изъяны и язвы въ распредѣленіи капиталистическаго общества... Тутъ русская жизнь четырехъ послѣднихъ лѣтъ даетъ второй общесоціалистическій урокъ по методу нагляднаго обученія.

Соціалистамъ данъ и третій, еще болѣе общій и важный урокъ. Онъ связанъ съ двумя предыдущими и относится къ вопросу о

современной общественной роли буржуазнаго класса и къ вопросу о значеніи современнаго строя общественно-экономическихъ отношеній.

Русскій опытъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о важности и необходимости существованія буржуазнаго класса въ текущій историческій періодъ. Нельзя, воспользовавшись минутнымъ настроеніемъ массъ и захвативъ государственную власть, приниматься за революціонное уничтоженіе буржуазіи, какъ соціально-экономической категоріи. Нельзя, ибо послѣдствія будутъ ужасны: русская революція демонстрировала ихъ. Въ общественной жизни нѣтъ ничего неизмѣнчиво-вѣчнаго, по словамъ Гераклита, здѣсь «все течетъ» и все мѣняется. Пробьетъ часъ смерти и для тѣхъ формъ общественной жизни, въ которыхъ живетъ современное человѣчество. Сойдетъ съ исторической сцены и буржуазія, ибо выростутъ силы, которыя сумѣютъ человѣчнѣй и лучше дѣлать дѣло, выполняемое теперь буржуазіей. Но пока эта смѣна не пришла, пока силы не выросли, буржуазія общественно цѣнна и нужна. Она является представителемъ и носителемъ инщіативно-организующаго труда въ промышленности, кредитѣ, транспортѣ и т. д. Ея насильственное и преждевременное уничтоженіе разрушаетъ народо-хозяйственную жизнь.

Исторически преходящая, буржуазія является въ то же время исторически обусловленной, а, слѣдовательно, и исторически оправданной. Она обусловлена и оправдана низкимъ развитіемъ личности въ среднемъ и «массовомъ» человѣкѣ, его эгоизмомъ, неразвитой способностью видѣть далекія слѣдствія близкихъ явленій, его непривычкой къ организованнымъ дѣйствіямъ, неумѣніемъ общественно вести по существу общественныя дѣла и т. д. Лучшія формы общественной жизни при такомъ пониманіи должны явиться не въ результатѣ *борьбы*, а въ результатѣ положительнаго творчества ихъ. Лучшее будущее не можетъ быть завоевано, его должно *создать*. Боевыя задачи, которыя доминировали въ мысли и жизни соціалистовъ, въ ихъ теоріи и практикѣ должны уступить свое мѣсто задачамъ строительнымъ и мирнымъ. Вся стратегія соціалистическаго движенія, построенная подъ угломъ основной задачи захватить государственную власть, построена во имя ложной цѣли, ибо одинъ захватъ государственнаго аппарата не способенъ повести къ коренной и здоровой ломкѣ общественныхъ отношеній и, въ частности, къ полезному удаленію съ арены

жизни буржуазіи, какъ вліятельной силы въ народо-хозяйственной жизни...

Буржуазія — не помѣха на путяхъ историческаго роста человѣчества: она — необходимый этапъ. Этапъ — преходящъ, какъ всѣ этапы, но неизбѣженъ. Безсмысленъ взглядъ, видящій въ буржуазіи только зло; безумна работа, направленная къ ея уничтоженію во всякій моментъ и при всякомъ уровнѣ развитія умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ свойствъ населенія.

Таковъ общій смыслъ этого третьяго урока, даваемаго русской жизнью соціалистамъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ смысломъ урокъ властно предъявляетъ соціалистамъ требованіе построить ихъ теорію и практику не на задачахъ борьбы, а на задачахъ творчества, не на ломкѣ, а на стройкѣ, не на сокрушеніи буржуазіи, а на вызовѣ изъ народныхъ глубинъ новыхъ творческихъ силъ, способныхъ смѣнить буржуазію въ отправляемыхъ ею общественныхъ функціяхъ; онъ требуетъ не революціонной ломки исторически сложившихся общественныхъ отношеній, а эволюціонной и положительной стройки новыхъ и лучшихъ общественныхъ формъ. Революціонный методъ дѣйствія можетъ войти сюда лишь въ мѣру борьбы съ препятствіями на пути строительства новыхъ формъ жизни и вызова новыхъ силъ дѣйствія.

Въ томъ новомъ міросозерцаніи, которое въ настоящее время складывается въ широкихъ рядахъ общественно-активной интеллигенціи, оставшейся въ Россіи, и которое принимаетъ авторъ этихъ строкъ, всѣ эти уроки восприняты, учтены и изъ нихъ дѣлаются надлежащіе выводы. Въ главѣ, посвященной соціально-психическимъ процессамъ среди интеллигенціи, читатель увидитъ это.

Положительная и крупная общественная роль буржуазіи получила признаніе даже со стороны россійскихъ коммунистовъ. Потерявъ надежду на поддержку міровогo пролетаріата и на близкую соціальную революцію, они перенесли свой, ищущій опоры и содѣйствія, взглядъ съ пролетаріата на буржуазію. Именно къ этому сводится сокровенный смыслъ «новаго курса» въ экономической политикѣ современной государственной власти Россіи: прежде объектомъ своего циническаго и наглаго воздѣйствія она внутри и внѣ Россіи имѣла пролетаріатъ, теперь «ловкость рукъ», проворство языка и безстыдно-наглый взглядъ перенесенъ на бур-

жуазію — русскую и міровую. Неизвѣстно, въ какой степени удастся этотъ новый, по счету второй обманъ. Большевики, во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ все, чтобы продѣлываемое ими теперь «замыливаніе глазъ» удалось: они поспѣшно спускаютъ свой черный пиратскій флагъ, торопливо выбрасываютъ за бортъ «завоеванія» октябрьской революціи и поднимаютъ надъ управляемымъ ими судномъ — государствомъ бѣло-зеленое знамя — знакъ мира и надеждъ. Сохраняя внутри своего дома — Россіи всю азіатчину усвоенныхъ ими методовъ поведенія и управленія, наружный фасадъ дома они спѣшно облицовываютъ «подъ Европу». Какъ и прежде, нѣтъ предѣла и нѣтъ примѣра наглости и лжи, проявляемымъ ими въ ихъ новыхъ демаршахъ, направленныхъ по адресу буржуазіи. Они упразднили «чрезвычайку» и самъ Ленинъ заявилъ себя ея убѣжденнымъ противникомъ. Правда, Всероссійская конференція коммунистической партіи, бывшая всего полгода назадъ (въ іюнѣ 1921 г.), при активномъ содѣйствіи того-же Ленина одобрила политику усиленныхъ репрессій по отношенію къ дѣятелямъ всѣхъ политическихъ партій, а мѣсяцемъ позднѣе видные коммунисты благожелательно предупреждали двухъ моихъ знакомыхъ, бывшихъ соціалистовъ-революціонеровъ, о крутыхъ настроеніяхъ Ленина и совѣтывали перебыть періодъ введенія «новаго курса» заграницей; правда, Всероссійская «чрезвычайка» со всѣмъ своимъ штабомъ перекочевываетъ въ нѣдра «Госполитуправленія» (государственнаго политическаго управленія), а губернскія «чрезвычайки» въ «губполитотдѣлы» и «реформа», такимъ образомъ, сводится лишь къ работѣ маляровъ, которые должны будутъ закрасить однѣ вывѣски и написать новыя, но все-таки на малоосвѣдомленнаго заграничнаго адресата изъ буржуазіи «реформа» можетъ и должна произвести впечатлѣніе... Заграничной буржуазіи заявляется дальше, что будутъ признаны прежніе внѣшніе займы Россіи, что вводятся новые написанные законы, гарантирующіе имущественныя права, что создается правильный судъ, вводится свобода передвиженія; заявляется далѣе, что власть не противъ тайныхъ переговоровъ и тайныхъ договоровъ, и «вѣрноподданные» совѣтской власти должны знать лишь фактъ заключенія послѣднихъ, вводятся «свободные» профессіональные союзы и «свободная» кооперація, разрѣшаются частныя издательства и т. д., и т. д.

Работа по облицовкѣ фасада Россіи «подъ Европу» кипитъ во

всю. Чтобы шире освѣдомить о ней, не полагаясь на широковѣщательныя совѣтскія радіо, подкупаютъ буржуазную прессу, какъ раньше нанимали коммунистическіе органы. Не останавливаются и на этомъ. Коммунистическая власть идетъ дальше, доходя до панегирикъ правительствамъ Англіи и Франціи.

Все это для «внѣшняго употребленія», а «тамъ... въ глубинѣ Россіи», у себя дома, власть доводитъ своихъ политическихъ противниковъ, брошенныхъ въ тюрьмы, до попытокъ самосожженія (с. р. Игельская въ Орловской тюрьмѣ), продолжаютъ выселеніе десятковъ тысячъ крестьянскихъ семей съ Юга на Сѣверъ и по пути замариваютъ ихъ по тюрьмамъ; тамъ по прежнему разстрѣливаютъ «бандитовъ» на Украинѣ, Кубани, въ Сибири, въ Поволжьи; тамъ тысячами арестовываютъ людей по городамъ и заживо гноятъ ихъ въ подвалахъ; тамъ назначаютъ «заплечныхъ дѣлъ мастера» Дзержинскаго продовольственнымъ диктаторомъ, давая ему неограниченныя полномочія; тамъ по прежнему идутъ аресты заложниковъ, конфискація имущества, вымираніе населенія и грабежъ коммунистами.

Новая политика власти требуетъ новыхъ людей, ибо «въ мѣхи старые не вливаютъ вино новое», и мѣриломъ искренности «новаго курса» для всякой власти, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ была перемѣна прежняго руководящаго персонала власти: а кто изъ душителей несчастной Родины смѣненъ въ Россіи? Кѣмъ замѣненъ? Допущена-ли частная, не казенная, политическая пресса? Введено-ли тайное голосованіе при выборахъ? Выпущены-ли изъ тюрьмы политическіе противники власти, годы сидящіе тамъ безъ слѣдствія и суда, порой безъ единаго допроса? Прекращена-ли ихъ медленная смертная казнь подъ пыткой голодомъ? Можетъ-ли рабочій свободно уйти съ казенной фабрики или завода? Свободенъ-ли крестьянинъ отъ полнаго произвола мѣстныхъ властей? Сдѣланъ-ли онъ равноправнымъ и полноправнымъ участникомъ въ политической жизни страны?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Туманъ надъ равнинами родины стоитъ по прежнему. Прежніе палачи на прежнихъ мѣстахъ и за прежнимъ занятіемъ. Измученная грудь населенія дышетъ прежними короткими и судорожно-быстрыми вздохами.

И, однако, нашъ новый національный позоръ надвигается: мы близки къ признанію совѣтской власти. Міровыя державы Европы скоро примутъ ея делегатовъ, какъ *«законныхъ и достойныхъ»*

представителей великой страны и народа. «Ну, чтожъ — одной обидой больше, одной слезой рѣка шумнѣй». Не привыкать: сколько Россія уже видѣла этихъ обидъ отъ «вѣрныхъ» союзниковъ за минувшіе черные тяжкіе годы!

Европейскія правительства, подталкиваемыя Ллойдъ Джорджемъ, устраивающимъ наканунѣ выборовъ свою политическую карьеру внутри Англіи, вѣроятно, признаютъ совѣтскую власть. Другой и болѣе спорный вопросъ — признаетъ-ли ее тотъ классъ, на который совѣтская власть поставила свою новую ставку и который она сдѣлала объектомъ своихъ новыхъ гипнотическихъ пассовъ. Будетъ-ли онъ такъ-же усыпленъ и обманутъ, какъ годы въ своемъ слѣпомъ невѣдѣніи усыплялся и обманывался пролетаріатъ міра. Этотъ вопросъ важнѣе, ибо отъ одного признанія совѣтской власти правительствами Европы, кромѣ щемяще-тяжелаго чувства обиды въ русской душѣ, да барабаннаго боя и звона литавровъ на страницахъ совѣтскихъ газетъ и въ устахъ совѣтскихъ ораторовъ ничего не прибавится и ничего не убавится. Кредитовать совѣтскую власть правительства не смогутъ, и не захотятъ. Самимъ большевикамъ это признаніе правительствами нужно въ первую очередь для полученія признанія со стороны европейской буржуазіи. Послѣдняя для нихъ безконечно важнѣе правительствъ, ибо признаніе съ ея стороны вольетъ въ совѣтскую власть, переживающую пору собачьей старости, новыя силы и дастъ ей новую возможность держаться. Признаніе буржуазіей дастъ власти денежныя средства, дастъ странѣ и власти станки и машины, дастъ странѣ инціативно-организаціонную энергію, необходимую для возрожденія хозяйственной жизни.

Трудно предсказать грядущія событія въ области второго признанія — произойдетъ-ли оно, когда, въ какихъ размѣрахъ и формахъ, произойдетъ-ли вообще? Я склоненъ вопросъ рѣшать отрицательно: признанія не будетъ. Отдѣльные срывы въ этомъ направленіи со стороны отдѣльныхъ лицъ и группъ буржуазіи будутъ, но реально мыслящій и осторожно дѣйствующій буржуазный классъ въ цѣломъ не признаетъ совѣтской власти, несмотря на всю значительность и напряженность его современнаго интереса къ Россіи.

Формой экономическихъ отношеній съ Россіей, наиболѣе пріемлемой для буржуазіи при сложившейся на Родинѣ обстановкѣ, является торговля. Но торговля съ Россіей въ настоящее вре-

мя буржуазіи ничего дать не можетъ. Объ этомъ говоритъ уже продѣланный опытъ торговли; объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуютъ и данныя экономической статистики.

Чѣмъ торговала Россія прежде? Отвѣтъ даетъ слѣдующая таблица о ежегодномъ ввозѣ и вывозѣ за послѣднее пятилѣтіе передъ войной (1909-1913 гг.):

Группы товаровъ	Вывезено		Ввезено	
	(Въ тысячахъ рублей)			
1. Жизненные припасы . .	905.810	60,4%	205.760	18,1%
2. Сырье и полуобработ. матеріалы	494.497	33,2%	554.718	48,7%
3. Животныя	29.573	1,9%	11.870	1,0%
4. Издѣлія фабрично-заводскія и промышл. .	67.541	4,5%	367.308	32,2%
Итогъ	1.497.421	100%	1.139.656	100%

Жизненные припасы вмѣстѣ съ сырьемъ и полуобработанными матеріалами составляли 93,6 проц. всего нашего прежняго заграничнаго вывоза и давали странѣ 1.400 милліоновъ золотыхъ рублей.

Можетъ-ли Россія вывозить эти товары теперь? Отвѣтъ будетъ ясенъ изъ перечня важнѣйшихъ предметовъ прежняго вывоза и стоимости каждаго изъ нихъ (въ милліонахъ рублей):

Жизненные припасы		Сырье и полуобработанные матеріалы	
Зерновой хлѣбъ	677	Лѣсъ	145
Яйца	76	Ленъ	77
Масло коровье	62	Нефть	37
Сахаръ	41	Выжимки	35
Мясо	6,5	Кожа невыдѣланная	31
Птица	5,5	Сѣмена	24
Табакъ	5	Мягкая рухлядь	17
Икра	4	Пенька	16
Итогъ	847		382

Изъ перечисленныхъ товаровъ двухъ важнѣйшихъ группъ, дававшихъ въ прежнемъ вывозѣ 1,229 милліоновъ рублей, въ настоящее время вывозу можетъ подлежать только икра, нефть, лѣсъ и мягкая рухлядь. Лѣсъ, однако, даже при нормальныхъ условіяхъ народно-хозяйственной жизни, Россія по подсчетамъ русскихъ лѣсоводовъ, можетъ вывозить въ первое время въ количествѣ не болѣе 70-75 проц. прежняго времени. Въ существующихъ условіяхъ вывозъ будетъ гораздо меньшимъ. Примемъ его въ

25 проц. прежней стоимости. Нефть въ Россіи есть, ея запасы велики, но для вывоза она недоступна безъ предварительныхъ длительныхъ работъ и крупныхъ затратъ по ремонту нефтепровода, нефтеналивного флота, цистернъ и т. д. Прикрашивая дѣйствительность, примемъ, однако, что въ количествѣ, уменьшенномъ втрое противъ прежняго времени, можно вывезти и ее. Предположимъ, что мягкую рухлядь и икру возможно вывозить въ прежнемъ количествѣ. Общій итогъ вѣроятнаго вывоза по четыремъ названнымъ предметамъ, составитъ только 80 милліоновъ руб., т. е., лишь 6,5 проц. прежняго вывоза. Но и этотъ вывозъ крайне проблематиченъ: лѣсныхъ матеріаловъ, напримѣръ, въ настоящее время не хватаетъ даже для внутренняго потребленія Россіи. А лѣсъ даетъ почти половину указанной цифры въ 80 милліоновъ руб...

Развязные агенты совѣтской власти сулятъ, конечно, гораздо больше. Такъ, Красинъ въ іюнѣ 1920 года заявилъ, что Россія можетъ вывезти заграницу 15 милліоновъ льняного волокна и это было напечатано даже въ органѣ совѣтской торговой делегаціи въ Лондонѣ. Кромѣ хлестаковщины въ этой цифрѣ нѣтъ ничего. Русской дѣйствительности она не отражаетъ даже отдаленно. Тутъ идетъ «втираніе очковъ» — занятіе, въ которомъ дѣятели коммунистическаго государства весьма наторѣли за свою предшествующую работу «на пользу» міровою пролетаріата. Вотъ оффиціальныя цифры, характеризующія дѣйствительное положеніе дѣлъ со льномъ: до войны льняного волокна въ Россіи собиралось 25-26 милліоновъ пудовъ, въ 1920 г. собрано было 2 милліона пуд.; прежняя текстильная промышленность (фабричная и кустарная) перерабатывала его въ количествѣ 7 милліоновъ пудовъ въ годъ, современная промышленность въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, при работѣ въ одну смѣну, требуетъ въ годъ 2,5 милліона пудовъ. По самымъ оптимистическимъ подсчетамъ конца 1920 г. у населенія сохранился запасъ льняного волокна прежнихъ лѣтъ въ 6 милліоновъ пудовъ, но населеніе, въ виду отсутствія фабричной мануфактуры и недостатка льняныхъ сѣмянъ, съ нимъ не разстанется. О 16 милліонныхъ запасахъ льна въ Россіи никто не говоритъ: эта цифра исключительно для «внѣшняго употребленія».

Путь торговыхъ сношеній съ Россіей для заграничной буржуазіи почти закрытъ. Торговать Россіи нечѣмъ. Буквально во всемъ нуждаясь, сама Россія дать почти ничего не можетъ.

Остается путь разработки русскихъ естественныхъ богатствъ — горныхъ, лѣсныхъ, рыбныхъ и другихъ. Этотъ путь требуетъ, во-первыхъ, значительныхъ и долговременныхъ денежныхъ затратъ въ Россіи и, во-вторыхъ, вывоза вырабатываемыхъ продуктовъ заграницу, такъ какъ современная емкость русскаго внутренняго рынка крайне ничтожна. Второе обстоятельство сильно сокращаетъ поле дѣятельности для заграничнаго капитала, ибо цѣлый рядъ предметовъ, добытыхъ въ Россіи, заграницу везти нельзя — невыгодно. Не можетъ вывозиться, напримѣръ, уголь, желѣзная руда съ Урала, каменная и самосадочная соль, каспійская сельдь и т. д. Емкій внутренній рынокъ въ Россіи, конечно, можетъ возстановиться, но когда? и какія предварительныя затраты требуются для этого? Внѣ возрожденія сельскаго хозяйства внутренняго рынка въ Россіи быть не можетъ, а сколько потребуетъ сельское хозяйство времени и средствъ, хотя-бы на одно возстановленіе своего, въ конецъ разрушеннаго, мертваго инвентаря?!

Долговременныя затраты для постановки предпріятій на концессіонныхъ или иныхъ началахъ связаны для владѣльцевъ средствъ съ тройнымъ рискомъ: 1) предпріятія могутъ сдѣлаться объектомъ новой націонализаціи со стороны власти, ибо нѣтъ никакихъ гарантій, что націонализаторскій припадокъ не случится съ ней вторично, 2) въ той неустойчивой политической жизни, которой живетъ Россія и которая вызывается борьбой населенія съ властью, предпріятія легко могутъ погибнуть физически, *) 3) договоры, заключаемые владѣльцами предпріятій съ совѣтской властью, могутъ быть непризнаны будущей русской властью, которая неизбѣжно будетъ рѣзко и рѣшительно антисовѣтской. **)

Встаетъ и еще одно затрудненіе: работа крупныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій невозможна безъ нормальной работы парового транспорта. При капризномъ транспортѣ современной Россіи

---

*) Борьба праваго и лѣваго крыльевъ, которая все разгорается внутри коммунистической партіи, дѣлаетъ внутреннее политическое положеніе въ Россіи еще сложнѣй и неустойчивѣй.

**) Соображеніе о томъ, что будущая власть, заинтересованная въ скорѣйшемъ возрожденіи хозяйства Россіи, не посмѣетъ нарушать интересовъ буржуазіи — неосновательно: умѣло опираясь на національные и внутри-національные антагонизмы буржуазныхъ группъ, власть всегда будетъ имѣть возможность рѣшительнаго воздѣйствія на отдѣльныхъ представителей буржуазіи.

крупная промышленность немыслима. Необходимо, слѣдовательно, въ первую очередь улучшить его. А что значить улучшить транспортъ? Необходимо смѣнить шпалы, рельсы, обезпечить регулярный притокъ нужнаго вида топлива, исправить службу ж. д. связзи, заставить работать ж. д. мастерскія, имѣть запасныя части, болты, гайки и т. д. Для выработки запасныхъ частей и желѣзноремонтнаго матеріала необходимо имѣть металлъ и т. д. Другими словами, внѣ оздоровленія всей хозяйственной жизни страны невозможно и оздоровленіе транспорта. Кромѣ того, весь транспортъ находится въ рукахъ власти и она врядъ-ли пойдетъ на передачу его въ частныя руки. А это для буржуазіи,ввязавшейся въ хозяйственную дѣятельность въ Россіи и заинтересованной въ нормальной работѣ транспорта, обозначаетъ необходимость финансировать власть, т. е. коммунистическую партію. Какіе финансовые круги пойдутъ на эту сдѣлку?

Если-бы буржуазія стала на наиболѣе выгодный для нея путь возсозданія емкаго внутренняго рынка Россіи, чтобы работать съ своими предпріятіями на него, то необходимость значительныхъ и долгосрочныхъ займовъ правительству будетъ еще настоятельнѣе.

Повторяю, поскольку при современномъ человѣческомъ невѣжествѣ въ области соціальныхъ явленій возможно и позволительно ставить прогнозъ, нѣтъ основаній ожидать,чтобы совѣтская власть въ своей ставкѣ на буржуазію добилась нужнаго ей успѣха. Отъ правительствъ Европы она признаніе, можетъ быть, и получитъ, буржуазія-же ее врядъ-ли признаетъ.

МАТЕРІАЛЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ КНИГИ.

1. «Труды Центральнаго Статистическаго Управленія. Том. I. Выпускъ I. Предварительные итоги переписи населенія 28 августа 1920 г. Населеніе 25 губерній Европейской Россіи». Москва 1920 г.

2-3. «Статистическій справочникъ». А. Дядиченко и Л. Чормакъ. Выпускъ I и III. Москва 1906 г.

4. «Сборникъ статистико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и иностранныхъ государствъ». Изд. Министерства Земледѣлія. Петроградъ 1916 г.

5. «Опытъ исчисленія народнаго дохода 50 губ. Европ. Россіи въ 1900-1913 г.» подъ редакціей С. Н. Прокоповича. Москва 1918 г.

6. Предварительные итоги всероссійской с. х. переписи 1916 г. Выпускъ I. Европейская Россія. Поуѣздные, погубернскіе и порайонные итоги». Петроградъ 1916 г.

7. «Статистическій ежегодникъ соціально-политическихъ таблицъ». С. Зака. Годъ третій (1909-1910). Москва 1910 г.

8. «Статистическій справочникъ по аграрному вопросу». Выпускъ II. Сельское хозяйство. Изданіе Лиги Аграрныхъ Реформъ. Москва 1918 г.

9. «Россія въ цифрахъ» (Страна, народъ, сословія и классы). Н. А. Рубакинъ. С-Петербургъ 1912 г.

10. «Труды общаго съѣзда представителей русской промышленности и торговли въ Парижѣ 17-23 мая 1921 г.».

11. А. Ракетовъ. «Очеркъ экономическаго и финансоваго положенія современной Россіи по оффиціальнымъ даннымъ». Ревель 1921 г.

12. «Очеркъ дѣятельности Народнаго Комиссаріата Земледѣлія за три года (1917-1920)» Б. Н. Книповичъ. Москва 1920 г.

13. С. Клепиковъ. «Промышленность Совѣтской Республики». Москва. 1919 г.

14. Отчетъ Комиссаріата Просвѣщенія «1917-октябрь-1920 г.». Москва 1920 г.

15. «Работникъ Просвѣщенія» № I — Журналъ Комиссаріата Просвѣщенія. Декабрь 1920 г.

16. Газеты: «Экономическая Жизнь», «Правда», «Извѣстія ВЦИКа» за 1921 г.

17. Комплекты газеты «Воля Россіи», еженедѣльника «Воля Россіи», еженедѣльника «Революціонная Россія».

18. Неопубликованные матеріалы, полученные въ Комиссаріатахъ — Земледѣлія, Просвѣщенія, Финансовъ, Продовольствія и во Всерос. Чрезв. Комиссіи.

19. Неопубликованные доклады: 1) на Всероссійскомъ съѣздѣ представителей лѣсопромышленныхъ трудовыхъ артелей въ 1921 г. 2) на частныхъ совѣщаніяхъ агрономовъ передъ Всероссійскимъ агрономическимъ съѣздомъ (съѣздъ не былъ открытъ); 3) на собраніяхъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства (докладъ С. Н. Прокоповича «Перспективы денежнаго обращенія»); 4) на Всероссійскомъ съѣздѣ опытниковъ; 5) на Всероссійскихъ съѣздахъ представителей коллективныхъ земледѣльческихъ организацій (1919 и 1921 г.).

20. «Частныя издательства въ Совѣтской Россіи» П. Витязева. Петроградъ 1921 г.

21. «Россія во мглѣ» Уэллса. Софія 1921 г.

22. «Законы эволюціи и русскій большевизмъ». Ф. А. Щербина. Бѣлградъ. 1921 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.